

Per. 277^d (1861, 1)

ОСНОВА

1861

Я Н В А Р Ь

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. — КОБЗАРЬ. I — V. Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
II. — ТРИ ДОЛІ МАРКА ВОВЧКА.
III. — СТИХИ:
 На Україну ФІЛИМ. ГАЛУЗЕНКА.
 1) Эллада. 2) Давнина ІЕРЕМІИ ГАЛКІІ.
 1) Гей-гей, волі! 2) Повіи, вітре! СТ. РУДАНСЬКОГО.
 1) Вечірь. 2) Журба Л. П. ГІВБОВА.
 Дбля Р. В.
 Прохві та собаки Л. П. ГІВБОВА.
IV. — СТЕХНІЙ-РОГЪ А. П. СТОРОЖЕНКА.
V. — ЗАМѢТКИ П НАБРОСКИ ДЛЯ ДРАМЫ
 ПЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ Н. В. ГОГОЛЯ.
VI. — МЫСЛИ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ ПЧА-
 ЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ. Н. П. КОСТОМАРОВА.
VII. — ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:
 1) Климентій. 2) Котляревскій Н. А. КУЛІША.
VIII. — МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА П МѢСТНЫЯ
 НАЗВАПЯ РУСПНОВЪ ВЪ НАСТОЯ-
 ЩЕЕ ВРЕМЯ. М. М. ЛЕВЧЕНКА.
IX. — РІЗДВЯННІ СВАТКИ М. Т. НОМІСА.
X. — СЪ-ВОЛЬНИИ. АННЫ БАРВИНОКЪ.
XI. — ВОСПОМИНАНИЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ. П. Я. МАКАРОВА.
XII. — ПЗЪ УКРАИНЫ А. С. ЧУЖБИНСКАГО.
XIII. — ХОЗІЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА М. А. Б.-КОХАНОВСКАГО.
XIV. — ЛИСТИ СЪ ХУТОРА ХУТОРЯНИНА.
XV. — ВІСТІ: (письма пзъ разныхъ мѣстъ юж-
 наго края).
XVI. — Вопросы Редакціи. — Отвѣты Редакціи. — Объ изданіи Украинскаго
 Словаря. — Объ изданіи Украинскаго Альбома. — Объясненіе пудо-
 бопонатныхъ южнорусскихъ словъ. — Библиографическое извѣстіе.

121⁹

C

Fj185'98743

Рес. 277^d (1861, 1)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

•Добра хочю братьи и Русьскій Земли.
Владиміръ Мономахъ.

1861

Я Н В А Р Ъ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУДИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ гѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 10-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

Копию рисунка моего аппарата и объяснения
 Лето Кенриг; Напечатано в типографии
 Копия - А. А. Кенриг

А. А. Кенриг

СЪ ЯНВАРЯ 1861 ГОДА БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ

О С Н О В А

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

Программа этого журнала слѣдующая:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и рассказы на южно-русскомъ языкѣ, а также на велико-русскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРИЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДООПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный общественный и частный бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. МЕДИЦИНА въ примѣненіи къ южно-русскому краю.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южно-русскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южно-русскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи.

Край, изученію котораго будетъ посвящена Основа, обитаемъ преимущественно южно-русскими народами. Хотя въ Бессарабіи, Крыму и Землѣ Войска Донскаго, преобладающее населеніе не южно-русское, но мы включаемъ и эти области въ кругъ нашего изученія, какъ потому, что онѣ не имѣютъ еще своихъ періодическихъ органовъ, такъ и потому, что онѣ находятся въ непосредственной, промышленной и торговой, связи съ прочими южно-русскими землями.

Въ іюнѣ текущаго 1860 года мы объявили въ газетахъ о своемъ предпріятіи, приглашая литераторовъ и ученыхъ къ участию въ Основе. Въ отвѣтъ на нашъ призывъ, многіе выразили полную готовность содѣйствовать намъ своими трудами. Ободренные сочувствіемъ людей, которые до слухъ поръ, каждый порознь, выполняли мысль, положенную нами въ основаніе нашего изданія, мы обращаемся теперь съ объясненіемъ ко всему русскому обществу.

Письменная словесность южно-русская, возродившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія, долго была дѣломъ сомнительнымъ, и обращала на себя вниманіе критики, какъ временная прихоть двухъ-трехъ человекъ, пробующихъ простонародный языкъ съ его комической стороны, на потѣху людей, не слишкомъ разборчивыхъ въ своемъ чтеніи. Но произведенія этой словесности становились все болѣе и болѣе разносторонними и, наконецъ возможность ея дальнѣйшаго развитія сдѣлалась несомнѣнною для многихъ непредубѣжденныхъ умовъ. Въ наше время, число болѣе или менѣе даровитыхъ южно-русскихъ писателей увеличивается съ каждымъ годомъ; въ наше время, вопросъ — можно ли и слѣдуетъ ли писать по-южно-русски, или — что все равно, — по-украински, разрѣшенъ самимъ дѣломъ. Остается позаботиться о томъ, чтобы, съ одной стороны, облегчить писателямъ обнародованіе ихъ произведеній, а съ другой — сдѣлать эти произведенія доступнѣйшими для большинства читателей. Такъ какъ въ журналахъ сѣверно-русскихъ вѣтъ мѣста сочиненіямъ на иномъ языкѣ, а наши писатели далеко не всѣ имѣютъ возможность издавать отдѣльныя книги, то значительная часть написаннаго остается до сихъ поръ въ рукописяхъ; это, естественно, замедляетъ производимость писателей и развитіе литературнаго вкуса въ южно-русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, потребность періодическаго изданія чувствуется по отношенію даже къ произведеніямъ одной изыщной словесности на родномъ нашемъ языкѣ. — Но эта словесность развивается не въ обособленіи отъ науки. Рядомъ съ нею, съ конца прошлаго столѣтія, шли изысканія историческія, экономическія, этнографическія, относящіяся къ народу, который говоритъ языкомъ южно-русскимъ, и къ самой почвѣ, на которой онъ утвердилъ вѣками свое существованіе. Труды нашихъ ученыхъ были издаваемы отдѣльными книгами, или помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, уже по однимъ издержкамъ, не для всякаго было доступно пользоваться этими трудами въ совокупности. Потребность особаго литературнаго органа сдѣлалась настоятельною и съ этой стороны. Между тѣмъ скорый обихъ разнообразныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, съ каждымъ годомъ дѣлается необходимымъ, — удобство и неудобство пускать въ ходъ добытую изъ жизни мысль — ощутительнѣе. Поэтому, журналъ, открытый для всякаго честнаго слова о южномъ нашемъ краѣ, во-первыхъ, облегчить для своихъ читателей пользованіе всѣмъ, что въ настоящее время выработываетъ изыщная словесность и наука относительно прошедшей и настоящей жизни южно-русскаго народа, и, во-вторыхъ, дать возможность заявлять каждую мысль, относящуюся къ насущнымъ потребностямъ всего южнаго края.

Программа Основы охватываетъ все, что можетъ занимать просвѣщенное общество по отношенію къ южно-русскому народу и къ мѣстамъ, которыя онъ болѣе или менѣе населяетъ. Считаемо долгомъ объясниться нѣсколько подробнѣе о значеніи cadaго изъ ея отдѣловъ.

I. До сихъ поръ настоящая жизнь нашего народа возсоздавалась то на сѣверно-русскомъ, то на южно-русскомъ языкѣ. Вопросъ о недостаточности сѣверно-русскаго языка для изображенія Украинцевъ, поднятый въ недавнее время, рѣшить сама словесность. Мы открываемъ свой журналъ для художественныхъ произведеній на обоихъ родственныхъ языкахъ. Зная, какъ важно во всякомъ дѣлѣ начало, мы бу-

дежь держаться самаго строгаго выбора относительно произведеній изящной словесности на языкѣ украинскомъ. (При этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ упомянемъ, что украинскій отдѣлъ словесности уже обезпеченъ у насъ значительнымъ запасомъ произведеній любимыхъ нашихъ писателей — Марка Вовчка и Т. Гр. Шевченка).

II. Исторія Южной Руси получила новый интересъ для всѣхъ русскихъ людей съ того времени, какъ Н. И. Костомаровъ обнародовалъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Историкъ нашъ продолжаетъ свои занятія съ свойственною ему настойчивостію и, какъ читатели могли замѣтить изъ его статей, напечатанныхъ въ журналахъ послѣ „Богдана Хмельницкаго“, дѣлаетъ новые шаги къ уразумѣнію нашего прошедшаго. Основа исключительно избрана имъ для помѣщенія трудовъ, хранящихся у него, покажѣтся, въ рукописяхъ, а также и всѣхъ статей, которыя могутъ быть вызваны текущими явленіями литературы.

Исторія Южной Руси до сихъ поръ еще представляетъ обширную малоразработанную новь. Въ особенности недостаточно изученіе внутреннего быта страны, — безъ чего, естественно, истинная исторія невозможна. Какъ много предстоитъ еще узнать и разъяснить, можно судить по безпрестаннымъ изданіямъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, новыхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, касающихся Южной и Западной Руси, и по богатствамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ официальныхъ и частныхъ архивахъ, которые также обладаютъ огромнымъ множествомъ матеріаловъ. Г. Иванішевъ извлекъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ (*копа, куна* или *промада*), и о судебныхъ изслѣдованіяхъ и рѣшеніяхъ ихъ, въ юго-западной Руси, изъ 300 только актовыхъ книгъ; а такихъ книгъ — тысячи (1). „При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ“, говоритъ г. Иванішевъ, „дѣлается понятно, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ“. Успіа ученыхъ тогда только достигнуть цѣли, когда само общество сознаетъ важность, и для настоящаго времени, изданія памятниковъ исторической, экономической и юридической жизни предковъ. Явленія нынѣшней общественной жизни до тѣхъ поръ не будутъ уяснены и осмыслены, пока наука не выведетъ на свѣтъ всѣхъ стихій жизни минувшей, и не станутъ понятны причины разрыва съ прошлымъ; пока настоящее общество не увидитъ ясно, что было въ прошедшей жизни вреднаго общественному организму и что въ немъ было полезнаго. Такая, разумная, связь съ прошедшимъ необходима, и достойна просвѣщеннаго сочувствія: она удерживаетъ общество и отъ самообольщеній старымъ добрымъ временемъ, и отъ палкихъ увлеченій новизною. Послѣднія вредны не менѣе первыхъ, потому что тѣ только явленія общественной жизни плодотворны, которыя возникаютъ естественно, имѣя свой корень въ явленіяхъ предыдущихъ. Поэтому-то, чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ искреннѣе и живѣе дорожитъ оно

(1) Въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ находится 6,715 актовыхъ книгъ и, сверхъ того, 377,000 отдѣльныхъ актовъ; въ Львовскомъ (бервардинскомъ) архивѣ — 8,000 томовъ; въ Витебскомъ и Виленскомъ также хранятся тысячи актовъ, важныхъ для исторіи южнаго края.

памятниками мнувшаго, и тѣмъ выше всѣхъ преходящихъ соображеній и увлеченій ставить оно *историческую истину*: исторія должна въ себѣ самой заключать свою цѣль, а не служить средствомъ для постороннихъ цѣлей.

Этимъ убѣжденіемъ будетъ руководствоваться *Основа*; — въ этомъ именно смыслъ мы дорожимъ нашей исторіей, древностями, жп-энеописаніями южно-русскихъ людей, (на какомъ бы поприщѣ ни совершалась ихъ общественная дѣятельность), дорожимъ разными актами, старинными записками частныхъ людей, однимъ словомъ — всѣмъ, что можетъ освѣтить жизнь всѣхъ слоевъ южно-русскаго народа (¹).

III. Въ послѣднее время, этнографія въ тѣсномъ смыслѣ, въ связи съ языкознаніемъ и изученіемъ современнаго общественнаго и частнаго быта, стала на степень науки и получила, въ кругу другихъ знаній, обширное примѣненіе. Безъ помощи этнографіи невозможно объяснить многихъ явленій историческихъ, юридическихъ и экономическихъ, ни уразумѣть народнаго быта и характера, слѣдовательно, независимо отъ интереса науки, этнографія должна имѣть у насъ чрезвычайно-важное, современное, значеніе.

Народъ южно-русскій отличается своеобразиемъ въ языкѣ, поэзіи, нравахъ, обычаяхъ, историческихъ воспоминаніяхъ, народныхъ вѣрованіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ и, вообще, во всемъ, что составляетъ вѣншій и внутренній его образъ. До-сихъ-поръ знали этотъ народъ преимущественно со стороны хозяйственной; но такое народознаніе будетъ слишкомъ недостаточно при гражданскихъ отношеніяхъ, которыя наступаютъ съ отрицательной крѣпостной зависимости. Окажется необходимымъ узнать не мужика, не крестьянина только, а человека, связь съ которымъ тогда только благодѣтельна для обѣихъ сторонъ, когда основана на взаимномъ довѣрїи и пониманїи. И справедливость и общежитійскія выгоды убѣждаютъ насъ въ несомнѣнной пользѣ разносторонняго изученія народа. Не зная и ни сближаясь, нельзя ни уразумѣть его, ни дать себя понять ему; а всякія недоразумѣнія и разъединенія вредны въ общежитїи. Давно-желаемое, всегда-благотворное сближеніе съ народомъ вполнѣ достигается только посредствомъ искренняго уваженія къ его человѣческимъ правамъ, — посредствомъ прямодушныхъ къ нему отношеній, утвержденію которыхъ наиболѣе способствуетъ знаніе особенностей вѣншней и внутренней жизни народа. Мы думаемъ, что на этомъ пути этнографія принесетъ значительную пользу.

По такому соображенію, мы придаемъ особенное значеніе этнографическому отдѣлу *О с и о в ы* и, имѣя въ рукахъ разносторонніе народоописательные матеріалы, (въ числѣ которыхъ находится и переданное намъ П. А. Кулшмемъ продолженіе извѣстныхъ „Записокъ о Южной Русси“), надѣемся сдѣлать нашъ этнографическій отдѣлъ весьма любопытнымъ.

IV. „Вопросъ жизни“ — вопросъ о воспитанїи и образованїи — одинъ изъ тѣхъ, на которые, послѣ крестьянскаго, обращено вниманіе правительства и общества. Особенное значеніе приобрѣтаютъ, въ настоящее время, народныя училища. Заведеніе воскресныхъ школъ, есть твер-

(¹) Обращаемся съ усердною просьбою къ частнымъ лицамъ, — въ особенности къ представителямъ старинныхъ родовъ, — сообщать намъ хранящіеся у нихъ, безплодно для науки, матеріалы, которые, по имнованїи надобности, будутъ возвращаемы со всею исправностію.

дый и вѣрный шагъ къ сближенію всѣхъ слоевъ общества. Народъ это пойметъ и оцѣнитъ. Кто не пожелаетъ, чтобъ такое полезное для обѣихъ сторонъ дѣло распространилось быстрѣе изъ городовъ въ села! Обучение народа должно сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ заботъ для образованной части общества. Вспомнимъ, что съ крестьянскими дѣтми будутъ впослѣдствіи имѣть дѣло наши дѣти: почему же, хоть изъ доброжелательства послѣдимъ, не приготовить для ихъ хорошихъ спутниковъ жизни? Знаніе остается при человѣкѣ на всю жизнь: они будутъ помнить—кому имъ обязаны. Виѣсть съ обученіемъ простаго народа, должно, безъ сомнѣнія, совершенствоваться, — на началахъ самостоятельности и труда, — и воспитаніе дѣтей другихъ сословій.

О снова будетъ внимательно слѣдить за дѣйствіями общества и распоряженіями правительства на пути народнаго образованія и сообщать обо всѣхъ явленіяхъ жизни, полезныхъ или вредныхъ просвѣщенію, на всемъ пространствѣ южно-русскаго края. Усердно просимъ всѣхъ благомыслящихъ людей помогать намъ въ этомъ, избравъ нашъ органъ для сообщенія теоретическихъ и практическихъ замѣчаній о потребностяхъ образованія на югѣ; о ходѣ его въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семьяхъ; о вліяніи разныхъ системъ воспитанія и образованія на нравственное развитіе и образъ жизни учениковъ; о ходѣ женскаго воспитанія и образованія, — которое такъ важно для будущности и такъ близко каждому изъ насъ;—о предметахъ и способахъ преподаванія въ народныхъ школахъ, объ учителяхъ и ученикахъ, о числѣ тѣхъ и другихъ. Мы просимъ также сообщать намъ сочиненія, принаровленные къ народному обученію, руководства по разнымъ предметамъ на народномъ языкѣ и т. п.; просимъ обратить вниманіе на практическое значеніе народнаго языка въ преподаваніи и проповѣди—вопросъ весьма важный и, пока, спорный единственно отъ того, что разрѣшеніе его не выведено изъ наблюденія надъ дѣйствительностью.

V. Природа южно-русскаго края до сихъ поръ слишкомъ мало изслѣдована и описана. Его географія, его естественныя богатства, условія климата и почвы и вліяніе ихъ на образъ жизни, на занятія и здоровье народа, изрѣдка были предметомъ дѣльнаго изученія и остаются мало извѣстны наукѣ, практическимъ хозяевамъ и промышленникамъ. Мы желали бы, по возможности, восполнять этотъ пробѣлъ. Зная, что нѣкоторые ученые посвящали свои труды изученію края, записывали свои наблюденія надъ народными болѣзнями и средствами леченія, надъ минеральными цѣлебными источниками и т. п., обращаемся къ ихъ просвѣщенному сочувствію съ просьбою — сообщать намъ свои свѣдѣнія для передачи обществу, которое такъ мало имѣло возможности ближе узнать южно-русскую мѣстность съ помянутой стороны.

VI. Сельское хозяйство, промышленность и торговля, въ послѣднее время, вступили на новый путь; съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости большого числа крестьянъ, произойдутъ еще болѣе значительныя пережытія въ движеніи этихъ отраслей народной дѣятельности, прешественно въ сельскомъ хозяйствѣ: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оно должно устроиваться на новыхъ началахъ. Познаніе того, что у насъ есть и чего не достааетъ намъ, въ самомъ себѣ заключаетъ уже живительную силу, отъ которой зависитъ не только наше внѣшнее благосостояніе, но и нравственное достоинство народнои жизни и характера.

Мы желаемъ сдѣлать экономическій отдѣлъ Основы какъ можно болѣе полезнымъ въ практическомъ отношеніи и потому будемъ помѣщать въ немъ только такія статьи теоретическаго содержанія, которыя могутъ имѣть непосредственное отношеніе къ жизни и быть применимы къ мѣстнымъ условіямъ края. Предположивъ внимательно слѣдить за ходомъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли на югѣ и представлять, по этимъ предметамъ, возможно-подробныя свѣдѣнія, мы усердно просимъ людей близко стоящихъ у дѣла, сообщать намъ предположенія о способахъ къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, о различныхъ видахъ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, а также устройства и управления имѣніями, фабриками и заводами; о положеніи нашихъ рабочаго класса; о доходахъ отъ земледѣлія и другихъ статей, о влияніи на хозяйство вольнонаемнаго труда; о замѣнѣ рабочей силы машинами; о примѣненіи къ мѣстному хозяйству новѣйшихъ открытій и усовершенствованій; о удобствахъ или неудобствахъ употребляемыхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, хозяйственныхъ орудій; о продажныхъ и наемныхъ цѣнахъ на земли и имѣнія вообще; о заработной платѣ; объ управляющихъ и приказчикахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочему народу; о разныхъ видахъ *громадскою* (общественнаго) устройства, управления и землевладѣнія; о крестьянахъ-собственникахъ; о влияніи частной и общественной собственности у крестьянъ на хозяйство и благосостояніе; о различныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; о способахъ сбыта разныхъ произведеній и о цѣнахъ на нихъ; о средствахъ къ улучшенію путей сообщенія, сохраненію водъ и лѣсовъ; о ремесленномъ классѣ, о мастеровыхъ и ученикахъ; о купечествѣ и мѣщанствѣ; о чумакахъ и ихъ промыслѣ; о бурлакахъ и т. д.

VII. Правительственныя постановленія и распоряженія будутъ излагаться со всевозможною полнотою, такъ-что, со временемъ этотъ отдѣлъ составитъ дѣлописъ законовъ и распоряженій, касающихся той или другой мѣстности южно-русскаго края. При постоянныхъ преобразовательныхъ мѣрахъ Правительства и ближайшихъ начальниковъ края этотъ отдѣлъ будетъ весьма важенъ и любопытенъ.

Въ VIII отдѣлѣ будетъ заключаться отчетъ о ходѣ нашей народной словесности, указаніе читателямъ на все достойное вниманія въ литературѣ и искусствахъ по отношенію къ южно-русскому народу, и доставленіе изучающимъ южно-русскій край возможности слѣдить за тѣмъ, что печатается по этому предмету въ Россіи, Польшѣ и за-границею. До сихъ поръ не были подвергнуты подробному критическому разбору литературныя произведенія по отношенію ихъ къ прошедшей и настоящей жизни Украинца. Этотъ трудъ принялъ на себя для Основы П. А. Кулишъ и мы, съ первой книжки начнемъ печатать рядъ его статей, заключающихъ въ себѣ обзоръ литературной дѣятельности замѣчательнѣйшихъ писателей, изобразившихъ южно-русскаго человека какъ на великорусскомъ, такъ и на родномъ своемъ языкѣ. Параллельно съ этимъ трудомъ будетъ ити у насъ трудъ Н. И. Костомарова по предмету критики источниковъ Русской Исторіи.

IX. При помощи корреспондентовъ, которые будутъ сообщать наблюденія свои за разнообразными явленіями общественной и частной жизни, во всѣхъ слояхъ народа, отдѣлъ „областныхъ извѣстій“ и проч. можетъ сдѣлаться дѣлописью подробностей, въ конхъ отразится общее

состояніе и ходъ южно-русской жизни. Въ этомъ отдѣлѣ всякій наблюдатель можетъ быть вкладчикомъ: главную цѣну такихъ наблюдений составляло бы, разумеется, содержаніе ихъ, а не изложеніе; при множествѣ подобныхъ корреспонденцій, всякая, по-видимому, ничтожная, мимолетная, замѣтка въ совокупности съ другими однородными замѣтками, получала бы смыслъ и значеніе.

Цѣль нашего изданія — всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе южно-русского края, — уразумѣніе его потребностей, — критическій взглядъ на себя въ прошедшемъ и настоящемъ, — общественная польза. Общечеловѣческое просвѣщеніе, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, будетъ руководящею идеею редакціи. Больше всего мы боимся удаленія отъ общей связи съ человѣчествомъ, а тѣмъ болѣе — съ жизнью сосѣднихъ народовъ. Для нашего развитія вреднѣе всего была бы замкнутость въ однихъ своихъ элементахъ, которые тогда только получаютъ всю свою цѣнность, когда придутъ въ естественное соприкосновеніе съ нравственными началами другихъ народностей.

Редакція Основы считаетъ нелишнимъ назвать слѣдующія статьи, которыми уже располагаетъ въ настоящее время.

СТИХОТВОРЕНІЯ: Гадки (Дережин), Глѣбова (Л. И.), Кузьменка (П. С.), Малашенка (М. Л.), Шевченка (Т. Г.), Щоголева.

ПРОЗА: Барвинокъ (Ганны): *Два разсказа на южно-русскомъ и одиѣ на велико-русскомъ яз.*

Горухи (М. В.): *Жемчина по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ, и критическіе разборы.*

Жемчужникова (Л. М.): *Этнографическія записки.*

Журавскаго (Д. П.): *Нѣкоторыя мѣры къ улучшенію торговли на югъ.*

Костомарова (Н. И.): *О составѣ Русскихъ летописей; — о федеративномъ началѣ въ древней Руси; — большія часть лекцій по Русской исторіи, и статьи по исторіи Южной Руси.*

Кулиша (П. А.): *Повѣсть и разсказъ на в.-р. яз.: обзоръ южно-русской словесности; этнографическія записки.*

Лебедничева (Ф. Г.): *Проповѣдь на народномъ языкѣ.*

Линейкина: *Гимназическая переписка прошлаго времени.*

Марка Вовчка: *восемь повѣстей и разсказовъ на ю.-р. яз.*

Марковича (А. В.): *Этнографическія и критическія замѣтки.*

Мордовцова (Д. Л.): *Повѣсть и два разсказа на ю.-р. яз.*

Номиса (М. Т.): *Отрывки изъ автобіографіи Блюкопътемка, и этнографическія письма.*

Носа (С. Д.): *Этнографическіе разсказы на ю.-р. яз.*

Патрищика: *„Злій духъ“ — рядъ этнографическихъ разсказовъ на ю.-р. яз.*

Переводы изъ Рилля: *Объ этнографіи, и о пѣснь.*

Стороженка (А. П.): *Дѣлъ повѣсть и рядъ разсказовъ на ю.-р. и одна повѣсть на в.-р. яз.*

Хуторянина: *„Листи изъ хутора,“ на ю.-р. яз.*

Щербака (М. Г.) *Обзоръ вновь найденныхъ старинныхъ летописей и записокъ, съ подлиннымъ ихъ текстомъ, и филологическія статьи.*

Не перечисляемъ множества этнографическихъ, историческихъ, юридическихъ, бібліографическихъ и другихъ матеріаловъ, также не упоминаемъ обѣщанныхъ, но еще недоставленныхъ намъ, статей.

Кромѣ поименованныхъ, — въ Основѣ примутъ участіе еще слѣдующія лица:

Александровичъ (М. Н.), Бьлозерскій (Н. М.), Великданъ (Ст. П.), Витавскій (Р. П.), Галаганъ (Гр. П.), Гогоцкій (С. С.), Дорошенко (Ил. П.), Иванищевъ (Ник. Дм.), Калиновскій (В. С.), Карачевскій-Волкъ (В. Н.), Конисскій (Ал. Як.), Котляревскій (Ал. Ал.), Лазаревскій (Ал. М.), Ламанскій (Вл. Ив.), Лашикоковъ (Ив. В.), Левченко (М. М.), Макаровъ (Н. Як.), Максимовичъ (М. Ал.), Маркевичъ (А. Н.), Межовъ (Вл. Изм.), Мизко (Ник. Дм.), Мокрицкій (П. Н.), Навроцкій (Ал. Ал.), Новицкій (Н. Д.) Нововъ (Ив. П.), Орловскій (М. Ак.), Остапенко-Бьленко (Ал. Ак.), Петровъ (Н. Н.), Пильчиковъ (Дм. П.), Ришельманъ (Ник. Арк.), Рьдкинъ (П. Гр.), Сементовскій (Ал. М.), Сементовскій (Н. М.), Сидоренко (Юр. Дм.), Смирновъ (М. П.), Соколовъ (Ив. Ив.), Страховъ (Ник. Ник.), Сухомлиновъ (Мих. Ив.), Спровъ (Ал. Ник.), Тарновскій (Вас. Вас.), Татариновъ (Вас. Ив.), Трощина (К. Ел.), Туловъ (М. А.), Утиловъ (В. А.), Ушинскій (Конст. Дм.), Цюхановецкій (Гр. М.), Чужбинскій (Ал. Ст.), Чубинскій (Ш. Ш.), Шохинъ (П. Т.), Якушкинъ (П. Ив.).

Подписка принимается въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ Основы при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ у И. В. Базунова; въ КИЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ.

Посылки и письма, равно и жалобы, въ случаѣ неисправнаго полученія книжекъ Основы, слѣдуетъ адресовать: *Василію Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургѣ, противъ Крулаго Рышка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за 12 книжекъ, — каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, — 8 р. 50 к. безъ пересылки, 10 р. сер. съ пересылкою и доставкою на домъ въ С. Петербургѣ.

Редакторъ В. Бьлозерскій.

Печатать позволено. С. Петербургъ, 24 декабря 1860 г. Цензоръ Ст. Лебедевъ.

Въ типографіи В. Безобразова и Кошп.

КОБЗАРЬ.

I.

Не для людей и не для славы,
Мережани та кучеряві,
Оці вірші віршую я: —
Для себе, братія моя!

Мині легшає въ невóлі,
Якъ я їхъ складаю:
Зъ-за Дніпра, мовъ, далéкого
Слова прилітають
И стéлютьця на папірі,
Плачучи, сміючись,
Мовъ ті діти, и радують
Мою сіру дúшу —
Убóгую... Любо мині —
.Любо мині зъ ними,
Мовъ батькові багáтому
Зъ дітками малými.
И радий я, и весéлий.
И Бóга благáю,
Щобъ не прислáвъ моїхъ дітокъ
Въ далéкому краю:
Нехай летять до-дóмоньку
Легéнькї діти,
Та розкажуть — якъ-то тяжко
Булó імъ на світі...

II въ ссмѣ веселій, тихій,
 Дітей привітають,
 II сівною головою
 Батько покиває;
 Мати скаже: бодай тії
 Діти не родились,
 А дівчина подумає:
 Я їхъ полюбіла...

1848 г.,

Орская крѣпость.

II.

ПОСЛАНІЕ

СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРИКОВІ

ПРИ ПОЭМІ «ИВАНЪ ГУРЪ», АБО «ЕРЕТИКЪ».

Запалили у сусіда
 Нову добру хату
 Сусіди злі; нагрілися
 Та й полагли спати,
 И забули теплий попілъ
 По полю розвіять ..
 Лежить попілъ на роспūtті,
 А въ попелі тліє
 Огнию іскра великого —
 Тліє, не вгасає,
 Підпалу жде,—якъ той мѣстникъ
 Часу дожидає—
 Злого часу. — Тліла іскра,
 Тїхо дотлівала
 На роспūtті ширóкому —
 Та й гаснути стала.

Оттáкъ Німóта запалила
 Велику хату, и семью —

Семью Славьянъ розвєднинїла,
 И нїшкомъ тїхо упустїла
 Усобиць лїютую змїю.

Полплїся ріки кровї,
 Пожаръ погасїли,
 А Нїмчикк пожарїще
 Йї сїрїть подїїлїл;
 Виросталї у кайданахъ
 Славьянськїї дїти,
 И забўли невольникк —
 Чїї вони дїти.
 А на давнїмъ пожарїщї
 Пскра братства тїла, —
 Дотївалала, дожидала
 Рукъ твєрдихъ та смїлїхъ...
 И дождалась. Прозрївъ-есї
 Вь попелї, глїбоко,
 Огонь добрий, смїлїмъ сєрцемъ
 Смїлїмъ брлїмъ окомъ!
 И засвїтївъ, любомўдре,
 Свїточъ правди, волї...
 И Славьянъ семью велїку,
 Во тьмї и неволї,
 Перелїчївъ до одногю,
 Перелїчївъ трўпи —
 А не Славьянъ, — и ставъ-есї
 На велїкихъ кўпахъ —
 На распўтїтї всєсвїтнєму —
 Іезекїїлемъ,
 И, о дїво! трўпи встали
 И очї розкрїли!
 И братъ зъ братомъ обнялїся
 И проговорїли
 Слово тїхої любовї
 На вїки и вїки! —
 И потеклї вь одно мїре
 Славьянскїї ріки!

Слава тобі, любомудре,
 Чеху — Славянинне,
 Що не давъ ти потонути
 Въ німецькій пучині
 Нашій правді! Твоє море
 Славянськее, нове,
 Затого вже буде повне,
 И попливє човенъ
 Зъ широкими вітрилами
 И добримъ кормиломъ, —
 Попливє на вольнимъ морі,
 На широкихъ філяхъ!
 Слава жъ тобі, Шафаріку,
 Во віки и віки,
 Що звівъ-еси въ одне море
 Славянські ріки!

Привітай же въ своїй славі
 И мою убогу
 Ленту — думу немудрую —
 Про Чеха святого,
 Великого мученика,
 Про славного Гуса!
 Прийми, отче! а я нішкомъ
 Бóгу помолюся,
 Щобъ усі Славяне стали
 Добрими братами,
 И синями сонця правди
 И Еретиками
 Оттакими, якъ Констанський
 Еретикъ великий!..
 Миръ мірові подарують
 И славу во віки.

22 любля 1845 року,
 въ Переяслові.

III.

Ой три шляхі шпробки
 До кўпи зійшлися;
 На чужїну зъ України
 Братї розїшлися;
 Покїнули стару матірѣ;
 Той жінку покїнувъ,
 А той сестру, а найменшїй
 Молоду дївчину.

Посадїла старá мати
 Три ясени вь полі,
 А невістка посадїла
 Високу тополю;
 Три яворї посадїла
 Сестра — при долині,
 А дївчина заручена —
 Червону калину.

Не прийялись три ясени,
 Тополя свихала;
 Повсихали три явори
 Калина зївьяла;
 Не вертаютьця три брати,
 Плаче старá мати,
 Плаче жінка зъ дїточками
 Вь нетопленїй хатї.

Сестра плаче — йде шукати
 Братїв на чужїну.
 А дївчину заручену
 Кладуть вь домовїну...
 Не вертаютьця три брати, —

По світу блукáють,
 П три шляхі широкі
 Тёрномъ заростають.

1847.
 Петербургъ.

 IV.

ПУСТКА.

(М. С. Щепкинъ).

Заворожі мні, во́лхве,
 Дру́же своу́сий!
 Ти вже се́рце запеча́тавъ,
 А я — ще бою́ся...
 Бою́ся ще погорілу
 Ха́ту руйнува́ти,
 Бою́ся ще, мій го́лубе,
 Се́рце поховати...
 Мо́же ве́рнетця надія
 Зъ тією водо́ю
 Цілю́щою, живу́щою —
 Дрібною слезо́ю;
 Мо́же ве́рнетця въ нескри́ту
 Пу́стку зімува́ти,
 И укріе и нагріе,
 Погорілу ха́ту,
 И вімете, и вімпе,
 И сві́тло засвіти́ть;
 Мо́же ще разъ проки́нутьця
 Мої ду́ми — діти;
 Мо́же ще разъ пожу́ріюся,
 Зъ дітками заплачу́,
 Мо́же ще разъ со́нце пра́вди
 Хочъ кри́зь сонъ побачу́!

1846.
 Київъ.

V.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулішъ.)

У Києві, на Подолі,
 Було колись, и ніколи
 Не вернетця, щó діялось,
 Не вернетця, сподіване...
 Не вернетця... А я, брате,
 Такі буду сподіватсь,
 Такі буду виглядати,
 Сёрцю жалю завдавати.

У Києві, на Подолі,
 Братерська наша воля,
 Безъ хóлопа и безъ пана,
 Самá собі у жупані,
 Розвернулася весела,
 Оксамитомъ шляхі стэле,
 И сдвábомъ застилае,
 И нікому не звертае.

У Києві, на Подолі,
 Козакі гуляють:
 Якъ ту воду відромъ-цѣбромъ
 Вино розливáють;
 Лѣхí, шпикí зъ шпикаркáми,
 Зъ винами, медами
 Закупíли Запорóзці
 Та й тнуть корякáми!
 А музика реве, грае,
 Людéй звеселяе,
 А пзъ Братства те бурсáцтво
 Мóвчки виглядае;
 Немá гóлій шкóлі во́лі,
 А то бь догодила!...

Кого́ жъ то тамъ зъ музиками
Люде обступили?

Въ червонихъ штаняхъ оксамитнихъ
Матнею ўлицю мете́ —
Ще́ коза́къ... Охъ, літа, літа!
Що́ ви творите? На то те жъ
Старій ударивъ въ закаблўки,
Ажъ встала кўрява! Отта́къ!
Та ще ѝ приспівуе коза́къ:

»По дорóзі ра́къ, ра́къ,
Пехай́ буде́ та́къ, та́къ!
Якъ-би́-таки́ молоді́ці
Посіяти макъ, макъ!

Дамъ ліха закаблўкамъ,
Закаблўкамъ ліха дамъ,
Достане́тся ѝ передамъ!
А вже жъ тіі закаблўки
Набра́лися ліха-мўки...
Дамъ ліха закаблўкамъ,
Дамъ ліха закаблўкамъ
Достане́тця ѝ передамъ!

Ажъ до Межігорського Спаса
Протанцюва́въ сивий,
А за нимъ и товари́ство
И ввесь святи́й Київъ.
Дотанцюва́въ ажъ до бра́ми.
Крикну́въ: »пўгу, пўгу!...
Привіта́йте, святі́ ченці,
Това́риша зъ Лу́гу!«
Свята́ бра́ма одчині́лась —
Козака́ впусти́ли;
Пзнóвъ бра́ма зачині́лась —
На ві́къ зачині́лась
Козакóві.

Хто́ жъ цей сивий

Попрощався зъ світомъ?
 Семѣнъ Палій Запорожець,
 .Іїхомъ недобитий.

Ой високо сонце сходить,
 Низенько заходить:
 Въ довгій рясі по кѣлні
 Старій чернець ходить.
 Іде чернець у Вишгородъ
 На Київъ дивитись,
 Та посидить на пригорі,
 Та хочъ пожуритись;
 Іде чернець Дзвонквою
 У яръ воду пїти,
 Та згадує, якъ-то тяжко
 Було въ світі жити;
 Іде чернець у кѣлню
 Міжъ стїни нїмії,
 Та згадує літа свої —
 Літа молодїї;
 Берє пїсьмó святé въ рúки,
 Гóлосно читає,
 А думкою старій чернець
 Далéко літає...

И тихнуть Бóжні слова...
 И въ кѣлні, нинáче въ Сїчі,
 Братérство славне оживá,
 А сівнї Гéтьманъ, мовъ сова,
 Ченцéві заглядає въ вїчі...
 Музїки... тáнці... и Бердїчевъ...
 Кáйдани брýзкають... Москвá...
 Борї, снїгї и... Еннсéй...
 И покотїлись изъ очéй
 На рясу слéзи...

»Бий поклóни

И плоть старéчу усмирїй,
 Святé Писáние читáй!

Читай, читай, та слухай дзвона, —
 А серцеві не потурай:
 Вонó тебе въ Сибірѣ водило,
 Вонó тебе ввесь вікъ дурило,
 Приспій жъ ёго, и занехай.
 Свою Борзню и Хвастовщину:
 Загіне все, ти самъ загінешъ,
 И не згадають — щобъ ти знавъ...«

И старецъ тяжко заридавъ,
 Читатъ Писанне покинувъ,
 Ходивъ по келші, ходивъ,
 А потімъ сівъ и зажурился:
 »Для чо́го жъ я на світь родився,
 Свою Україну любивъ?«

До ўтрені завивъ зъ дзвіниці
 Великий дзвінъ; чернець мій вставъ,
 Надівъ клобукъ, взявъ патиріцю,
 Перехристівся, чотки взявъ...
 И за Україну молились
 Палій Чернець пошкандибавъ. —

Т. ШЕВЧЕНКО.

1848.

Орская крѣпость.

ТРИ ДОЛІ.

I.

У слободі я родилась—Пятигір'я. Тамъ недалечко одъ насъ,— може коли Слободянські сторони доводилось переїздити, то чували,— старá жєна викопала печєри у крейдяній горі? Тридцять, чи сорок літ копала,— такі великі викопала, Господи! Було ми ходимо малими по печєряхъ тихъ,— запалимо віти соснові, та й ходимо; а хідъ узєнький та низький и дуже трудний. Міжъ людми йде, що була то жєна вєльми дрєвня, и немошна, а дѹха великого. Що, було, якъ вже їй сили переймєтца—упадє по трудáхъ тяжкихъ, та тільки заплаче до Бóга, то—якъ зілля підъ росóю— зновъ одживє, та й зновъ копа и копа. Була вона Господомъ улюбленá. Такá остáлась пáм'ять її святá.

Якъ вийти зъ тихъ печєрь та стáти одъ сонця,—передъ тобóю усє тільки гóри крейдяні бїліють висóкі, а міжъ гóрами тими узєнька рїчка, прозóра и глибока, джурчить. Прѹдко бїжить та рїчка гóней пзъ двáдцять, до самої лυки зелєної,— по луці вже тихо и шїроко разливáетца и тихо далі лєлє по-підъ гáями, а тамъ у висóкихъ очерстáхъ дєсь пропадає. Слободá нáша надъ самою лυкою рїчковою, на п'яті гóрахъ стоїть крейдянихъ, осáжена високо у давні вїки одъ вóрога Татарина, щобъ нáгло не збїгъ: здалєка зоглядали зъ гирь, ховáлися й рятувáлись. Гóри вже ті травóю зеленіють, урослі садкáми густими. Межі бїлихъ хатокъ цвітє й вишня рясна, й тонковєрха топóля пахѹчимъ лїстомъ шелєстїть; дє надъ ворїтьми тємна дрїбнолїста грѹша, якъ намєть, укривáє, абó гїллястий ясокїрь буйє; вь бєрезі калина розрослáся, повпростáли вєрби. Зъ гирь на вóду горóди бучні

розвелись. Тамъ-то зілля, овоцц! Тамъ-то цвiту! Тамъ-то стеже-чокъ и до води, й до сусiди, и до другiй. Все тó позбiгали, по-вихóжували легесенькi вiжечкi дiвóчi.

Наша хата на горi, на самому шпилечку стояла. Далéко й широко навкруги очiма скинути.

Якъ-то чáсто приходять мнi на умъ молодi лiтá: — дé що булó, якъ... Вже старуха сiва, а пáм'ять молодá не забулась...

Отсé наша хата стояла на шпилечку... Булó, вийду, сяду на прiзбi, прислухáюся, придивляюся. Вечiрть тiхий; сонечко за гóру на́да, блищить водá червоно, и тiхо лелiе — не рóпче; коло кóжної хати гóмiнъ чýти; тамъ череду вже зъ пáшп жену́ть, а тамъ пiсень спiвáють, а за рiчкою коваль куé... А óсь, вже й смеркáе нéбо, мёрхне и втихáе землiя, втихáе — уже тiхо. Нiчть обняла. Виспались зóри золотi; зийшовъ я́сний мiсяць — и все те у прозорiй водi заблiщало; защебетáвъ соловейко, защебетáвъ другий...

Я свогó отцá-неньки не знáю; я ще вь сповитóчку зостáлася спротою и прийáв менé мiй рóднчъ до сéбе, — Павлó Булахъ звáли. Ёго жiнка менé вiкохала спóломъ зъ свогó дочкóю; вь iхъ хатi я й зрослá, у iхъ и служити зостáлася.

Рóднчъ мiй бувъ хазяiнъ замóжний, хлiборóбъ; шiсть паръ волiвъ у ёго велóся, два плуги орали на хлiбъ; бравъ и сiножáтей у людéй зъ сторiнъ. Ходiвъ вiнъ чáсомъ и на Дiнъ, не щорóку, а такъ, якъ ёму по-вигóдi, привозивъ, булó, рiбу и спрóдувавъ людя́мъ — хто попрóсить, а то й собi на споживокъ ишла. Зъ тóго бувъ ёму не великий прибитокъ, коли бъ не вбитокъ, а що вiнъ дуже любивъ дорóгу. Ще ёго бáтько чумакувáвъ, и берé ёго зъ собóю малóго, то ще тодi вiнъ закохáвся у дорóгахъ. Якъ ходiвъ вiнъ перéймомъ, то ходiвъ коли ёму пожадáетця, не поспiшáючись. Та вже, булó, одъ дóму до Дóну, такъ якъ по свогóму садкóви, гуляе. Булó, якъ прiйде, отсé, до дóму, та весéлий: »Жiнко! а та криниця вь степу, бiля Рóбленихъ-Могiлъ, зóвсiмъ засипалася...«

Жiнка хочъ и не знáе, що тамъ за криниця така, а зáразъ пожалкуе звичайненько: »Отсé, кáже, »шкóда жъ кринички! И тáкечки зóвсiмъ-такi засипалася?«

— А якъ ми зъ бáтькомъ покiйнимъ, булó, ходимо — щó тамъ за водá булá у тiй криници — чiста, якъ слéзá!

И почне розказувати, якъ-то було за батька, и якъ теперъ настало...

Жінка въ ёго така була люди́на добра, така тиха, привітна, ввічлива. Я не чу́ла зъ ро́ду-віку мого одъ не́ї слова гірко́го, не чу́ла доко́ру. Та й облі́чче въ її було́ такé, наче отъ вона́ се тільки зъ це́ркви Бо́жої поверну́лася. Сиве́нька вже була́, а хоро́ша та чепу́рна, якъ та́я лебе́дя.

Хазя́їнъ бувъ чолові́къ креме́зний и норові́вий. Любі́въ вінъ дуже и жі́нку й дочку́, та хоті́въ, щобъ слухали вони́ ёго, не пита́ючи, не озива́ючись. Чи у господарстві́, чи такъ, вінъ самъ за усе́ погада́е и помірку́е и преді́лить, а жі́нці тільки ска́же, коли́ треба. Вона́ жъ завсі́ди, було́, погоді́тьця, якъ вінъ схоче́; вона́ усе́ прийма́.

Була́ въ їхъ дочка́ Ка́тря... Ся не въ ма́тірь зароді́лася—палка́, прудка́ дівчина́—тру́дно їй було́ ба́теньку корі́тись. Було́, якъ здвигне́ старій брови́, сті́сне уста́ тонкі́, та блиско́не́ о́комъ свої́мъ чо́рнимъ—ми вже зъ паніма́ткою ле́дві дй́шемо,—одна́ Ка́тря не боі́тця нічо́го: пита́е ёго та роспи́туе, та супе́речить, поки́ ажъ ба́тько не покрі́кне: «го́ді!» такімъ го́лосомъ, що й найсмі́лише у сві́ті сті́хне... Пі́сля то́го, ще до́вго у Ка́трі́ ля́чко горі́ть и слі́зкі́ вкочу́ютьця зъ очі́ць...

Хоро́ша була́ та Ка́тря! Було́, отсе́, якъ вберётця́—еди́начка, то вже нічо́го не жа́лували для не́ї,—пла́хта на їй шовко́ва, ху́стка зъ золоті́ми кві́тами, зъ золото́ю габі́ю,—зав'я́же, а зъ пра́вого бо́ку кві́точка. Корсе́тъ зеле́ний зъ ба́йки, або́ зъ сукна́. Ко́са въ не́ї була́ така́, що, було́, й руко́ю не сся́гне,—и кі́сникі́въ не носі́ла, тільки стрі́чка вплéтена черво́на, або́ голуба́. На́місто до́бре; на на́місті́ дукáчъ зъ ка́міннямъ доро́гимъ; череви́чки на ко́рочкахъ впо́кёнькихъ; сорóчка то́несенька, ви́шивана до са́михъ чо́холъ... Уві́йде, було́, вона́, де гостéй лю́дно,—всі́ по́мовнуть и на не́ї дівля́тця-здивля́ютьця,—а вона́ и всмі́хне́тця, и засоро́мнѣ́тця.

Що́-то за весéла! Що́-то за шамка́ була́! Рóдичі́въ у насъ ба́гато: то́й ожéнитця́, то́й за́міжъ пде́,—то міжъ свої́м рóдомъ нагуля́ється.

На весі́лле, чи на вчорні́ці—якъ-то, було́, Ка́тря вéсело поспі́ваєтця́! И хто її перетанцю́е, хто переспі́ває?...

А весно́ю?!... Скоро, отсе́ скре́сла крі́га, потáнувъ сні́гъ пзъ

стріхъ закрáпало, а зъ гірѣ струмóчки покотíлися; сóнечко гріє з-за веснянiхъ хмáрокъ; вітрéць дрiмливий та тéплий якiйсь пáше,— вже Кáтрыя веснянки заспiвáла. Їдé слободою її спiвáє, и дiвчáть на ўлпцю вкликáє.

Всiмá, булó, вонá дiтчáтами верховóдить, и дiвчáта її слўхали, и дўже її любiли: вонá жъ булó зъ нiмi скiльки разъ нá день и попосмiєтця, и посвáртця кiльки разъ, и обiйметця....

Житте молодéе! пiшлó вже ти за водою!

Веснá йдé та йдé. Ось вже и нéбо голубé и чiсте, и водá голубá, просвiтчаста. Сóнечко блищiть и горiть; гаi розвивáютьця; садкi зацвiтають; у вéчери десь тéхнувъ соловéйко на листáтому клени; куé зозўля на впсóкiй берéзi; гудé бджолá; мигтáть бiлi метéлки по-надъ молодéнькою травiчкою; хрущi лiтають гучлiвi.... якiйсь гóминъ, гукъ якiйсь, чи зъ-пiдъ землi, чи зъ водi, чи зъ нéба!..

Дождiáемо вéчора, а въ вéчери— на могiлу. Лéдвi намъ сяють мiсяцевi рóги, тiхо усé,—тiльки ми спiвáємо, да десь млинъ мéле, та водá въ берегi плескáє... У прáзникъ, булó, ми зарáни прокинемось до цéркви, а зъ цéркви по дiвчáть на слóбоду; гукáє, збiрає Кáтрыя дiвчáть: »Дiвчáтовька! ходiмо ми на могiлу!« —»Нi, ходiмъ у гаi по сувiнци!« —»Нi, лўчче вже на пологi, въ степъ!« —»Нi, въ садóкъ!« —»Тáмъ крáще!« —»А тáмъ лўчче!« —»А тамъ веселiше!«

И тáмъ, и тáмъ! И всюди гáрно, и всюди вéсело, и всюди крáсно! И весéла юрма дiвчáть женé, и мiсня и рéгiть несéтця....

Щó-то молодi лiтá золотi лўдямъ! Щó задўмавъ, все ёмў мóжна, все ёмў вiдрáдiсно, все втiшно; а старóму— якъ закáзано!

II.

Булá у насъ сусiдка—удовá Пилиппиха: господiня на всю слóбоду. Якá хáта, якi горóди, садóкъ, скiльки пóля, стéпу, и баштáнъ, и пáсика, и млинъ—чогó вже не булó тамъ! Зъ сéбе булá огряднá, висóка, чорнява, — все, булó, у червóному очiшку красўетця и въ зелéний юнци-до-ўсiвъ; чóботи рiпають, бiлi рукава мають шпрóки, — похожáє собi дé, то, мовъ, багáта тéща у вбóгого зiтя.

Пиліпиха була ще давня товаришка и приятелька нашої матері, и жили вони з собою добре, любилися. Не долюбляв тільки батько удови, що така вона свосумка непокірлива; недолюбляла и вона його—обопільно. Що було старий у господарстві попорядкує, що тамъ наміслить, чи зробить,—мати удові похвалятця,—удова усё осудить. Хочъ у вічі не скаже словамъ и поді, дакъ зітхне, абó головою похвтає. Ніяково, наче, ий було, що мати годить такечки старому, що такъ його слухає. Абї до насъ прийшла, що старого дома немає, то и почне слова закидати, воду, якъ-то кажуть, каламутити: »що чоловік—господаръ у полі, а жінка—господня въ господі; та що лихё житте изъ тми самовольцямъ, що вже на-за-у-міру своїмъ упоромъ ходять. Се якъ той хрінъ коренчати: де вже розкоренитця, то и посіяти за нимъ доброго нічого не можна. Лихё житте изъ такїми!«

— А якъ-же не лихё! — одказує мати наша удові, — кривъ Бігъ насъ, нехай и дітокъ нашихъ боронить!

»Ще твій не нарівливий, голубко? Ще тобі по ёму голова не звязата? Ще тобі не тісно? ще тобі не важко?«

— Отсе! Чого жъ мині важко? Чого менё лихомъ тмъ наділяете, що його зъ-роду не було? Та менё чоловікъ мій ніколи словомъ недобримъ не покартавъ...

»Що то, що вінъ мовчить! Кажуть, що и катъ не говіркий, а голову вінъ одгинає! Мовчить!.. та вінъ мовчки усіхъ насъ гніпить, підъ ноги собі топче... ні радп въ насъ, ні поради не спита—не шукає; поводитця, якъ той панъ зъ підданкам!«

— Що'тсе ти, любко, що'тсе! Може вінъ трохп и мисливський собі вдався, та вінъ же на те розумний въ насъ; намъ добре за нимъ; дякуємо ёму...

»А вжежъ! а вжежъ! Ти бъ и ворогу своєму подякувала, ти така въ Бога, мабїть, сама-одна! Менё бъ вінъ такеньки не обійшовъ: ябъ ёму довелá свого, — побачивъ би вінъ!«

— Ну жъ бо, серце!.. буде вже! — одпрощуетця мати: — Ніяково мині тебе и слухати!

»А то жъ я зъ чого 'тсе говорю, якъ не зъ прїязни моєї? Менё що долігас? що зачіпає?.. Тебе жалуючи говорю, тебе люблячи! Ти, якъ дитина, свого лиха не тямпшь, не добачаєшь, здорова!«

То се вона, люблячи та жалуючи, було ий и показує...

И справді — добра мисливши й люблячи щиро: удові здавалося, що якъ одбиватись одъ яко́го ли́ха рука́ми, то хочъ и не оді́б'єшся, такъ бо́йше́мъ наті́шнєся сла́вно.

Чудно́ б'уде, якъ искаж'у́, що удова́, не любі́вши старо́го таки́ й гара́здъ, якъ бу́ло до насъ прій́де, та ё́го до́ма не́ма, то ї́й на́че д'уже ста́не доса́дно: тоді́ в'ь не́ї и в'ь горо́ді не вроді́ло га́рно, и в'ь по́лі недорі́дъ, и зі́мі вона́ споді́ва́єтця холо́дної; а якъ нашъ ба́тько тутъ—вона́ дівит'ця жва́во и, на́че, ми усі́ ї́й тоді́ лю́біші и милі́ші...

Отъ бу́ло, тільки́ що зі́йдутця вони́, за́разъ и почну́ть як'у́с тамъ ущі́пливу розмо́ву міжъ собо́ю.

»Э́, ка́же, бу́ло, нашъ старі́й: э́, па́ні-сусі́дко! Я б'ь васъ де́ полковникомъ настанові́в! То́ іншимъ молоді́цямъ макъ сі́ят та мо́ркву сади́ти, а вамъ, і́ї-же-Бо́гу-мосму́, ва́мъ отаманува́ти!« А самъ, гово́рячи та́къ, зъ-об'ку яко́сь, на не́ї дівит'ця му́дро, що го́рда удова́ тільки́ счервоні́є та о́чи гні́влі́ві у зе́млю спу́стить, покі́ ажъ зва́житця ё́му одмо́вити.

— Се весі́лі жа́рти, па́не-сусі́доньку, — та все жа́рти; а ви миві́ якé розу́мне сло́во прокі́ньте.

»Вибача́йте на розу́мні́м—прій́міть правді́ве, сусі́донько по́важна!«

И ще́ Пили́пиха по́червоні́є...

Чи вона́ свого́ чолові́ка небі́жчика згада́є, (а вона́ ча́сто лю́била ё́го згада́вати) »отъ чолові́къ бу́в!« Зі́тхне́ ва́жко, о́чи свої́ бі́стрі у зе́млю спу́стить: »о́хъ-о́хъ! тепе́р'ь ё́го ду́шенька в'ь раю́...«

— Дя́куючи вамъ, сусі́донько! озве́тця ба́тько.

Вона́ такъ и спа́хне, и ту́гу заб'уде́ свою́ за небі́жникомъ.

»Мни́ дякуючи?« вхо́питця за те сло́во: »за що́ мни́!«

А ба́тько і́ї спокі́йне́нько та хитро́во: — А що́, ка́жу, ви ё́му вимо́лили в'ь Бо́га місце́ у раю́...

И завсю́ди, якъ тільки́ вони́ вк'упі́, — все отта́къ завед'утця ла́скавими сло́вами одно́ 'дно́го шпига́ти. Тині́тця і́нша шпі́лька и така́, що Пили́пиха не сте́рпить, — угні́вавши́ся, пі́йде, висо́ко го́лову свою́ го́рду несучі́. Та се не на вели́кі ча́си: х'утко́ знов'ь насъ одві́дає и знов'ь такъ са́мо супері́чками та ура́зками, а сва́рокъ спра́жніхъ ні́коли не бува́ло.

Була́ в'ь удові́ дочка́ Мару́ся, па́ша подру́жниця, — тожъ одно́лі́тка зъ на́ми, — и до́бра, и лю́ба, не сказа́ти яка́. Була́ круг-

лювіденька, ясноока, уста рум'яні, якъ вишня; и висока и ставна; брови на шнурочку; а го́лосъ... було тільки заговорить, то здається, вже тебе пожалувала. Тиха була дівчина, така вже тиха, що наче вона чогось смутненька. Ніколи вона такъ швидко рум'янецемъ не снахвє, якъ отъ Кятря наша, не скрикне такъ ніколи, не кинетця, не заплаче; до впаду не затанцюється, не разсєрдитця до свєрєк; не втомлена гульбошамц, горемъ не перемучена,—ясна була собі, якъ тихсе літо.

Ми зъ Катрею дуже ту Марусю любіли, и було такъ: аби намъ годинка вільна—біжимо—летимо до неї, хочъ удови ми й боялися трохи: Катря, — й та мішалася передъ удовинимъ поглядомъ.

Було, якъ забіжишъ до Марусі у робочу часину,—отъ, скучишъ,—такъ словце яке на-швидку перемовити, а тебе перестрине сама Пилипиха и стане передъ тобою не-мовъ стіна мідяна.

»А що, голубко? десь уже въ васъ по роботі?«

Та ні, я се до Марусі прибігла на хвилиночку, забажалося одвідати.

»Спасібі, голубко, спасібі! Насъ ще Господь до якого часу мілує!«

И такеньки вона тобі, наче и ласкою, зъ хати вижене, тільки передъ тобою стоючі, та тобі въ вічі глядючи.

Пилипиха була мати своїй дочці не податлива, не схильчива. Вона, якъ гангла чоловіківъ-мислівцівъ, такъ ще гірше їй було хазяйку, мовляла, непутящу бачити у сем'ї.

»Хазяйка—порадниця въ хаті«, було, доводять, »а коли вона плоха, то яка буде порада? Зъ плохихъ людей нема поради. Свою свою треба хазяйці такъ тримати, якъ макъ у жмені: а то розсиплетця усє, порохоми піде за вітромъ.«

Такъ вона й робила, якъ говорила. Дочку свою чи пошлє куди, чи гуляти пустишь, дочка въ неї не спизнитця, не забаритця. Оце, було, якъ наша Катря де загостіє, та мати дивують »що се доні нема?«—Якъ тоді удова головою хитала! Хитає, та й очи ажъ запліощить.

Намъ зъ Катрею було житте вільне, бо батьку ніколи було насъ стерегти — чи робимо ми, чи гуляємо; а мати — у матері було одпросимось коли схочемо; забаримося, то вона за насъ діло наше поробить, а насъ тільки спита: »А що, чи добре гуляли?«

Було, підъ годинку добру, разомъ би намъ зъ Марусею погуляти, а Марусі — не можна...

Колотила Пилипча у насъ въ хаті, а наша Кятря такъ-само въ неі. »Житте жъ твоє, Марусю!« порікувала Кятря, розсѣрдившись: (отъ, не пустить удовá дочкú зъ нами, чи щó тамъ.)

А Маруся їй: — А щó моє житте?

»Та якъ ти живѣшь-горúешъ! А ні питі тобі, а ні погуляти, а ні чогó забажати! Гіршъ ти корісся, ніжъ наймичка!«

— Та се тобі такъ, Катре, а мні, дочці...

»Говорі! хибá я тобі віри піймú, що ти зъ своєі охóти усé на вгóду їй рóбишъ? Вона жъ така нáдто вже наровлúва!«

— Коли, правда, що й посумúю; а все лúчче якъ я її втúшу...

»Зъ такою втúхою я бъ у домовіну рада. Ще дасть тебе за-мíжъ за якогось гайдамаку старóго,—ось побáчишь, коли не віддасть!.. Охъ, Марусечко мíла! Марусечко лúба! Бідна жъ твоя голóвонька!«

— Отсé, — смієтця Маруся, — ся Кятря то задалегідъ менé оплакуе!

Кятря вже п сама смієтця.

»А такъ такъ«, каже, »знай же менé, щíру пріятельку!«

— Катре,—попитála я въ неі,—а якъ тебе бáтько віддасть за тогó, мовіла, гайдамаку?

»Хибá жъ я підú? Я зъ рóду не підú!«

— А якъ бáтько прісїлує?

»Менé? менé прісїлує?« покрúкнула, — почервоніла по саме волóсся: »я сама бáтькова дочка!«

— Ну вже, ну! гóді тобі! Самá на себе лúха не закликай!

»Вп усі менé тпмъ лúхомъ страхаєте, якъ вóвкомъ! Мóже й е вонó десь у лúсі, а мóже й нема! Теперъ въ мéнс тé стоїть за лúхо пекúче, що мні слóва промóвити не вільно при бáтьку: тілько наменúсь, усі моргáють и кивáють, що треба мні за язýкъ вкусітися! Та колісь-такі я зъ бáтенькомъ погомóю!«

Ми тогó дúже боялися, розмóви тії. Вже якъ, булó, мати свою Катрю вмовіає, якъ прохає!

»Дóню моя, дóню! Шанúйся, голúбка, шанúй бáтька. Не врази ти ёгó якимъ слóвомъ, абó поглядомъ пустимъ, — слúхай по-крливо!«

Кятря матері обіцає вже, а скóро бáтько у чомú їй на пере-

шкоді стане — чи тамъ у ярмарку не звелить купувати якої одѣжки, чи воза не дасть поїхати куди — вже Катря просить назадъ своєї обіцянки. »Я скажѹ татові, мамо! Я тата ще поспитаю, мамо!..« и вже гонить по хаті, вже розчервонілася, розгорілася, вже у вочахъ слѣзи... Мати було її за руку зъ хати виведуть. — Катря дуже матірѹ любила, — для матері вже терпіла, її слухаючи.

III.

Відавала одна Бѹлахова рідичка дочку заміжъ. Молода зъ багатой семьи була, и бучне весілля справляли.

Ми собі на те весілле прибіраємося, троїрко насъ въ кінці зъ Марусею.

Ще коли почали до насъ убігати дівчата, то одна, то друга — за те весілля гомоніти: и когò дожидають тамъ, и якогò людѣт-тамечки запрошено.

Молода у друге село віддавалася, у Любчикп, — одъ нашої слободі те село недалочко — на годину місця ході, — то звідп, слабили, усі бѹдуть, а щò вже дівчата та паробкі Любчівські, то неодмінно, — хибá бѹ не доживѹ котрій, то зъ домовини не прийде. Отсе жѹ було наші дівчата тілько охають, розказуючи, та ажъ за голову берѹтця, що якé-то вже те весілля бѹде пишнѣ, та людне, та багате.

И пройшла ще чѹтка така міжъ нами, що бѹде якийсь рідичъ молодого, якийсь козакъ Чаїченко, та такий вже хорóший, та такий вже гáрний — и не сказати, и не списати!

»А хтò зъ васъ єгò бачивъ?« пита дівчати Катря.

— Олена Чугаївна бачила, якъ изъ цѣрки ишла, — ажъ зітхав, якъ згадае. Да Маруся, здаѣтця, тóжъ бачила? — говорять.

»Марусе!« крикне Катря, »ти бачила?.. А мовчи́ть!.. Коли жѹ се ти єгò бачила?«

— Якъ була зъ мамою у Любчикахъ на весілли, — тоді бачила, — одмовила Маруся.

»Ну, хорóший же вінъ справді? Яки очі? яки брови?«

— Вінъ чорнявий.

»Чи пзъ тобою розмовлявѹ? Щò говоривѹ вінъ тобі? Чи ввічливий, чи вінъ гóрдий?.. А до когò більшъ горнѹвся вінъ?«

— Годи-бо вамъ, дівчата, годі! — говорить Маруся.

»Роскажі, роскажі, та роскажі усé!«

Оступили її, схопили — не пускають.

— Що жъ маю вамъ росказувати? —

»Який вінъ, — чи ввічливий, говіркій?«

— Вінъ ввічливий и не дуже говіркій?

»И тріхи не гóрдий?«

— Не знаю.

Да пита́нне Мару́сі за пита́ннемъ, та питають ко́жне по десяти́ разъ, поки-ажъ Мару́ся до до́му пішла́.

Не було́ дівчатамъ вга́ву: Ча́йченко — якъ на мислі, якъ на язпці; — да́лі вже такъ ста́ло, що тільки й мо́ви, що про ёго: та якъ на весі́лля при́йде, та якъ ёго побача́ть. Одна́ довідалась, що въ ёго є ма́ти стара́; друга́ плéще, що вінъ хо́че у Лю́бчикахъ оселі́тись — ха́ту собі тамъ ціну́є; тре́тя зновъ вилі́та на у́лицю, якъ горобéць зъ стріхи: »Ча́йченка Яковомъ зову́ть!« четвёрта, зновъ, прочу́ла, що въ ёго на руці такий перстéвъ, такий!... Та жо́дна безъ по́вісти не при́йде.

»Дівчаточка мо́ї, голубочки! глядіть лишéнь не перехваліть ёго!« сміётця Ка́тря дівчатамъ: »сла́вні бубни за гора́ми, а зблізька — шкура́тні!«

— Ну, осьъ вже весі́лля не далéчко, — побачимо, — гуду́ть дівчата: — вже довідае́мось дісне, вже побачимо ёго — який.

»Та да́й же вамъ, Бо́же! а то вже вінъ тріхи й онавіснівъ мни́: тільки й мо́ви, що вінъ, тільки й думо́къ!.. надокучило!«

Дождáлись дівчата: вітають на дівичъ-вечі́ръ; вітають на весі́лля.

Ми убра́лись, вквіча́лись, біжимо́, смію́чися, гово́рячи зъ Ка́трею. Мару́ся чо́гось задума́на. А ми, кажу́, сміе́мось зъ Ка́трею, жарту́ємо. И про то́гожъ-таки́ Ча́йченка пра́впли, що, мо́же, такий вінъ, що й по́глядомъ дівча́тъ побива́є.

»Та чо́му отся́ Мару́ся намъ не ска́же нічо́го? Скажі́ жъ бо, Мару́се!« гово́рить Ка́тря, »а то на́че для се́бе хова́ешъ...«

— И спра́вді, чо́мъ-таки́ не ска́жешъ ладо́мъ, Мару́се? — озва́лась и я до не́ї.

— Та що́ я маю каза́ти?

»Який вінъ?«

— Молодий, чорнявий....

»Отсе и все́го!« смієтця Кáтря. »Чи ма́ло жь по світу тихъ молодіхъ и чорнявихъ! Якъ же ёго міжъ ними впізнáти?.. Якъ на тóжъ, Любчівські паробки усé чорняві... Якъ ёго пізнáти? А, мóже, вь ёго на чо́лі — місяць, а на потілиці — зóрі сяють?«

Отóжъ люде́й на ўлиці и коло́ хáти — нігде й го́лки встро́мити! Якóсь ми пробілися, увійшли. Тутъ — на́ші дівчáта, чужі дівчáта, вітаємось, питаємось, — зь молодóю словце́ перемóвили... Загра́ли музїки, посїнали дівчáта у двіръ. А у дворі паробківъ — стіно́ю сто́ять! Да то́ саміхъ незна́емихъ, чужіхъ! И дé не оберне́ся — все на то́бе незнако́мі о́чі блискотя́ть...

»Дé жь отóй Ча́йченко, думаю-собі, «той всла́влений?« Та й дивлюсь нішкомъ, чи не пізнаю ёго дé, — коли чу́ю: »Ой мині лішечко!« жакну́лась Кáтря, ó-бікъ ме́не. Огля́нусь я: що то-бі? — Вона́ сто́ить, отъ якъ би вона́, безъ га́дки й думки, ра́зомъ, передъ якимъ дивомъ ошнїлася — такъ-то вона́ сто́яла дивїлася куди-сь... Я собі туди зирну́ла: міжъ паробка́ми висóкий, ставній, чорнявий коза́къ у чорпій світі, у черво́ному шовко́вому по́ясі... Задивїлася й я на ёго... Тро́хи схаме́нүвшись, питаю: »Чи ти не зна́єшь, Кáтре, хтó се такий?«

— Не зна́ю... не зна́ю...

»Чи не Ча́йченко!«

— Ні... мóже... не зна́ю...

Я до Мару́сі, найшла її; вона́ задумалась — не погляне...

»Мару́се!« клічу: »хтó се сто́ить онъ — та́мечки? Ча́йченко?«

— Вінъ, — ка́же.

»Що́ жь то за красá! щó то за па́робокъ!« шепотя́ть дівчáта міжъ собо́ю.

Мару́ся тільки погля́нула у то́й бікъ, дé вінъ сто́явъ.

»Чи жь то́бі не до-снодо́би?« питаю.

— Хоро́ший, — промóвила стїха.

»А що́ вже Кáтря«, говорю́ Мару́сі, »то, надїйся, добромъ-таки́ у ёму́ закохáлась!«

А Мару́ся мині та́къ-то вже пова́жно вимовля́є: »Ти, сестри́це, коха́нцемъ не жарту́й!« отъ, мовъ, вона́ воро́жка старá, або́ що.

»Ну, до́бре«, кажú, »иді́ близьчо, сама́ подивїся, дé тутъ вь-лі́ха жа́рти?« Взя́ла її за рúку, притягла́ до Кáтрі

»Кáтре!« почи́, — а Кáтря якъ сті́сне мині рúку:

— Идѣ, идѣ, прѣсто до насъ идѣ! — шѣпче, а самá такъ и тріпѣче.

Чáйченко ставъ коло Кáтри и взявъ її у-танѣць. Вона, отгá смієлива, метка́я Кáтря, не мовъ перелякала́сь чо́го, збі́ліла...

»Мару́се, пзміча́ешъ?«

Мару́ся імъ у-слідъ дві́лася своімъ по́глядомъ ті́химъ.

Скоро́ Чáйченко пу́стивъ Кáтрю, усі дівча́та та́къ и ті́снутця до не́ї: »А щѣ? Чи зна́ешъ, пзъ кимъ танцюва́ла?.. Се Чáйченко! Се Чáйченко Яківъ! А чо́го жъ мѣвчи́шь? Чѣмъ не гово́ривъ? Не вподо́бався? Вподо́бався?«

— Та я щѣ ё́го до́бре п не розгле́діла, — одмовля́етця Кáтря передъ дівча́тами, самá озпра́ючись округі́, на́че бъ вона́ у дівчи́й пу́щі опени́лася.

Де-котрі́ п віри́ їй поня́ли: »Та вбача́й же бо, вбача́й до́бре: друго́го тако́го нема́! а котѣ́рі — такъ зъ-підъ брові́ на не́ї подиві́лись.

А весі́лля, а та́нці не стиха́ють; въ дво́рі усю́ траву́ зеле́ну підкі́вками виве́сли. Чáйченко танцюва́въ зо всі́ма; бравъ и менѣ́, и Мару́сю: яка́ на ѳчи попаде́ дівчина́, ту вінъ и бере́.

»Вінъ на́ми горду́є«, обі́жались ї́нші дівча́та, »що бере́ насъ, у ві́чі не подиві́вшись!«

— Зажди́ть бо, які́ жъ скѣ́рі! Неха́й вінъ тро́хи обсві́дитця въ насъ, — вмовля́ли зновъ дру́гі.

Мі́жъ та́нцями за́йшла́ розмо́ва у дівча́тъ зъ парѣ́ками: чи до́бре пзъ ба́гатою одру́житися?

»До́бре, якъ взя́ти лю́бу та ми́лу!« озва́вся Чáйченко.

— Чѣму́ бъ то́бі п не взя́ти — одка́же ё́му Грицько́ Лѣпехъ, — що самъ, сла́вили, коха́въ ни́шкомъ молоду́, — то́бі нага́нп не да́дуть, ти самъ ба́гатий.

»Ба́гатий на дрі́бні слѣ́зк, промови́въ Чáйченко, всі́хаючись.

Музи́ки загра́ли, усі пі́шли у та́нець — и Чáйченко. Чп се вінъ пра́вду сказа́въ, чи се вінъ пожа́ртува́въ — хтѣ́ ёго розбе́ре! Ми усі́ зъ собо́ю изгля́нулися; ба́гато дівча́тъ помѣ́кло — за́думалися.

Сві́тъ вже біле́нький розсвіта́вся, якъ ми зъ то́го весі́лля поверта́ли до до́му. Мару́ся и Кáтря ні сло́вѣчка не проки́нули. Я заговѣ́рю, »ні!.. э́ге жъ!.. а вже́ жъ!« одка́же Мару́ся: які́сь її свої́ мислоньки зано́сять, а Кáтря — то п зо́всімъ ми́ні одвіту́

не оддає; то вона швиденько йде, насъ поонержаючи, то вона одстане....

Тутъ насъ паробкі наздогнали, и Чайченко бувъ міжъ ними. Вклонилися намъ и на добра-нічъ дали. И Чайченко... Який въ ёго голюсь бувъ струйний! и почуешъ, и пізнаешъ всюди—хочъ міжъ дзвонами! А Катря наша? Де жъ тії жарти? Де ті вигадки колишні? Вона ледві паробкамъ на «добра-нічъ» оддала.

IV.

У тїждень по томۇ весіллю, були у насъ молоді и запрошали до себе. Ми поїхали у Любчики всією семьею. Поїхала й Пилиппа зъ дочкою. Катря ще зъ вєчора усє наготовила убранне; прокинулася у-досвіта, та чи й спала вона—не знаю; а мині—то все такі сні снілися дівні тії нєчі. Снілось мині, що виходимо ми зъ Катрею и зъ Марусею на якийсь шляхъ великий міжъ степами, и всі степи тії, и весь шляхъ усє Чайченки закрасіли, усє Чайченки, та одінь у одінь хорєші...

Катря мене будить—я їй розкакую: «а чї жъ не дівний сонъ?» Якъ же вона вжахнулася, почувши!

— А щє те віщє? щє віщє? — притьмомъ искажі їй.

»Не полєхайся, Катре, вмовляю, «се сонъ недільний: якъ до обідь не справдітця, то й не ждати нічого...»

— Бєже, Бєже! щє-то буде! — бідкаетця вона...

Зоря розсвітала, день починавъ біліти; ми сиділи коло вікєнця, — розчїсувала и плєла вона свої коси довгі; рум'янець густий спажувавъ на личку, а личко було бліде.

Розвіднілося; устала мати, батько; почали лагодитися, зарані вїїхали.

»Катре!« говорю їй стїха: «чи побачимо ми тамъ Чайченка?»

— Не знаю. — Самá одвернулася.

»А въ жадібку ёго побачити?»

Не чє.

»Катре? а хочешъ, кажу, побачити?»

Хотїла вона осміхнутися, та не всміхнулася, а розсєрдилась.

— Отже, остїли, коли хочъ, жарти!

Далі, щє почну, то нічого не виходить: то Катря усє хва-

лпть, то Кáтря усé гáнпть; то усé въ нéп вже п злпшнéго слáвне, то усé въ нéп нп до чо́го не згáрне п недоклáдне.

Прпхáли у Лпбчпкп; ще тплькп булп тамъ самп рóдпчп у молóдпхъ, та блпжнп прпятелп, отъ-якъ Пплпппхá; у хáтп б́ло простóро; мп пёршого очпма з́сплп Чáпченкá: спдпвъ впнъ протп дверей....

Старп собп розмовлялп; мп пóплчъ зъ Марýсею та зъ Кáтрею, такъ, óдсторонъ, спдплп. Тпхесéнькó я Марýсп свпй сонъ перекáзáла. »Чп не дпво жъ?« пптáю.

— Усé дпвá въ Бóгá! — одкáзáла зад́умавшпся.

Мпжъ рóдпчáмп молóдого спдлá старá бáб́усечкá у тэмнпй х́стцп, у тэмнпй юпчпнп, бпленъкá на впд́у, невелпчкá зрóстомъ, зъ смутнёнъкпмъ пóглядомъ. Самá вонá говорп́ла небáгато, а люд́мъ одмовля́ла любёнъкó, ввпчлпво, якóсь учáстлпво, мпсто-б́ вонá пожáлувати хотп́ла. Вонá частёнъкó поглядáла на Чáпченкá п на насъ. Се булá Чáпченкóвá мáтп.

Обпдня годп́на; нп що неправд́пть мого́ сну.... а по обпдп понаходп́ло такóго люд́ей; розлпгся гóмпнъ; м́зпкп загрáлп; тáнци впстро́плпсь.

Тáнцювáлп вже нзъ дóбру годп́ну, а Чáпченкó усé спдпвъ собп та тплькп дпвп́всь, якъ др́гп ппдкп́вкáмп креш́уть. Колп́ ёго́ мáтп до ёго́ нахпл́лáсь п щосъ говорп́ла ём́; ппслá то́го впнъ зáразъ пшóвъ у тáнецъ п взя́въ пёрво Кáтрю, тамъ Марýсю, тамъ менé, тамъ п др́гпхъ дпвчáтъ, зновъ якъ тодп, не подпвп́вшпсь п въ впчп жóднпй. Мпнп довелóсь спдптп коло Чáпченкá, мóже, заговóрпть, кáж́; подпвл́юся на ёго́ — дé вже сей заговóрпть!

»Якóго тутъ люд́ей!« знпмáю рпчъ самá.

Впнъ озпрн́всь на мéне п по хáтп поглáнувъ:

— Бáгато гостей!

»Слáвне селó Лпбчпкп, весéло! Вп ще тутъ не дáвно?..«

— Не дáвно.

Тáкъ вже мпнп попптáтп, чп зостáнутьця вонп́ тутъ, — тáкъ впже!.. »Т́утечкп усп́ л́дп жпвуть дост́пнп такп, првп́твп... жáлко вамъ б́де пхъ кпдáтп...«

— Та мп сюдп́ на сéлпще прпшлп́, у земля́не ппшемось Лпбчп́вськп.

Въ мене ажъ увъ óчяхъ ясно стáло, якъ впнъ похвалп́всь.

»Дóбре вамъ жптп б́де!«

— Де жити, то жити, — почувла я одъ ёго....

Повернувшись ми до-дому. Катря смутна була. Мати питала, чи здужає, — »здужаює, каже. Ведётця місяці зо два, що ми Чайченка бачимо въ ряди-часі: то Любцівської цѣркви не проспимо, а зъ цѣркви зайдемо до рѣду, — просять на обідъ; по обіді гуляємо потамъ увесь день, то запрошали якось наші їхъ до себе, то зновъ вони насъ.

Чайченкова мати купила хату у Любчпкахъ, святила ту хату; насъ звано, и Пилипику зъ дочкою; то ми усі на вхідчпнахъ тїхъ були.

На господі у себе, Чайченко такий сампй небалаклївпй якъ и въ людяхъ, мати жъ ёго дуже ласкава и прпвітна до всіхъ ставилась. Якъ вже ми до дому виходили одъ їхъ, то вона насъ проводила за свою ловаду, та и каже Катрі: »Колїбъ мині до сїї хати такъ пташечку, якъ ти!«

Нїхто того слова не чувъ тїхого, окрѣмъ мене. Я Марусі се говорю, що чула я. Вона тїльки поспїтала: чи добре я чула?

Зъ якого часу-години осмунїла наша Катря весела. Не разъ я на свої очі бачила, що вона оцѣ думає-думає та и обїлетця слѣзами дрібнїми. Абѣ не знать зъ чоґо, зъ доброго дїва, обрадіє: тоді спїває, всмїхаєтця, червонїє. Якїмъ вже я тїхпмъ вїдомъ не підходила розмѣвитись зъ нею, роспитатьця за все, такъ вона жъ одъ мене посторонь. Нї мині нїчоґо не каже, нї Марусі. И вже до насъ такъ не горнетця, якъ давнѣ: вже вона зъ своїми мїслоньками и вже любїшъ иї на самоті пзъ собою. Тепѣръ вже сама не промовляє слова, — не залюбїла и другїхъ чўти — якъ говорять. Стала вона до дїбрѣви учацати.

Бувъ гай, такий густїй, пўщі такі за рїчкою — все вона туди ходїть. Якъ я настерегла, що вона берѣтця одноґо разу, — я и собі за нею назпрцемъ побїгла.

У самїй гуцѣвинї дубрївнїй, да тамъ липина и горобїна и дубъ кучерявпй поспїталися вїтами зелѣнпми надъ холодною крпнїчовиною, — забралась ажъ туди, та и спдїть, схлїпвши голову. Уявилася я — вона заразъ схопїлась, охмурїлась.... Я до неї слово зговорїла.... »Годї вже тобі!« промовила, »въ мене голова болїть!« Попоходили у-купї по гаю, послухали, якъ лїстя шумлять, якъ вода тѣчїть, та и до дому прїшли. Така-то вже стала Катря недотѣрклїва: ані поспїтати, ані заговорїти до

неі! Колибъ думокъ гадокъ своїхъ, а то й такъ нічого мині не скаже...

Побреду до Марусі, а Маруся наче стала ще тихша, ніжъ була; усё вона шне та вишпвае, усё за діломъ, усё тожъ въ якихъ-сь місляхъ... Ніякої мині поради п одъ Марусі. То було усё насъ тройко у любій кўпці, а то якось розійшлися якъ зозулі въ лісі...

Одній веділі смуткувала я дуже самá. Кáтрия покрíлась десь,— пішла я собі до Марусі. Прихожу—вона самá у хáті, старбі Пиліпши не було. »Здоровенька була, Марусечко!« кажу їй. »Чого се ти самá дома?«

— Та мáти у гостíну пішли.

»А ти жъ? Чи не болíть въ тебе головá«, кажу, »якъ въ нáшої Кáтрі? У дівчáтъ, якъ сёрце наброило, то зáразъ на гóлову звёрнуть....«

— Я чогось нездужаю трóхи,—промовила Маруся.

Придивíлася я на неі пíльно, та ажъ у крикъ покрíкнула—такеньки змарніла вона дуже. А въ очу жъ який смúтокъ!

»Марусе голубко!« кажу їй: »якъ ти змарніла! И чого въ тебе такі очі смутні?«

— Да тогó, мóже, що нездужаю,—сказáла на одвítъ. — А якъ тамъ Кáтрия? — питае.

»Та нема íї дома давно: мабíть, у дубáхъ сидíть та думае думку. Вже, кажу, й мáти давно помітили, вже й питали саму Кáтрю и менé. Кáтрия не признаётця... А я щó скажу? Хибá свою догáдочку? А бáчу вже, що бídá ягáсь ко́йтця: бáтько на Кáтрю позирае,—óтъ, якъ вінъ íї поспитае!..

Маруся поручъ зі мною сидíть и слухае, а самá словéчка не промовíть.

»Бóже мій! И що се лíхо такé сколотíлось несподіване? И ти, Марусю, вже не така, якъ колíсь була!«

От-сé такеньки сидímó, а вéчоръ темніе,—колí й Кáтрия вбíгла. Обíйняла Марусю, стíснула менé, поцілувала, сіла коло насъ. Мовчímó усí довго. »Ну, бувай же здорова, Марусе!« кажу. »На добра-нічъ! Вже часъ додому. Чи пíйдешъ и ти, Кáтре? Тебе«, кажу, »мáти, мабíть, давно дождáють. Вже й спáти порá.«

»Хíмочко голубочко! Марусе голубочко! Я не хóчу спáти... Я«, каже, »я тогó Чáйченка покохáла!«

»Та хибá не знаємо!« веселенько я їй одмовляю: »Отсé намъ новпна велика!«

А Маруся такъ-то на-вспражне її питає ще: »Чи такъ се, Катре? Чи справді, Катре?«

— На щó ти менé такъ питаєшь, Марусю? Я ёго люблю.

»Чи щіро? чи во́лько, сестрице? Подума́й!«

— Та Бо́же жъ ми́й, Бо́же! — одкаже Катря: — та я ёго одъ першого разу покохала! Вже я зъ того весілля за нпмъ пропадаю. Тільки ти не вважала, а зъ мене вже усі дівчата сміютьця...

»Нік, каже Маруся, »я вважала, та думала: се такъ.... Я думала — забудешъ...«

— Хибá якъ очи запліщю!

»То допоміж тобі Бо́же, Катре!« промовила Маруся.

— Да́й тобі Бо́же, Катре! — кажú й я.

Кінуласть насъ цілувати, жалувати Катря.

»А вінъ же чи полюбить?« стала тоді гадати. »Мо́же насміється! Скажи́, Марусю, скажи́, Хімо! чи вінъ любитьтме?«

— Ой, трохи́ чи не більше ти одъ насъ відаєшь про се, Катре, — говорю, —десь ти ёго бачила, або-що, бо ти чо́гось на́че на світь одроділася сёгодні. Призна́йся жъ и намъ, лю́бно, щобъ и ми зна́ли.

»Я ёго бачила«, розка́зує. »Була́ я у га́яхъ и забрiла́ дуже далéко, ажъ туди́ кь чужосільскимъ левáдамъ; пшла́ собі, коли́ чую: »Здорóва була́!« Глянула — бачу ёго, вірі́ не йму́. Се, кажú, мо́я дума́ щодéсна, щочáсна вживілася... А вінъ усé говорпть до мене, усé говорпть...

— Щó жъ вінъ тобі говорівъ?

»Пта́въ менé, чо́го за́пшла́, чомъ не весéла....«

— Щó жъ ти ёму́ сказа́ла? — я все її питаю; Маруся тільки слухала.

»Такъ за́пшла́, — кажú, гуляю́ собі, и я, кажú, весéла... Тоді́ вінъ пита́въ менé, чи ху́тко ми будемо у Любчикахъ и казавъ, що у Кра́сному́ цёрква згоріла:... И що бувъ вінъ у ярмарку отоді́, якъ ми ходіли до цёркви, а ёго не було — вінъ то́ у ярмарку бувъ, — говорівъ, що туга ёго обіймае... И провівъ менé ажъ до самісінького нашого тпну. Пшовъ усé поручъ зо мною... Спасі́бі тобі, вечіръ тёмний, и ти, доленько мо́я щасна!.. А Яковéн-

ко вже рушпикі побравъ у Ганни; на томú тѣжню весілля. Питавъ вінъ, чи будемо...

— Отсѣ, кажу, теперъ трѣба ще на те весілля прибиратись! Трохи й ми зъ тобою тамъ розважмось, Марусю!

»Та не знаю ще«, каже, »якъ мати схочуть.«

— Хибá самій не манѣтця? хибá не попросишь матусі?

»Та якось вже буде«, одказала.

— Ти, кажу, сумуєшь чогось, Марусе; чи не пішла бъ ти взъ нами?

А Кáтря тоді: »Сумує Маруся? чого сумує?«

— Голубко! — говорить мнѣ Маруся, — мнѣ не смúтно, а коли й буде кому смúтно, люде не розважуть!

»Тільки той, кого любишь, розважить«, озвалась Кáтря.

— Покохаймо кого-небудь, Марусе! — жартую. Маруся нічого не одказала.

»Щаслива будешъ«, говорить Кáтря.

— Покохаймо жъ, Марусе! — я зновъ до неї.

»Не жартуй«, одкаже тихо.

Надійшла Пилипиха. Попрощались ми й пішли зъ Кáтрею додому. А Кáтря сѣго вѣчора да така ласкава була й весела, и смирененька така, що я такою її зроду не бачила.

V.

Ходила Кáтря у Любчики ніби-то заполочи позичати червоної, та й повернула ся додому якъ вѣчору така, що бáтько споглянувъ та й поспитавъ въ неї, дѣ була, дѣ ходила, а почúвши дѣ и по що: »якъ така зъ тебе швачка«, каже, »то дбай, щобъ не позичати заполочи вдрúге по чужихъ сѣлахъ.«

По тѣмъ слові бáтько вийшовъ зъ хáти, запаливши люльку.

«Що тобі, моя дитино!» упадá вже коло Кáтрі мати, »уступила до хáти біла, мовъ білочокъ... що тобі, доню?«

— Нічого, мамо, нічого!

»Дѣ вже тамъ нічого! Жұришь ти менѣ, дочко!«

Прийшла Пилипиха до насъ зъ Марусею. Мати зъ старою зняли розмову, а ми, дівчата, у садокъ поскорялися.

»Що жъ такé, Катре?« питаю.

— Сёгодні вінъ у-вечері буде,—вінъ сёгодні прийде до мене...

»А ти жъ якъ вийдешъ до ёго? А батько не почуе?«

— То що? щобъ я не вийшла? До ёго щобъ я не вийшла? Нехай чуе батько, нехай чуе мати, нехай усі — я до ёго вийду!

»Та якъ батько почуе, то не пúститъ«, кажу: »якъ вже ти собі тамъ не ймешя, а мúспшъ зостатися тоді.«

— Я не зостануся, я підú!.... Чого ти на мене напáлася, недóбра дівчино?....

»Я тобі самú правду говорю, Катре; хибá жъ я нападаюся на тебе?«

— Не трéба мнi такоi правди, не хочó я такоi! Я вже бачу, що ти мнi не щiра подружниця, ти мнi не хочешъ у помочi стáти, я самá за все стáну!«

»Слухай лишъ, Катре, чого бо ти вгнivalася? Я правду тобі вiказала, та я жъ тобі и вь пригóдi стáну, коли вже не мóжна инáко...« Тодi вона менé цiлувати, тодi вона менé обiймáти! Почали ми змовлятися, якъ двéри вiдчинити Катри и якъ iй вийти. Рáдшили и Марусi питáлись, щó вона думае, —самá вона нiчого не говорiла и нiчого не питáла, сидiла собі тiхо якъ на могiльцi...

Катря усé розказáла, якъ вона у Любчикахъ була.

»Ёго мати менé покликáла самá, якъ я йшла улiцею, и жалувала менé любо и роспiтувала, чи менé хто свáтае, чи я когó вподобáла... А вінъ усé оддалiкъ стоявъ, не пiдходивъ... Такъ-то вже мнi гiрко стало! «Я (кажу) сiй óсени замiжъ пiдú.« Якъ я сказáла, вона якъи окрикне: чи жъ то правда? «Щó?« запитавъ вінъ у матерi, а вона ёму кáже, що я замiжъ пiдú вьосени...

»Я тодi попросiлася зъ ними. Вона зiтхнула, провела менé трóхи, и кáже: «шкóда мнi тебе, дiвчино!...« що я ажъ слiзьми вмiлася... Одiйшла трóхи, стáла, — та нехай хоть на iхъ хату подивлюся! коли вінъ и вихóдить пзъ ворiтъ, и йде... Я хочó далi — не мóжу... Дiждáлася, що вінъ близько до мене зближвся... Зближвся: «чи правда сёму?« поспитавъ... Дiвчатонька, голубоньки! коли бъ же я самá знала, якъ я ёму призналася, що я ёго кохаю одного у свiтi... Дóвго говорити не мóжна було: усé знакомi люде дохожали улiцею; тодi я ёму сказáла — нехай прийде до мене ввечерi, вінъ сказавъ — прийде...«

Скóро наші старi поспули, и винустила Катрю зъ хати, а

самá сіла, щобъ сонъ не хилівъ, та мнї не спáлося: ліхо та й годі дождатись було! Немá, та й немá, та й немá!

»Якъ се вона гáйтця«, думалося мнї. »Що їй дóбре, то й забúла про мене, яковó тутъ мнї дождати, боячїсь.... Такі-то люде на сему світі!«

А тамъ и те я згадала, що я спротýю, що вбóга я, та не при бáтькові-мáтері зрослá, живú у чужій семї зъ лáски; що не пожалує ніхтó мене щїро, не любить ніхтó душею усїю.... И за щó я пёрше дяковала, зъ того самого тоді слїзъ гїркихъ уточїла; за що було, хвалїти Бóга, вікъ бабдúже, у той часъ такъ того забажалося, такъ-то вже трéба стáло...

Горúючи-плáчучи, назвелá гóлову, погляну — якъ-то округї мене сúмно усó, а у вікно вже свїтанне спнїе....

Очутїлася я якóсь одразу, та й самїй мнї чúдно стáло: чогó се я тáкеньки и чїмъ зажурилась? Хвбá жъ я не знáла Кáтрі, що вона до свїту забáрпить? та й якá бъ то дівчинна зъ кохáння пóспїхомъ дбáла? И чи я жъ сегодні вспротїла? чи се теперъ тїльки зъубóжила?

Поглузовáла я самá зъ сéбе та й вїйшла Кáтрі на-зúстрічъ — за ворóта. За ворїтьми я ще довгенько зотрївала її, покї ажъ вона прибїгла весéла.

»А щó, надивїлася? наговорїлася?«

— Все я ёму сказала, все... якъ же я ёго кохáю, Хїмо! Гóсподи велїкий! якъ я ёго кохáю?

»А вїнъ же щó говорївъ?«

— Питáвъ, чи дúже я ёго люблю.... Вїнъ прїйде зáвтра.... Я ёго зáвтра дождатиму...

Зъ того часу стáли вже вони що-вечора зїхóдитись. Прилучалося мнї, провóдивши Кáтрю, того Чáйченка зострїчати. У недїлю, абó въ свáто якó, идемо у двїпáї зъ Кáтрею, немóвъ погуляти рáнкомъ тїхнїмъ, то й вглéжу було я Чáйченка, — усé вїнъ нáче смутнїй... та й спитáла якóсь Кáтрі: »а ви изъ нимъ вїкóли не свáрптесь?« А вона мнї: »що 'тсе тобі Богъ давъ, Хїмо! Отсé бъ изъ нимъ свáрїтись!«

»Та чогó жъ вїнъ нáче невесéлнїй хóдїть?« кажу.

— Такий завсюди, — зговорїла, самá тутъ мїттю ввечалївшись. »Ти смутнїй?« питáла я ёго. »Чóго жъ ти смутнїй?« А вїнъ мнї: »на свїті бїльшъ смúтку, нїжъ рáдости!« — »Що говó-

ришть, серце! та я, якъ знаю, що ти менé любишть. я забула, якій то смўтокъ на світі живе!» »Сея, каже, »се тáкеньки Богъ даé тільки дівчатамъ, та пташкамъ співочимъ...«

Такий вінъ, такий, Хімо! І говорить. и жалуе смўтно; а по тому, ще мині любіший, ще мліший...

Постерегла́ ма́ти, що діється щось, поснитала.— Кáтря призна́лась ма́тусі. А ма́ти головою журліво похитала:

»Отсе и тво́я порá прийшла, доню! Гляди́ жъ, се на весь вікъ, Кáтре! гляди́, кого обира́ешъ, та й нехай тебé Ма́ти Бо́жа и благослови́ть и допомо́же!«

Ба́тько не пита́въ нічо́го; чи вінъ здога́дувався, чи ні — то́го не зна́ли ми. Пра́вда, що двічі, а мо́же й більшъ, вінъ яко́сь пильне́нко на насъ спогляда́въ. Ми, бу́ло, собі гово́римо, що якъ се бу́де — Кáтрине весі́лля, та якé житте ій кра́сне, гада́емо; а ба́тько усту́пить до ха́ти, — ми й пополо́шимося усі: одна́ схопитця, дру́га шукáе чо́гось за за́пичкомъ, тре́тя го́лку загуби́ть, — ба́тько сáде у сто́ла, диви́ться би́стримъ о́комъ та й ка́же: »а въ якому́ куте́у пожа́ръ въ на́шій ха́ті!«

Ми й скамени́мо передъ нимъ... Вінъ почне́ про господарство що́ говори́ти ма́тері, якé діло за́гадувати, ми ви́зьмемося ро́бити щі́ро якъ, Бо́же єди́ний!

Чо́го бъ то й опа́суватьця бу́ло? Ми дўма́ли, що вінъ прийме Ча́йченкове залиця́ньне ласка́во, бо Ча́йченко и ба́гатий, и молоді́й, и дочці любі́й, и лю́де Ча́йченка не цура́лися — чо́го жъ опа́суватись? А ми все бо́їлися дўже ё́го ча́сомъ. А ма́ти вже для сво́єї дочкі поклопотáлися, постарáлись. Ба́чу, де вже стріну́тьця зъ Ча́йчихою, поса́дуть рядо́чкомъ, и поті́ху розмовля́ють собі любе́нко, а проща́ютьця, то обійма́ютьця щі́ро. Прийшла́ до насъ Ча́йчиха у неді́лю, а въ се́реду вже ма́ти до Ча́йчихи йде. Ча́йчиха зновъ и собі не забáрнтця насъ одві́дати; та й пішло́ся та́къ, що абі́ яке свя́то, то абó Ча́йчиха въ насъ, або на́ша ма́ти у Ча́йчихи...

Кáтря намъ зъ Мару́сею призна́лася, що бу́де іі свáтати Яківъ въ-осені́. Ма́ти вда́лися до Пили́пихи за порáдою; розказа́ли ій усé, що дочка́ вподо́бала па́робка, що то́ хоро́ші лю́де — за ні́ми нажи́тьця!

— Да́й Бо́же ща́стя! — говори́ть Пили́пиха.

»Охъ, голу́бка мо́я! я ще не зна́ю, якъ чоло́вікъ згоди́тця....

та чого б'є йому не згодиться? Сій хибі не гариш? Сій хибі не добрий паробок? И заможний...»

— А ти мати, чи ні, своїй дочці? Якъ почне вінъ прїмхати, то ти й рúченьки попустишъ—нехай мойму дитяті доля гине.

Вже якъ тільки вчула удава, що батька боятьця, вона жваво вхопилась за свѣтанне: »Що зъ того буде, що ви головами розкивалися? Добре діло — доводьте жъ йому краю!»

Та й одпочити не дає часу; підмовляє та підговóрює: »хутчїй! хутчїй!« Було, мой годїнонько, ажъ за рукава трясé, щобъ хутчїй...

Почалá мати заходити коло старóго, та свого слóва домовляти; почалá усé про Чáйчиху провадити, та йому нагадувати, та хвалити, а разомъ вже й сїна молодóго:

»Що то за паробокъ хорóший, роботящий, удáтний, — се мáтери втиха відъ Бóга, а не спить!«

— Вже тогó не знаю, який вінъ до діла, — бáже бáтько, — а що до тáнцівъ, то вдавсь: дівчáтами, якъ мýхами, увивáє.

»А що жъ, мій голубе? Якъ весéлого нóрову, то весело пзъ нимъ и жити буде, комú сýдить Господь. Самъ не сумовáтиме и подружьячку смутковáти не дасть.

— Не жóдну й тугу танцюра розтанцює! — на те їй одмовивъ.

У-дрóге зновъ прїмомуєтця мати Чáйченка добрїть: »а мотóрний, а розумний, а слáвний!« Пильно бáтько їй у вичи поглянувъ.

— А що се хваляшъ, — змовивъ, — нинáче бъ зята?

»Якъ воля Бóжа та твоя вгóда, мій голубе!« одкаже йому тихо, та умóвно такъ ужé!..

Ми зъ Кáтрею сидимó — не тхнемó...

Старїй подивївсь на жінку, подивївсь на дочку.

— Не шукаї дочці пáри, старá, — промовивъ, — вже я їй самъ пáру знайшовъ; — осенї заждїть.

Старá зиркъ на дочку, — дочкá обмертвила либóнь; сплеснула мати рукамі, та на ёго:

»Мій ти голубе милий! за когó жъ ти їй 'ддати хочешъ?«

— Се вже минї знáти.

Та й виїшовъ зъ хáти.

»Годї, доню! годї, дитїно мой!« вона до Кáтрі. »Не печáль свого сёрденька, Катрэ мóя мїла, годї! Я для тебе на все звá-

жуси; я поклонюся щé твоєму бáтькови; я ёго бóду за тебе прохáти....»

— Пíдть, мáмо, пíдть бо — просить зáразь! Пíдть, мáмо, пíдть!

»Не мóжна такъ, дóню! Тáкъ гiрше бóде: заждi трóхи....»

— Мáмо, мáмо! яковó мнi заждáти!

Ми ii вговорáти стáли... Та коли жъ умóвивъ хто молодóу тó-гу нетерплáчу слóвомъ розсúдливимъ?

Слúхаючи, Кáтрия поливалася слiзьми, та все своé, знай, прáвила: »Пíдть, пíдть зáразь!«

»Кáтре!« говорю, »бóде гiршъ зъ тимъ нóспихомъ: ми кiнемось до бáтька — благáти, а якъ вiнъ прийме тепéреньки? Щó жъ, якъ вiнъ згукне намъ отгé своé »гóди!« та ii нагáдувать щé не звелiть!«

— Гóре моé! гóре моé! Дóбре! Я ждáтиму... Якъ же мнi вáжко! чи се смерть моá прихóдить!.. Трéба щé дожидáти! коли жъ се бóде? коли? скажiть, мáмо!

»А отъ, зáразь по обiдi, ви зъ Хiмою вийдiть зъ хáти, — я тóдi ёму скажó... Я тóдi скажó и поблагáю... Для своéи дитини ii гóлову пiдъ сокиру покладають, а то бъ мнi ще не попiкловáтися тобою...»

— Я ждáтиму, — промóвила Кáтрия: — я терпiтиму.

А ждáла вона такъ, якъ отъ пташкi сидять у клiтцi, — що вже нiкуди летiти, то бьóтця дé зачiненi.

VI.

Обiдаючи, бáтько нáче не добачáвъ, якъ мáти блiдла, якъ Кáтрия плакала, — сидiвъ такiй, не-гáдки, якъ и вчóра.

Пiсля обiдъ, ми съ Кáтрею зáразь зiйшли зъ хáти, стáли пóвкупi пiдъ дверiма.

Довгёнько у хáти тiхо булó...

»Гóлубе мiй!« заговорила мáти: »нáшу Кáтрию хочуть свáтати...»

— А щó жъ! Нехáй свáтають, хто хочé, — зъ тóго догáни нема!

»Се молодiй Чáйченко хочé свáтати.... Якá твоá вгóда?«

— Я за Чáйченка не 'ддамъ.

Я вже живосілюмъ одволика Катрю отъ дверей хатніхъ: »Катре! Катре! усє пропадє!...«

Затрусїлася вона и стала нерухомо на прислухъ зно́ву.

»Дитина дуже паробка вподобалася, про́сить ма́ти: »неха́й же вона въ насъ щасли́ва бу́де!«

— Не на те я дочку ви́кохавъ, — гримнувъ ба́тько, — щобъ я її першому проїдїсвіту мавъ одати, який тамъ її въ око впадє!

»Чимъ вони не люде? И добрі, и замо́жні; усі їх на повазі маю́ть.«

— За що поважаю́ть? Хпба́ за те, що зайшла́ вона невідо́мо чо́го та її осїла у селі чужо́му.

Зна́ли бъ люде... чу́лись би непоро́ки на їх, а то усі шаню́ють... Ти самъ перве зъ ними заходивъ...«

— Я по усіхъ шляхахъ бітихъ блукаюся и багато люде́й набрїдєшь усякпхъ, що на ворота бъ свої не пускавъ їх ніко́ли...

»Велику ласку мни́ зроби́, послу́хай!«

— Го́ді!..

Катря якъ скричіть, зарвєтця до хати, — я її за попере́къ вхопи́ла, у сини наза́дъ одкинула....

— Що́ такє? — пита́ ба́тько зъ хати, біжить ма́ти...

»Се ми йдемо́ въ бере́гъ по во́ду«, одкажу́ го́лосно. Та відра на коромиселъ, та Катрю обіручки за собою...

»Не журись«, вмовляю́ її, »не журись! Мо́же ще ба́тько вла́скавитця — вінъ же тебе́ жа́лує!«

Якъ же нападєтця на мене Катря! »Куди́ се мене́ тягнешъ? Що́ на мене́ замишляешъ?«

Ажъ я сама́ трохп излякала́ся: »Та Богъ изъ тобою́, Катре«, кажу́: »обмірку́йся гара́здъ!«

Обли́лася вона́ слізьми дрібними.

— Коли бъ же я хоть *є́то* побачила, своє се́рденько хоть трохп розвесели́ла! Хймо! біга́ймо у вели́кий га́й, — вінъ се́годні у га́й дєрево руба́є.

»Біга́ймо«, кажу́, »утри́ся, не плачъ!«

Вона́ тоді́ зара́зъ обітерла очі́ці и побігли ми до га́ю, приховавши відра свої по-надъ ро́вомъ у бурьяна́хъ.

До га́ю хоть бли́зенько впа́ти, та далєко стрибати: розсудли́вій лю́дині на добру́ годі́ну ході́ти, а ми перебігли не зупни́ю-

чись. Чуюмо вже — сокіра цюкає и гóлосъ вiтеръ до насъ заносить — пісні хтось співає.

»Се вінъ!« впізнала до-разу Кáтря.

Тутъ ми ёго й побáчили обiдвi заразомъ, ще оддалiкъ....

Вже тодi висень ишла; листъ червонiвъ, жовтiвъ, вiянувъ и обшiпавсь, и котючий вiтеръ низався помiжъ дéревомъ безлистя. Гóлосно и просторо стало округi, у свiжiмъ гаю пахущимъ...

Бáчимо ёго, а вінъ насъ ще не бáчить — співає. Кáтря припинiлася. »Що вінъ таке співає?« спитáлася, вжахнувшись си́ву тогó: »що вінъ співає?«

— Послúхаймо, — кажú, — то й почúємо... Ходiмъ блiзче.

»Цить! постривáй!« шепóче мнi.

Стáла за кущъ, та й слúха. Слúхаю й я.

Чáйченко обрúблювавъ гiлькi зъ звáленого дéрева, и кругъ ёго зрубане дéреве и пенькi свiжi; надъ нимъ яснее та холóднее небо, гра́пливе сонечко. Недбáло вінъ своєю сокірою блискучою цюкавъ, — задумався самъ тяжко, и тiхо и сýмно співавъ.

Оттакá була ёго пісня:

Співавъ вінъ, що любiвъ колись щiро та вiрно, а ёму зрада сталась несподiвана, — и вже повiкъ нещасливий вінъ житиме; кохають iншi — та до iншихъ сёрце вже не прплáже, до никóго:

»Хоть якá ласкава, якá чорнобрiва,

»Та не буде такъ, якъ першая мила!«

»Якихъ се ти пісень співаєшь?« покрикне крикомъ Кáтря, náче себе не пам'ятаючи.

Вiнъ издрiгнувся; швиденько схопивсь, кинувъ сокіру, взявъ Кáтрю за рúку, — зновъ пустiвъ, и зновъ сокіру пiднявъ.

— Спасiбi, — каже, — спасiбi, що прийшла, а я не сподiвався...

»Бóже милый! якóи жъ смúтної ти співавъ! Якú ти *мiлу* згáдувавъ? Була вже, либóнь, *перша*, а я — *друга*?«

Вiнъ такъ нiби трóхи измiшався.

— Лúчче, — одмовляетьця, — лúчче пожалуй менé, моá рiбноцько!

Вона рум'янецемъ усá закрасiлася, якъ те слóво почúла, — вона усé своé гóре забúла....

»Ніс, каже, »я знаю, що ти менé вірно любишъ, а я тільки пожартувала, — збачъ мині те...«

Та й знову, перéскокомъ:

»А на що такі смутної співавъ? Проти чо́го співавъ такі?«

Тоді вже я зъ-за куща озвалась:

— Чи забула, — кажú, — голубонько-гуркотливочко, чо́го бігла сюди?

»Ой, ліхо жъ моé велике! нещастя моé!«

— Що ти кажешъ? — пита́ її Ча́йченко, вклонившись мині.

Усі ми посідали на прікорню.

»Батько за тебе да́ти менé не хоче!«

— Маé друго́го зя́тя до ру́ки?... ко́го се? — пита́ вінъ, — та чу́дно мині те, що пита́ вінъ ні весело, ні жу́рно, на́че за хліб-сі́ль подя́ку складае.

»Кого-сь тамъ думае на моé безголова!« говорять Ка́тря, заплакавши.

— Вже зя́ть наре́кований! — ка́же тоді Ча́йченко. — Отъ воно́ що! кращо́го знайшли! Нічимъ втішатись та й нарікати ні що; дармо жъ зъ сухо́ї крпни́ці во́ду братъ...

Ма́буть за доса́ду ёму́ ста́ло, що трóхи мовъ звева́жений зоста́вся... уста́ стиснувъ и го́лову піднявъ го́рдо, и о́чи блискону́ли... Та все те пота́ивши у собі, ніби зъ упоко́емъ по-ма́лу устае́...

— А тобі жъ якъ? Ти що́ думаешъ? — пита́ Ка́трі.

»На що пита́ешъ? на що моé се́рце кра́ешъ?« одка́же вона́.

— Та хто васъ зна́, хто й розбере! — промовивъ Ча́йченко гірко: — покоха́ете вранці, забúдете ввечері!

Заридала-заплакала Ка́тря, а я проти ёго голово́ю хитаю́.

Вінъ тоді узя́в її за ру́ку.

— Не плачъ! ще ти молодá, ще тво́я до́ля тебе́ дожидае́!

»Якъ? безъ тебе́? Хиба́ жъ ти ко́го ще покоха́ешъ? То ти й щасли́вий зъ друго́ю бу́дешъ?«

— Вже мині не бу́ло то́го щастя́ одвіку, та й пові́къ не бу́де!... Проща́й, дівчино! бува́й здоро́ва й щасли́ва!

»Та що́ се ви, говорю́ я, »та ви жъ сядьте, пора́дьтеся: якъ ё́го, що́ тутъ робіти, якъ запобігти? — мо́же ще й ні за що́ бу́де на до́лю нарікати. Сіда́йте лишъ!«

Вони́ слухня́ненько коло́ мене́ посідали; вінъ су́мно дививсь,

вона жь ніче усі шляхі погубила, тільки усé до ёго близьче горнулася.

Отъ и стáли ми рáдитись.

»Не трéба бáтькові докучáти слізьми, кажú. »Не трéба тепёръ до ёго й приступáти «

Чáйченко усéго дослухáе, склáвши рúки.

»Я бáтькові до нигъ упáдú, нахваляётця Кáтрия, послúхавши могó слова розúмного. »Якъ не віддáсть менé бáтько за тебе, я вму!»

— Ти й до нигъ зажди упáдати, — мóвлю їй, — и вмирати зажди: мóже ще й такъ пережеви́тця; а поки що (кажú) не займай бáтька, неха́й вінъ самъ трóхи вгаму́етця.

»Та яковó жь отгáчочки й не звáти — чи мни́ жити у світі, чи лежать у домовині? Ой ли́хо мо́! ли́хо моé!»

— А ти думала! Сé вонó, житте людськé, сé вонó й ё: терпи́-терпи́, надійсь та сподівáйся! — вповóжу Кáтрі.

»Або ще й сподіванку покинь, та живи собі тákъ, якъ безъ не́ї живётця!» додáвъ Чáйченко. Знáвъ, бáчте, пáробо́къ, порáдою втішити. .

— Розúмний не стрáтить наді́, — я ёму: — трéба сподівáтись живши...

»Покн не зра́дють, « зновъ мóстити вінъ.

А Кáтрия то́ді до ёго пригорну́лася. »О«, ка́же, »отсé я тебе зра́жу?»

Ажъ и вінъ на такé лю́бе словéчко всми́хну́всь.

— А намъ порá до-дóму, — нагадúю, — щобъ чáсомъ не ва́жити намъ собі лишенька!

»Иди́, Хíмо, голубочко!» гóворить Кáтрия. »Я ось тільки ще дві слові ска́жу, я тебе наздожену́.»

А самá менé вивóдитъ на стéжечку.... Я пі́йшла.... Щó й ка́зати! Я ще підъ гáсмь чимáлу годинку трівáла тихъ дво́хъ слівъ.... Та вже дóбре й те́ мині, що вона́ при́шла трóшки спокійніша и веселі́шая.

Допáли кривни́ці, та боржій, спóвнивши відра, додóму побра́лись. Насъ перестривъ бáтько....

»А до яко́ї се кривни́ці ходи́ли?» спитáвъ.

— Ми ще й прогуля́лися собі трóхи, — одка́зую ёму.

Вінъ подивівсь мині въ вічи и подивівсь на дочкú... А въ дочкí слёзи хвилюють... »Батенько!« промовила.

И пішовъ собі, наче вінъ не завваживъ и не чувъ слова її благáщого...

VII.

Часть идé, минаётця; ми ждемó собі крáщого, бідкаємось, страхаємось. Батько не згадує за Чáйченка.

Зняла жъ б́учу Пили́пиха, якъ визна́лась ба́тькова подія...

»Якъ«, ка́же, »якъ! Та чи жъ ти не рідна ма́ти своїй дві́-ві! Чи не ти стражда́ла, чи не ти її згодува́ла? Нехáй би такъ менé хто за́стувавъ передъ мо́імъ дві́ямъ! Я — ма́ти, вільно мині її за ко́го хоті́ відда́ти, чи за па́на, чи за на́ймпта, за то́го, хто мині до вподо́би...«

Та ажъ тоді вона́ посвари́лась зъ на́шою ма́тірью, и довго до насъ не ході́ла.

А на селі́ весі́лля ла́дятьця та ла́дятьця; приходять до насъ, запро́шуюють. Не гуля́нки у Ка́трі въ голо́ві, та ходить, — надія, бачъ, така: — ё́ю тамъ побáчнтъ.«

Сі́і осени и ба́тько нашъ на всі́хъ весі́лляхъ гуля́въ... Помі́чаю я, що Чáйченко ставъ б́льше до Ка́трі припа́дати: то́ було попереді́ть вона́ ё́го шука́-шукá, по́ки-то вінъ уя́витця, а то вже самъ вінъ її очима назо́рнтъ міжъ дівча́тами, и вмисне то́ді до не́ї го́рнетця, якъ старій ба́тько ту́ть бу́де, — якъ-би ё́го во́лю мавъ не́хтувати...

»Го́лубé, го́лубе!« (ду́маю) »се́го тобі не перетенéтити та́къ, — шкода́ й захо́ду!..

Ну, ба́тько нічо́го собі, — т́льки дівитця — не на Чáйченка, а черезъ ё́го го́лову, зъ-го́рї...

А Чáйчиха й на́ша ма́ти сидя́ть, отъ-мо́въ ті го́лубки сіві, що бачя́ть, якъ їхъ гніздéчко розноша́ють....

На одно́му весі́ллю, Чáйченко вже на́дто всмі́ливсь: одъ Ка́трі ма́ло-що и одступа́е... Ма́ти вже у такій тривбо́зі бу́ла, що забу́ла й молоді́хъ приві́тати.

Пе́ршъ усі́хъ гостéй нашъ ба́тько побра́всь до-до́му и намъ звелі́въ сходи́ть; а ще самé гуля́нине, самі́ та́нці.... пішли́ ми до-до́му; пішла́ Ка́тря пла́чучи.

»На плачъ, Кáтрє! щó помóжетця?« вмовляю.

— То щó? я плачу, а все я щасліва! щасліва, щасліва! Вінъ менє любить и я ёго любитиму, поки могó життя... нехай бáтько знає! хочъ горюю, — я щасліва — нехай и тє знає!

»Кáтрє! крáще б́уде, якъ бáтька не гнівѣти; л́учше, коли бъ Яковъ тихєнько обходивъ коло ёго. Атó жъ якѣй талáнъ вамъ б́уде, якъ бáтько не зглáнетця... Уважáй, якá мáти смутнá, та й у якѣй вона тривóзи... Не горнісь ти вже тáкъ до ёго — и дівчáта сміятимутьця зъ тóбе.«

— Нехáй сміютьця! Я ёго люблю, я щасліва!

»А якъ бáтько образівся, — якъ не п́устить б́ільшъ по весільяхъ ходѣти — дє тодѣ Якова побáчишъ? У-рáнци вѣйти забороняє, у-вєчєрѣ самъ двєрѣ замикає....

Обсѣпалася вона слізьми щє дрібнішими.

— А тáкѣ я щасліва, — промóвила. — Ей же Бóгу моєму, щасліва!

Перегóдомъ, зновъ насъ на весілля прохáли. Мóже й не п́устивъ би бáтько, дакъ рóдичѣ. Идемó тудѣ усѣ вќупѣ, та ажъ насъ ўлиця шпрóка т́исне.... Прихóдимо. Зѣркъ-зѣркъ по хáтѣ, по ќимнáтѣ, по усѣхъ куткáхъ и зáкуткахъ — б́ігмá Чáйченка.

»Щє рáно, ще вінъ прѣйде!« кáже Кáтря.

Идемó, та дожидáємо — нема. Вже п́ізно уступѣла старá Чáйчиха. Кáтря тѣльки її з́успѣла, у-рáзъ опинѣлася бѣля своєї мáми: знає, що Чáйчиха вже не минє. Чи Чáйчиха не обáчила — сѣла вона собѣ оддалѣкъ. Нáша мáти самá до неї добрáлась — сѣла. Спд́ять мóвчки. И Чáйчиха и нáша мáти несповѣйні, бач́у. Отъмовъ и хóчуть спитáтьця, та не звáжутьця; хóчуть говорѣти, та не змѣркуютьця. А Кáтря тáкъ и кпѣить у пѣждóдѣ том́у. Знає тє нáша мат́уся, — дѣвѣтця на Чáйчиху любєнько-жалѣбнєнько, а Чáйчиха на свѣй нóясъ доглядáетця, та й кáже: »Якѣ-то тепєрки пояси́ тчуть, мо́я голубко!..«

— Чом́у вінъ не прѣйшовъ? чом́у? — вѣмóвила Кáтря самá, мáтері не дожидáючи — своєї, — чужóї не сорóмлячпсь.

»Кáтрє!« дорѣкн́ула мáти. »Охъ! мо́я дитѣно!«

А Кáтря й не ч́ує: — Чом́у не прѣйшовъ? чом́у ёго нема?

»Не знаю. не знаю, мол крáсо! Вінъ казáвъ минѣ — б́уде... а нема!.. мáбѣть, прѣтѣчинна якá... я ёго поспѣтаю... я тобѣ скаж́у...«

Такеньки старá Чайчиха словами мішаєтця, и зупиняєтця, и перехоплюєтця — щó'тсе такé?

Дá.лі вже кáже, що Яковъ дождáвъ якогось чоловіка до себе, — якiсь воли на спрóдажъ находятьця... зтого вінъ и не прийшовъ, мáбiть.»

Не-въ-забарі вона похвати́лась до-дóму и пішла.

Мп ще бу́ло по весілляхъ, а Чайченка — якъ пiйма появилá — нема, нiде не бувае. Мати ёго хóдить, и — то вона скаже, що вінъ вездúжае, то скаже — дóма ёго нема. Самá вона журна́ дúже, а Кáтрю вговоряе: »Не печалися, дитино, не печалися! Перейде ли́ха годiна и гóре перебу́детця, то й поберетёсь!»

Мати те жъ Кáтрю свою жа́луе: »Лúчче, дóню, якъ вінъ не попадаєтця бáтькові на óчи — бáтько не гнiвiтця, — а тамъ, мóже Господь дасть, старий мiй и погóдитця.»

— Нехáй же я ёго побáчу, хоть на малú хвiльничку, — блага́ла Кáтря, — нехáй вінъ хоть селóмъ прóйде, а я подiвлюсь на ёго здалека!

»Зажди́, зажди́, не мóжна!» одмага́лася Чайчиха. »Зажди́, зажди́, не мóжна», прóсить мáти.

Кáтря, хочъ смутуе, хочъ плаче, а слúха, — сподiваєтця добра́ вщé...

Одногó дня увiйшовъ старий у хáту весели́й: »Чи не бу́де снiгусъ, кáже: »тамъ такi бiлi хмáрп дра́глють.»

Старá, дивлячи́сь на ёго, насмiялась:

— А щó, мiй гóлубе, — вшмовляе любéнько, — щó ти бáчпвъ? щó чувъ?

»А щó я чувъ? нáшу Кáтрю свáтають.»

Тiмъ слóвомъ сполохну́въ насъ усiхъ: хто сидiвъ, — схопiвся; хто стоявъ, — у кутóчокъ горну́всь....

— А хтó жъ свáтае? когó намъ Господь поспiлá? — питае мáти, лéдвi гóлосъ звóдичп.

Кáтря бiло збiлiла.

»А старий Шéляхъ за свогó сiна Дмитра́ свáтае. Се жонiхъ! Се не лiчозiръ, не пройдiсвiтъ який-небу́дь, се хазiнiнъ добрий, щó зъ срiбного кúбка своiхъ гостéй почастуе.»

— Щó зъ тiхъ кúбкiвъ, якъ нóвнi слiзi! — мóвпть мáти.

»Гмъ!» Бiльше не сказа́въ ничóго, тiльки прудни́вся на неi пiльню. Вона́ слéзи своi нiшкомъ втирала — ховала.

»Я собі бь кращого зятя самъ не шукавъ«, зновъ батько озвався; — насунувъ шапку, та й зь хати вийшовъ.

Мати усі думки приплакали: »що ёго робити, и що ёго чинити!« Кятря ажъ білі руки ламле...

Якъ на ту жь пеню — и старá Чáйчиха не завідає насъ, и Пилипи́ха се́рдитця: нікому поради дати, нікому разважити... А того лю́бого якъ запавъ слідъ, то й запавъ...

Мати почали-були Катрю умовляти: »покорись батькові, доню, — покорись, дитя моє!«

— И вы вже, ма́мо?... Безта́ланнечко жь мо́е!.. — побива́єтця Катря...

»Доне́чко ми́ла! ко́го жь ли́хо ми́вэ? Живши у світі, ёго не втечэшь, — ко́жне одбува́... Що жь, якъ ти ба́тькової ла́ски однаде́шь, а той, мо́же, одцура́єтця...«

— Ви́нъ одцура́єтця? Мо́же и я ёго занедба́ю! — Та и засміялася... Хотіла я і́й тоді сказа́ти, що вже й тепе́рь трóхи на те походи́ло, що ви́нъ цура́єтця, та жа́лко мни́ і́ стáло... И ма́ти за се́ більшъ нічо́го не змо́вила, -- зітхну́ла важэнько, та стáла зновъ і́ проха́ти: »жорі́сь, доню, ба́тькові!« — Неха́й же я лу́чче вмру! — Якъ ма́ти не пла́кали передъ не́ю: — Або́ я вмру, або́ за нимъ б́ду!

Давне́нько ми вже Мару́сю не ба́чили, то за го́ремъ своїмъ, то за сва́ркою тією межі́ старими, та й Мару́ся на́че хова́лася: зь хати, сли́вэ, не виходи́ла

»Ходи́мъ«, кажу́ Катрі, »ходи́мъ до Мару́сі; що́ намъ, що́ старі́ посвари́лись — ми то́го не зна́ємо; ми собі зь не́ю у три́ззі по́радимось.«

Мару́ся сиди́ть — ши́е; удові́ не бу́ло до́ма.

»Мару́сю! Мару́сю!« говори́ть Катря, »прийшла́ я до те́бе свою́ ту́гу розді́лити, та зна́ю, що й ти мене́ осуди́шъ, якъ мо́є сло́во почу́єшь!«

— Сядь, Ка́тре, та роскажи́, — ка́же Мару́ся.

»Ба́тько мене́ за ё́ю не да́, — зна́єшь? За нелю́ба мене́ вже тепе́рь приби́рає. А я, Мару́сенько, хочъ и ба́тька й ма́тиръ, то я для ё́ю покинула́ бь — не пожа́лила... Що́ мни́ те́е? Неха́й ска́же — я за і́мъ на край сві́та піду́! Піду́ та й не огля́нусь разу́! Мни́ нічо́го не тре́ба: неха́й и́ншимъ роско́ши, и́ншимъ неха́й доста́тки, — мни́ неха́й житте изъ нимъ вку́пи!«

Не зводючи очей, промовила Маруся: — Бóже вамъ поможи, Катре!

Зумілася жъ я! »Марусю!« покликну. »Се ти? та я покірлива?..«

— Голубко моя! сестрице! — обиймає її Катря, ридючи. — Ти менé не судишъ?

»За що?« стіха питає Маруся. »А ти жъ ёго любишъ?«

— Такъ люблю, що її не вимовлю! А на мене усі нападають-ця! хочуть, щобъ я ёго покинула! Марусе! якъ би ти любила?

»Я бъ не покинула.«

Я все чую, та віри не ймú. — Марусе? чи се ти говоришъ? — кажú. А мати твою якъ бй почúла?

»А що жъ? якъ бй я любила, то вже мині нічого не страшно; и нікого бъ я не боялася — тільки того, когó любила...«

— Ти моє сёрце розвеселила, Марусечко! — дякує Катря. — Дуже вже мині було вáжко.... хочь менé ніхтó не переумить, та слова тii менé ображали.... Спасiби тобі, Марусенько, гáловько!

Маруся ий осмихнула. »Нi за вiщо дякувати«, згомiнала: »я правду свою тобі кажú.«

VIII.

У першу жъ таки неділю по сему, до насъ сватi вь хату одъ Шéляха. Приняли, пошанували. Дякує за ласку мати, тугу свою та журбу перемагаючи, — а бáтько говорить:

»Я собі кращого зiття не жадаю, панóве ласкаві! Та треба дитини запитати.«

Вкликали Катрю. »Катренько!« кажú ий тихо, »роздумайся добре!« Вона мовъ и не чує. Уступила до хати бiла, а смiла, необорня — хочъ тутъ вмирати.

Питає вь неi бáтько: чи пiйде за Дмитра Шéляха? та пита вiнъ iкся ласкаво и гризно....

»Я паробку ганьби не даю, и питi не пiду!« одказала Катря чiсто, якъ вiспiвала.

Поклонилися сватi, — тихо та гордо геть вийшли зъ хати.... Ми не ворухнемось; Катря стоить.... Бáтько не промовивъ слова. вийшовъ и собі зъ хати....

Плаче мати, очей не сұшачи. Старий не впоминаєтця про сватанне, мовъ ёго не було; а насъ наче не бачить передъ себе: хто увійде — не оглянетця; хто озвѣтця — не слұхає.

А Чайченка того нема та й нема!.. И матері ёго не видно...
Вже Катря самá до їхъ бігти заривáлася — дакъ мати впиняла.

»Коли вже ти менé не послұхаєшь, доню, то Богъ изъ тобою: робй тоді, якъ ти самá знаєшь, а я вже бáтька не просьтиму.«

— Дóбре, дóбре, мамо! покiньте менé, занедбáйте... Тiльки пустить до ёго!..

»Нi, не пушчú, доню! Я тобі на порóзи стáну, не попушчú йти!.. Не годiтьця!«

— Я втечú одъ васъ! — озивáетця Катря. — Я абó втоплюсь, абó що! Я такъ жити не здолiю!..

»А вiнъ же якъ?« iнколи спитá ii Марúся, слұхаючи того нарикáння. »А якъ ти ёго зажуришь?.. Те своé горе ти не пестй тáкъ; яковó ёму тепереньки — ти не помисляєшь... Ти для ёго перетривáй усé, поки бáтька вблагáєшь.«

— Та колибъ же хочъ на ёго глянула! хочъ до ёго промóвила! Нехáй тiльки бъ сказáвъ, щó минй робити! Нехáй вiнъ менé вь огóнь пошлé — я пiдú... Чомú жъ бо вiнъ не йде пдóси! Хибá вiнъ менé покiне?

»Коли не йде, то, мáбiть, такъ трéба, Катре! А ти втихомiр-ся та жди... Та, мóже, мáєшь щó ёму переказати, зáразъ, негайно... Перекажи черезъ мене: я хотъ и схожú до їхъ.«

— Ти?... А мати твою не пúститъ тебé?

»Пiдú. Говори — щó сказати?«

— Ти скажи — щó я пропадаю, щó живáя гiну!

»И нá щó отакé ёму говорити? Лúчче нехáй вiнъ почúе, щó ти ёго вiрно любишь, щó ти ёго бúдешъ дожидати, щó бúдешъ бáтька благати...«

— Нехáй би вiнъ знавъ, яку я мúку терплю! Скажи ёму, щó бъ усé вiнъ кiдавъ, щобъ ишовъ менé одвiдати... бáтько не знáтиме... а хочъ дознаєтця, гiршь, мáбiть, вже не бúде...

»Нá щó такé казати, Катре?« зновъ ii Марúся: »Хибá жъ ёму й такъ не вáжко?«

— Ну хотъ скажи, щó такъ я ёго кохáю, якъ свою дúшу; щó я журиюся...

Того жъ такій дня, Маруся каже: »Підуй я, мамо у Любчнки!« Плиппха дуже подивовала, да не боронила... Вже якъ Маруся виходила, убравшись, — вона запитала: »Чого се ти у Любчнки?«
— Підуй, мамо, прогуляюся.

»Иді, доню.« Самá її за ворота провела та тоді вже у-слідъ, схаменулась, покрикнула: »Не барись довго, Марусе!«

А Катря, скоро випроводила Марусю за слободу, то вже й ждять почала — коли прийде; — переняли ми її ще на дорозі.

»А що? бачила? буде? Що казавъ? Коли?«

— Треба тобі, Катре, ще потривати... — каже Маруся.

»Вже не сіла моя тривати! Такъ вінъ не прийде? По що жъ ти ходила? Чому вінъ не прийде? Що казавъ?«

— Дуже вінъ печаловитий щось, — говорить Маруся.

»Печаловитий?« покрикне Катря. »Коханий мій! Самá такъ слізьми й розлилася.

»Я підуй до ёго самá«, каже, »підуй, — хочъ нехай менé потімъ живу замучять, — я підуй!«

— Вінъ веливъ, щобъ ти не приходила...

»Не приходила? Якъ-то — не приходила? То ти, мабуть, не вчула! Хибá бъ я теперъ звáжилась на ёго сказати, щобъ не приходивъ, хоть би й смёрть мині за плечима по тому?«

— Просивъ тебе не приходити, Катре; а ти, якъ ёго любишь вёрно, то послушаешъ.

»А вже жъ я ёго послухаю!..«

И довго вона, по тому слові своєму, плакала — сидючи край дорогги.

Тільки бачу, Маруся щось такъ, якъ не домовляє: то у зёмлю очи спуститъ, то щось у думці має собі... Якъ вилучилася мині годинка, нішкомъ побігла самá до неї.

»Марусе!« кажу, »щось мині той Чайченко не певень!«

— Якъ-то? — питає.

»Не любить вінъ Катрі щиро! Чи я жъ не правду кажу? говорі!«

— Та я не знаю, Хімо! — одкаже мині, роздумуючись.

»А я дакъ знаю, що ти Катрі розказала не все. Ажé не все?..«

»Ні, не все.

»Кажі жъ мині усé.«

— Та нічого, Хімо! Я щó тамъ чула, одъ Кáтри не потаїла, а се, бачъ, въ мене мої думки...

»Дарма! розкажі тїї думки свої!«

— Отъ, якъ приїшла я туди, — розка́зує — мене стріла ёго ма́ти, та смутна́ така, Госпо́ди мїлнї! А якъ я сказа́ла, чо́го я приїшла — вона́ заплакала си́льне... Нічо́го її не одмовля́ла вона́ на мої слова́, тільки усé плакала... Уступі́въ п вінъ у ха́ту... Де́сь вінъ, Хімо, самъ у вели́кихъ мїсляхъ, у скорб́отї... Такъ змарні́въ на впду́... Я говорю́, що мене́ Кáтры приспа́є — п зда́лося мнї, — чи то такъ, мо́же, зда́лося, — що вінъ, почу́вши, не обраді́въ... Не ка́же мнї свого́ слова́, не пита́ мене́... Тоді́ вже я сама́ усé переказа́ла, п що Кáтры хоті́ла сама́ до ёго приї́ти; а вінъ за́разъ похопі́вся: »неха́й не приходіть вона́, ска́жіть їй, будь ла́ска, — неха́й вона́ не приходіть!« Вкло́нівся мнї та її зъ ха́ти пішо́въ...

»А старá?« пита́ю.

— Постóяла я трóхи, та її беру́ся йти до-до́му; тоді́ вона́ мнї, пла́чучи, зговори́ла: »Дівчино-ла́стівко!« ка́же, »вели́ка ту́га на мо́єму се́рденьку, та, мо́же, ще до́ля на насъ пзгля́нетця... перека́жи 'тсе Кáтри — щобъ вона́ такъ не вбпва́лася; ще, мо́же, усé на до́бре ви́йде...« Та я її пішла́...

»Що́ 'тсе тамъ у їхъ—та́йности? Що́сь непéвно... Чи не до-вести се́го Кáтри?«

— То щó жъ ми їй до́водити ма́ємо, коли́ не зна́ємъ самі́ га-ра́здъ, — ка́же Мару́ся.

»Та я вже зна́ла, що Ча́йченко не лю́бить щїро́ Кáтри; не-ха́й жо її вона́ вїда́є. Коли́сь таки́ ся пра́вда спра́вдітця, — лу́чче неха́й тепе́рь. Скажу́ їй, та її го́ді! А чи пойме́ жъ вірп вона́ мнї? Та її чимъ мнї довести? П якъ тогді́ вона́ при́йме?.. Якъ би на мене́, то пра́вда гір́ка́я краще крївди соло́дкої, — воно́ її здоро́вішъ до то́го, — та не всі́ жъ бо такі́ вдáчу ма́ють.«

Дума́ла я її передуму́вала довге́нько собі́... Ні таки́, я їй ска-жу́!.. Я такі́ часї́нку вїгада́ла, якъ вона́ не плакала́, а вже по слеза́хъ, втомї́вшись, сиді́ла собі́ ті́хо. »Кáтре!« кажу́ їй: »чи ти́ зна́єшъ пéвно, що Які́въ тебе́ лю́бить?«

Вона́ глянула на мене́, якъ на дитї́ну малу́, — осмі́хну́лась.

»А щó«, кажу́-таки́, »якъ вінъ тебе́ та покї́не?«

Вона́ ще весе́лішъ до мене́ засмі́ялась.

— Ти ще нічого не розумієш! — промовила.

»Можє розумію кращє, ніжє ти«, говорію їй: »збоку усє вбачаетця видніше!« Звожу на очи їй чимало такїхъ, що любїли, та й покинули; що покинули, та ще й насміялися; їнші вишукують того коханннн такъ, абї замути́тьця; а є й такі, що вимагають щїрости, не скажї для того тїльки, щобъ зоставити повїкъ нещасливими ймовїрнихъ!.. Усє свїтове я їй довожу гáрно, беруся розсудливо, якъ могучї, — та шкода мого розуму клоїтнїного! Якъ хто когò любить, то любївий — и найкращий у свїті и все вже добрò відъ єго. Не думки намъ, що робить вінъ, якъ и їнші люде, — не гарáздъ; а така думка, що нехай люде єго робомъ роблять, то усє добрє бúde. Такъ-то минї Катря одмовляла, що їй розкажý — яку зраду — вона й одмóвить: »я бъ и зъ-рòду такого не кохала паробка!«

»А чомý твїй Яківъ самъ не йде, и не хоче щобъ ти приходила?« Чомý єго мáти хочъ не навідаєтця?«

— Се вінъ знає; вінъ мнї скаже.

Я вже тоді и доводити їй и говорити гóді. Коли бъ вона хочъ розсєрдилася за що небудь, а то приймає мої рєчи такъ, наче я їй кажú, що Чайченко птахъ, а не паробокъ, — и зъ мєне ще вона смїєтця: »нічого не розумієш!«

У хáті у насъ нессòгласка, сумъ. Батько хмүрий хóдить, мáти плаче та журитця... Катря за своєю тугòю, та за коханнємъ, то й не зважала на мáтерину журбú.

»Магусю! гóді вамъ плакати! Абó ви Катрі не потурáйте, абó не плачте вже!«

— Вамъ, скóримъ оттакїмъ, лүччо у свїті, — одкаже смүтно: — вп собі, якъ вже покладетє — такъ бúde!« та й ведетє до того. А я, нещаслива, я не знаю, щò минї пєршъ дїяти: не гáрно Катрі потурáти, та жалко и вппивáть — якъ я згадаю, якъ вона, мой голубка, побивáєтця! Хїмо, мой дитїно! хто єго й зна, щò тутъ и кращє! Тутъ Катря мой гїне, а тутъ чоловікъ скипаєтця проти мєне, — вже й на очи не хоче приймáти...

Окрóмъ Шєляха, нїхтò ще Катрі не свáтавъ; а Шєляхъ, тогò жъ такї тїжня, якъ Катря імъ згордувала, засвáтавъ другу дівчину, та й одружївсь. Та, булò, приберє свою молодú жїнку, мовъ тую брáмарку багáту, — тамъ-то намїста дорогòго, тамъ-то дукачївъ; а самá жїнка мавєнька, коротєсєнька, та ажъ пїх-

че підъ тїми убраннями, — а вінъ усє її мїмо нашихъ віконъ у свїто провїдить — самъ у такїй шапці, якъ рєшето, у поясі шовковому, червоному, що ажъ очн въ сєбе берє. Ідє, та повєрхъ нашої хїти поглядїє: »що 'тсе такє стоїть, що я єго дєбрє не бачу?« такїмъ, булє, поглядомъ поглядїє.

Пїзно підъ вісєнь, тогє рєку, побрався нашъ бїтько у дорєгу. Якъ вихєдивъ: »бувїйте здорєві!« промовивъ усїмъ намъ загуртъ, та й пїшовъ... Ми за їмъ їдемє, провєдїти єго за слєбоду. Стїли мїти гїрко плакати, — вінъ трєхи зупинивсь и гєвєрїть: »ви собї робїть, якъ знїєте: кохїйтеся, колї влїтнї, — а я на своєму слєві стїну: я за Чїйченка дочкї не 'ддїамъ, поки живь. Бувїйте здорєві!« Пїднїєвъ протї насъ шапку, та й пїшовъ дорєгою, — а ми у слїдъ єго дївїмось стоїмє, якъ хєлодомъ прїбїтї.

»Кїтрє! Кїтрє! дїтїно мєя!« вїмовїла мїти: »въ якў се гєдїну ти закохїлася! Гєспєди свїте! Пїшовъ, лєдвї попрєщївся — колї се бувїло?« Дївїлася за бїтькомъ, вїлївїючи слєзи, а вінъ усє дїлї, та й за гєру зайшовъ, тїько ще чўли, якъ гукївъ: »гєй! гєй!«

Щє дослїхїлися-стоїли, та вжє тїхо — дєдєму тодї повертїли: »Кїтрє!« пїтїє мїти, »чогє задїмїлася?«

— Я хєчу Якова бїчїти!

»Ой, дїтїно мєя! Чн не чўла, щє бїтько казївъ?«

— Я хєчу Якова бїчїти!

Не тужїла вєнї, не плакала, и на все, щє її прєхїла мїти и зупнїєла, и жалувїла, — на все вєнї одмовїла: »я хєчу Якова бїчїти!«

IX.

»Кїтрє!« гєвєрїть мїти, »нєхїй я лўччє самї пїдў тудї, — самї за все розвїдаю...«

— Нї, мїмо, нї! Чн такї ви самї не бїчїте, щє мнї не дєдїнкївъ, не дє обїтнїць... Нє зборонїйте мнї, мїмо! Я не послўхаю васъ... я нещїслїва — я на все пїдў...

Пєбрїлися ми у Лїбчїки, не гїєвши чїсу. Намъ вїжко булє, а Кїтрєю обнїєла якїсь рїдїсть бєжєвїльнї: усє вєнї позгїдувала, и балїкала не стїхїючи. Спомїєнїла, якъ ми булї на вхїдчї-

нахъ у Чайченка, якъ танцювала въ Бўлаха на весілі, пригада́ла знакомихъ дівча́тъ Любчівськихъ и паробківъ, усі жа́рти и ви́гадки весі́лі на́ші, — отъ, ніби-то вона́ була́ десь у тісній, зёмній нево́лі, та се ви́зволілася, и зновъ и́ймѣтця і́й на жпitte весі́ле и лю́бе, и забіга́е вона́ вже думками поманли́вими...

Уступіли ми сперву́ до своєї ро́дички; зра́дили намъ, прийма́ють. Въ ха́ті у і́хъ усѣ такъ, якъ и бу́ло, тихо та сумі́рно. Чоловікъ і́й привітний, сама́ весі́ла та спо́кійна. Вінъ вже са́ни лади́а, вона́ кожухі́ перегле́жуе: добра́ імъ о́сінъ була́, добро́й и зи́ми сподіва́ютьця... Здо́ровий величе́нний кіть му́рий, на со́нці потяга́ючись, мру́кае — зъ свогó до́брого талану́; во́лі високо́ро́гі поло́вії дівлютьця зъ за́городи у двіръ пова́жно; бі́ліи гуси́ поспіша́ютьця на во́ду зъ горі́; а чорноря́бі каченя́та, кря́каючи, у двіръ садко́мъ беру́тьця; ку́рі рознопе́ри по усѣму́ двори́щу розбри́лися, а півні́ не вгамоні́ кукури́кають, мі́сто вихваля́ютьця. Садо́къ вже безлі́стий, а не пу́стий, доби́ляютьця по́лотно, розсте́лені по землі́, и ниткі́ розвішани́ по дере́ві; су́шатьця на со́нці грушкі́ и я́блука на тичка́хъ тонѣнькихъ; у горо́ді гуркі́, на насі́нне зоста́влени, жовтію́ть, та гарбу́зі...

Ста́ли ма́ти проща́тися, бо вже́ Ка́тря да́вно коло́ двере́й сто́яла, а ро́дичка прѣ́сить: — погуля́йте ще въ насъ, та погуля́йте!
»Та я х́очу ще Ча́йчиху навіда́ти«, ка́же ма́ти.

— І́й жъ до́ма нема́е.

»Де́ жъ вона́?« спита́ли ми усі́, а Ка́тря голо́снїшъ одъ усі́хъ.

— А по́ехала у Хмелі́нці ще позавчо́ра, до си́на.

»А спнѣ́ чогó тамъ?«

— Хто́ ёго зна́е! Вінъ вже да́внѣнько все тиня́етця десь... На́ші лю́де ёго ба́чили въ-оста́нне у Хмелі́нцяхъ, а се́ и ма́ти по́ехала туди́ до ёго; вони́ жъ са́мі зъ Хмелі́нцівъ, въ і́хъ тамъ я́кісь ро́дичі...

И ха́ті бі́лі и ха́зі мї́лі — немóвъ и́ймомъ припа́л, по тї́й новї́нці, для насъ. Слу́хаемо, якъ вони́ роска́зують та хва́ляютьця и житте́мъ и лю́дьми; та хто́ жъ не зна́, якъ то слухати́ легкі́ рѣ́чі безнапа́стного щаснї́ці, при сво́ій лхї́й годї́ні? Се якъ тяжконе́дужо́му припада́ють па́хоці́ весня́ні, що́ и х́ороше дочува́ти і́хъ, и то́млють на-умі́ръ...

Пішли́ ми собі́ до-до́му, а Ка́тря зверта́е до Ча́йченково́й ха́-

ти; схилилася на тинь и подивилася у тихий та пустий двір, бліда сама, як хустка.

»Завтра я зновъ прийду«, промовила наче сама до себе.

Тільки ми тріхи вийшли за село, на перехресний шлях, наперейми намъ чоловікъ вóзомъ іде, вози поганяє—заразъ ми впізнали Михайла Иваненка: якъ ёго не пізнати? Дуже бувъ білявий волосомъ, а засмáлений вітромъ, опáлений сонцемъ—то брови й усь наче виномъ поналися. До-того, високого зросту, коцáвний, похіпливий, жвáвий... Сей Иваненко на-пропале закохався у ярмаркáхъ, у кúплі та въ продажі: чи засівáвъ нашу: «се повезу у ярмарокъ!» чи жавъ, чи косівъ, чи вигодóвувавъ щó: «буде чимъ поярмаркувати!» Чáсомъ вінъ, було, й втрáтитця здóрово, а стануть ёму тé доводити: «то щó, що втрáтився! абіи свіжа копійка!» Жінка ёго горувала за нимъ: якъ одружився, то вінъ вже трéтю хáту се перепрóдавъ. Якъ нема ёго, то все жінка жаліетця лю́дямъ: «Які хаточки були придóбні, які слáвни—поспрóдувавъ; теперъ опоряджáю сю хáту, та й сю, маб́іть, продасть; менé не жáлує, л́іть моіхъ не ввáжу!» А якъ вінъ дóма гости́є, то зновъ вона, якъ не жадá посваритися—не мóжна изъ нимъ свáрку зачепити. Вінъ їй привезé и очіпокъ, и серéжки, и хустку зáвсиди; вінъ свою кúплю такъ крáсно покаже, а продасть—дóбре, такев́ьки слóвомъ передъ жінкою приминитця, такого їй новинóкъ пароскáзує,—а бу́ла жінка цика́ва зъ цика́вихъ,—що вона ёго слухає та й заслу́хастця,—та тоді тумáнь спаде, якъ вже вінъ зновъ зъ дóму ви́хопитця куді́ у ярмарокъ.

»Звітки Богъ несé?» пита́ мати Иваненка...

— Зъ яко́го ярмарку?—кажу́.

Кáтры іде попереду, не слуха, тільки вклони́лась Иваненкови, ма́ючи звича́й.

»А сея, ка́же, «бувъ у Зáйчикахъ, бувъ у Лебедівці; у Хмелі́нцяхъ бувъ...

— Де́сь-то вже ярмарокъ дóбрый у Хмелі́нцяхъ, перехопі́ла мати, отъ и Чáйчиха туді́ поіхала,—не бáчили іі?»

— Дé то вже не бáчивъ! Хóдить и вона́ по ярмарку, мовъ грóши загубі́ла.

»Чо́го жъ се такъ? Тамъ же вони́ зъ с́іномъ?

— А синъ хóдить якъ прóбу рóзумъ загубі́въ. А гáрна удова́ веселіє, що загубі́лене знайшла́.

»Якá удовá?«

— Хороша, молодá, свіжа... Отъ, коли бъ такихъ та спрѣдувати, чи купляти, — були бъ торгї, кажú вамъ...

»Чи не знаєте, якъ вона на пмьá прозивáетця?«

— Вбачáючи, — кáже, — диво, та не спитáти, звiтки взялось?«
Вона Тернiчнхою прозивáетця.

»Чи жъ Чáйченко ii свáтати хóче?«

— Тамъ ихъ залётчикiвъ биля неi тако́го, щó за дѣнь не перевiшаешъ; — хтó свáтае, а хтó вiзьме — се-то вже вона знае.

»Бувáйте адорóви!«

— Щастi Бóже!

Кáтры вiчóго тогó не чýла...

»Бóже мii, Бóже великий!« промовiла мати зъ жáлемъ, идучi дорóгою: — »Бóже мii добрий!«

Думали-думали, якъ ёгó лúчче Кáтры завiстáти про те, що чýли, та порiвнiвшись, прóсто усю прáвду кáжемо. Мати плаче та вмовляе: »не журiсь«, та прóспить: »забúдь!«

»Нá що мене дурiти«, говорiть Кáтры зъ смúткомъ.

Ми присягáемось, що чýли одъ Иванѣнка.

»Гóди! гóди вже!« тiльки одмовляе.

Якъ у хáту, увiйшла, припáла на лáви, схли́вшись на покúтне вiкóнечко — дiвiтця, та дýмае; а тамъ якъ звелáся — блiдá, блiдá!

»Щó тобі, Кáтренько, щó тобі?«

— Нiчóго! я подумала: щó, якъ би томú прáвда була, що вiнъ iншу покохáвъ... я тiльки подумала, я вiрi не iму... и не нiтиму...

На дрúгий дeнь вона такi зновъ пiшла у Лiубчики; була и на трѣтiй... Щó мати говорiла, сварiлася — не слúхала... усѣ вона собi думала и частѣнько на видú блiдла...

На зáвтрий дeнь вона зновъ у Лiубчики, и на позáвтрий — що-дня iде. Коли, булó, я за нею пiдú собi — вона мене и не заввáжить нáче; а заговорю до неi: »гóди, гóди!« перexóпить мене... У Лiубчики увiйде (я вже, булó, усѣ ведú ii по-пiдъ горóдами, якъ изъ нею, пóтайно), прiйде до Чáйченковоi хáти, подiвiтця на двѣри позачiнiюванi, на втiхлий двiръ, постóить та и додóму вертáетця...

X.

Одного ранку Кáтря вже убíралася йти у Любчикки, коли сама Чайчиха до насъ у хату. Усі ми такеньки до неї й кинулися...

Сіла старá на лáвці, питає, щó вь насъ, чи все гарáздъ, чи все дóбре. Я на неї дивлюсь — змáрнила вонá чогóсь дуже за той часъ, що ми її не бáчили.

»Та не такъ-то дóбре«, одкáзує мáти, »якъ би сёрденько моє жадáло!»

— А щó старій кáже про дiтóкъ нашихъ? Чи вінъ коли надъ нимп власкáвитьця?

Кáтря, що все коло неї сиділа та трепетáлась, при сiмъ слóвi якъ кiнетця, якъ обхóпить її руками, якъ заридáє: »дé вінъ? дé Якiвъ?« вiмвила.

Старá її жалує, — гóворить, що вінъ хúтко бúде до неї, що здоровий... Мáти взяла Кáтрю за рúки, я далá водiци...

»Колi бúде вінъ, скáжить мiнi!« прóсить стару Кáтря.

— Та зáвтра бъ ранёнько приишóвъ, колi бъ не бáтько твiй...

»Нема бáтька!»

— То ранёнько прiйде.

»Зáвтра ранёнько!« вiмвила Кáтря, обняла гóлову свою и вáжко зiтхну́ла.

— А щó жъ бáтько вамъ кáже? — пита́ Чайчиха, — що кáже вінъ?

Тодi її мáти усé й розказáли... Якъ сплеснé Чайчиха руками, якъ заплаче! »Гóсподи мiлий! за щó мо́му дитáти щáстя нема!«

Мáти, самá у слiзáхъ, поглядáє на свою Кáтрю, та промовлáє: — гóди! щó се ви!

»Вже довику бúде дóля егó гiрка! Се тáкъ ёму порóблено! Не бúде ёму пáри довику! Не бúде ёму щáстя!

Кáтря схопiлася; мáти устáла; усiхъ якъ хвiлею прибýло до Чайчихи.

— Якъ порóблено? Хто ёму поробiвъ?

»А та жъ удовá, те моє лiхо пекýче!« кáже Чайчиха, дрибнi слiзи вилвáючи. »Не судiвъ Гóспóдь намъ пориднiтись, та ви мiнi якъ наймiлша родiна... Слúхайте жъ усéго гóра мого!

»Знаєте, що спершү ми у Хмелінцихъ жили и була тамъ у насъ вь селі удовá прехороша, пішна... Терничихою звáли. Така-то вже жвава, говірка, така— що й летючі слова хапає.... така-то до кожного прпкідчива, пріладна, лєстна... Я такі ще у-перве, якъ її побáчила, подумала: непевні очі удовини! Це жь сєрденько моє чүло!... Одкóли зазнався изъ нею мій Яківъ, ні до чо́го ставъ паробокъ—ні до роботи, ні до господарства, й гуляння покинувъ парубоцьке. Де вона, тамъ єго и очі, тамъ и гáдки єго...«

Мáти слүхає, на свою Кáтрю смүтно поглядáючи, слүхає й Кáтря пильно; стоить, уста стїснуті. А Чайчїха усє розкáзує:

»Якъ я єго прохáла: покїнь, со́коле, покїнь, сїзній! Не слүхавъ:—такъ вона до єго прикїнулась, такъ присєрбилась, що й свїть єму ввєсь завязáла. Безъ неї, мовлявъ, мовъ не живий хо-жү. Вже якъ муні и за невістку не хотїлося приймáти, та вже Богъ изъ тобою, кажү, сїну, оженися. Заслáли старостїв... А вона жь? Насміялася зъ єго, мáтинко! Не пішла! А щó, сїну, кажү тоді, не на моє вийшло? Вона усїмъ рівно очїма свїтить, якъ тобі... Покїнь, забудь стидкү! Вінъ усє не кїдавъ. Дїждáвсь, що вїявився багáч зъ чужо́го селá, и засвátалася вона зъ тимъ багáчємъ, а єго, якъ на воді лпїшла. Щó вінъ поскорбївъ тоді, щó вінъ поболївъ—я знаю! Та щó ви дүмаєте? Якá недóбра, якá незвичáйна! хóдить та й хóдить, було, вь насъ предъ вїконню— єму жалю завдає. Идє хороша, уряжена та весєла, и дївнця, чи нема єго дє; углєдить—на добрий-день дає, на здорóвья питáєтця... Такү покинути бь, та ще Бóгу подякувати, а вінъ усє любївъ... Дала вона якєсь даннї єму,—якісь чáри чарувáла...

Я, мої мáтинко, рїки слїз вїлила—благáла: сїну, оженися,—коханий, оженися! нехáй же вона зъ тебе не смїєтця. Дóвго вінъ менє не слүхавъ,—а делі самъ схаменүвся. Була у насъ дївчина, що єго давнєнько вже любїла, ми до неї сватїв—дївчина не хóче... Мáбїть вже перечүла що такє, абó вже то за-подїяно такъ було: зъ дрүгимъ паробкомъ дївчина повїнчáлася... А тáя безбóжниця єму, пїдъ вїкнóмъ нашимъ стóячи, вигукнула: »бурлакүй увєсь вїкъ, Якове, та любї тїльки мої очі яснї!« И зъ рєготомъ пішла собі— у долóні плєще; а вінъ за нею у слїд бїжить, якъ дитїна, а вінъ, якъ дитїна, плаче... Вона по-

бралася изъ тимъ своїмъ багатѣмъ, поїхала изъ нпмъ, та хутко зъ ёго рбдичами усімá посварїлася, зъ людьмї поневїрялася — не схотїла жити тамъ: вмовила чоловіка у Хмелїнцяхъ хату купити, в зновъ у Хмелїнці вкїнулася... Тодї вже такѣ лихо прийшло, такъ вона Якова зводила, що вінъ и нездужавъ, и марнївъ. Люде вже стали хптати на ёго головою... Я усѣ спрдала своє, и селїдбу и товáрь, який бувъ, та въ Лїубчики ми перебрáли-ся відъ неї... И Богъ мнї допомагавъ: Якївъ одужавъ, ставъ ненáче трóхи забувáти, на вечорнїці ставъ ходити, — колись вінъ у мене мїжъ усімá паробкáми такъ и сявъ! Отъ вінъ вашу дочку вподобавъ... Я вже долї ёму сподївалася, — сподївалася що старїй вашъ такї змїлуеця, — коли Якївъ: »не хочó женїтись! не бóду!« Я плачу, я питаю, я падаю: — »не хочó!« И прочула я, що въ неї чоловікъ вмеръ: — дѣ вже зъ нею на свїтї задляетця! Несподїванна ёго, кáжуть, смерть спостїгла; а вона зáразъ Якову знáти дала, щобъ до неї їхавъ... Вінъ и поїхавъ... Я за нимъ; прохала, нóчі не вспїяла, днї не вгавáла — вінъ не слухае, вінъ для неї и мáтїрь стару и самого себе забувае... Дивлюсь, що по ярмарку за нею юрма женé, и мїй Якївъ помїжъ иншими... Я вже хотїла до-дóму, та до васъ, усѣ лихо сказáти, — коли Якївъ до мене прийшовъ, та й впавъ на лáві... Щó такé?... А се вчóра пзнóвъ вже засвátалася зъ якїмсь шинкарёмъ!.. Стáла я тодї Якову говорити, вмовляти — и вінъ слухавъ мене... Думалп — якъ вáшого старóго вблагáемо, такъ и весїлля бóде... Та, мáбїть, вже подїя така! Мáбїть, вже ёму не бóде щáстя! Мáятись ёму однóкому бїдолаці!«

И стáла Чайчїха плакати сїльне, и мáти плаче. Кáтря швїдко изъ хáти вїйшла; я-за Кáтрею.

»Кáтре! Кáтре!« клічу, — не озивáетця, їдѣ ўлицею швїдко. Догнáла я її, берó за рóку, спїняю: »та кудї жъ идѣшъ, Кáтре?«

— Не знáю... кудп-небудь дáльшъ відъ хáти... Такъ отъ чогó вінъ такóї пїснї спївавъ! отъ чогó вінъ смутовáвъ! Вінъ не мене любївъ — її!

»Тó — булó, та вже теперъ пройшло — и тї не думáй... Дóбре, що обмїркувáвся вінъ, — збáчъ ёму: нема тогó дрéва, щобъ птїця не сїдáла!«

— Бóже мїй, Бóже! Вінъ мене не любївъ и не любїть!

»Бодай тебѣ, Кáтре! хїбá и такъ въ насъ зъ тобóю на лихо,

на сумъ нестáтки? Ти вже лúчче зъ Яковомъ поговорí, — не хáй сáмъ вінъ скáже усé, чи вінъ тебе любить...»

Вона́ озирнётця на мене, — якъ схóпить мене́ за рúку:

— Ти мнi не згáдуй ёго́ на пмья́! Я ёго́ вже не побáчу!
Не хóчу!

Та й слéзи рéвни íї словá перехопíли... Гóсподи! якъ вона́ плакала, якъ ридáла! Якими допрíками палкíми, якими гíрськими ёго́ дорíкала! мене́ не слúхала — не чу́ла...

Тáмъ утерла слéзи и зно́въ швидко заверну́лася до хáти. У хáти. мáти зъ Чáйчихою горóють у-двiйзi.

»Я не пiду́ за вáшого сiна«, промóвила гóлосно Кáтря.»

— Якъ? Щó? — пита́е Чáйчiха, перелякáвшись чи íї гóлосу, чи íї пóстатi. Злякáлася й мáти.

»Не пiду́ за вáшого сiна«, ще гóлоснiшъ гóворить Кáтря, »не хóчу. Хоть и бáтько давáтиме — не пiду́!«

Мáти ажъ рúки до нéба простягáла, а Чáйчiха слiзьми́ вли-вáлася.

— Чáри, кáже, чáри! Я зная́! Не дúрно вона́ ёму́ крикну́ла: »бурлакúй дови́ку!«

Усi плачуть; Кáтря стоiть нерухóма у стóла, тiльки дiше.

Чи то вже тáкъ упéвняна бу́ла тимi чáрами старá Чáйчiха, чи що Кáтря такъ свої словá вiмовила непóзибко, Чáйчiха тiльки сказа́ла: »такá вже дóля!« ще поплакала, пожури́лася, любо по-проща́лася зъ нáми — (Кáтрю якъ обня́ла вона́, Кáтря ажъ из-дригну́лася), та й пiшла́ собi до-дóму, горóючи.

Кáтря за нею́ у-слiдъ подвiвiлася. Сiла на лáви и дивiлася по хáти, дивiлася на насъ пiльними та бистрiми очiма, вáче вона́ щó поховáла — та недóбре ще обмiркувáлася.

»И дóбре, дóню«, озвáлася до неi мáти, — »бáтьку покорi-лася... перéйде тúга, знайде́шъ собi до пáри... «та й хотiла íї по-жáлувати...

Якъ же заридáе Кáтря, якъ затúжить! И не вгавáе плачéмъ своїмъ. Мi коло неi хóдимо, мi коло неi падаемо, а то вже скiá-ли рúки та й не поворúшимось.

Минувъ рáнокъ, минувъ день, поминувъ вéчiръ, пiчъ минáе — у насъ въ хáти ридáння гóлосне́ та гiрке́, та розпáчливе. — Зъ утóми переставáла плакати, а скóро занесé íй гóлосу людськóго, гóмону деннóго, скóро у тiшi ночнiй зiтхнé мáти, абó я ворух-

вусь — усє те, коженъ одголосъ наче побужає, наче додає тужи силн—и тужить вона знову, и ридає, и побиваєтся.

Прийшла до насъ Маруся. Сидимó усї тихо собі у смутку. Ніхтó не пораетця, не робить нічóго. Такъ и сидимо.

Бралися заговорить до неї, коли Катря якъ крикне на насъ:

»Ну, кажить мині, щó ви казатимете,— кажить, чи не мєрлі вставатимуть?« Та одхиляючи насъ відъ сєбе, та не слухаючи насъ, нарікати стане, жалкуватися: »Коли бъ же хочъ попрощатись пришовъ — коли бъ же хочъ щє разъ єго побачити!.. Якъ я гляну на єго? Та мині зъ-за єго плечá удовинє личко красовите движитиме... мині їхъ любі слова чуютьця, я їхъ кохання спочуваю, вь мєне сєрдце схнє!.. Покїнула єго!.. Бачъ, чогó вінъ смутовавъ! А я, щобъ ви знали, я єго ще бильшъ за той смутокъ любила, я єго ще лучче жалувала, я єго якъ розважала!.. Охъ важко, важко жъ мині!..

— А чимъ вінъ виненъ, щó перше любивъ?—вимовила Маруся.

»Хтó винний, щó я пропадаю? хтó винний?«

— Коли ти єго вірно любишь... — щось почала зновъ Маруся...

»Чи жъ я не любила вірно? чи я жъ не кохала щїро? а тепєрь мині щó? Лучче бъ я єго поховала!«

XI.

Часъ збїгавъ; туга якась по-троху втихла—та на усє розляглася. Пішлися тоді Катрі отті ранки довгі, а ті вечорі ще довші, ті дні, ніякъ неперебутні, — щó все сидишь та думаєшь, якó лихó твоє и якъ пришло на тебе, и якъ не покине тебе ніколи.

У-ночі вона мáло спала;—устане—ні объ чимъ не дбає; сядє коло вікна, наложпть рўки, сидить та вь вікóнце дивитця. Такевьки тїжні схóдпли, щó вона, живуца, була наче мєртва. И ми ходимо — наче щó вь хаті вмєрло. А разомъ, якогó-небудь весєлого, променїстого ранку, абó тихого тємного вєчора, вона якъ ожївіє,—такїми рєвними, гїрькїми слєзáми обїлетця! И тужить, и ридає, и бєтця до втóми... — и зновъ стїхне, и зновъ наче ніщó їй не дохóдить до-жива.

Хотіла зъ нею мати говорити, хотіла питати, — просить: »не говоріть нічого, и не пугайте нічого.« Ні зо мною, а ні зъ Марусяю розмови не хоче; часомъ віби зъ насъ смієтця.

Мати журілася дуже. Пилипиха усю пригоду нашу звала, а ради не знаходила, хочъ якá була мислива собі. Вона тільки судила, та сварілася, що мати коритця чоловіку, що зъ того усé лишкó встає, — та більшъ вона доводила того гнівомъ своїмъ, а ніжъ словами.

Діждали ми батька зъ дороги. Повернувся вінъ такий, який пішовъ — не ласкавий. Осмалений сонцемъ та обвітряний, здавався вінъ ще похмурніший ніжъ бувъ.

Повернувся до-дому у-вечері; ми ще не лягали, а вже всюди було тихо, якъ ёго гóлосъ грізний почувся. Ми кинулися, я и мати, ёму на зустрічъ, клічемо Катрю за собою: »иди батька стрічати.« Вінъ у двіръ уступивъ, насъ минаючи, тільки мовчки вклонився, — ми такъ и стоимó; — вінъ опорядивъ усé, — тоді у хату, сівъ на лаві оддалікъ одъ усіхъ. Мати вечєрати просила — вінъ кивнувъ головою, що добре, и вечєравъ усé мовчки, усé не дивлячись на насъ. Тільки одного разу ёго очі бистрі споглянули на Катрю пильно, — наче бъ осмалене обличче побіліло трóхи, а вінъ нікому не сказавъ нічого.

А Катря стоїть коло стіни, сама, якъ стіна біла, — бачу — зомліває. Добачає те й мати, хоче мову почати зъ батькомъ, та гóлосу нема́ слово вимовити.

»Втомівся я, каже батько.

— На добра-нічъ вамъ, — (кланяюся ёму); узїла Катрю за руку, та й вивела за собою съ хати у світлицю. Вона сіла и трусилася уся.

»Що тобі, Катре?« питаю. »Чи ти батька излякалася?«

— Ні, ні... я тільки спогадала... якъ тоді благала я батька, якъ нарикала!... тоді въ мене було щастє... тепєръ вже ні-обчїмъ мнї просїти дома, нічого сподіватись зъ сторони... Нема́ въ мене нічого, — я сама нещаслава!

»Втихни, Катре, втихни для батька, батько почує, — гóди!« вговоряю її.

— Втиши жъ ти першъ моє сєрце! — одмовила, ридючи.

Нічъ ишла въ тїзі та въ жалю. »Тёмная нічъ якá!« промовляла Катря сумючи, — якá тёмная та довгая!« А стала зоря роз-

світати, стало сонечко ясненько сходити, — каже: »Вже й зоряється! Вже сонце; — день, — якъ ёго перебути до ночі — Бóже милій!«

Мати тимъ тільки своєю журбóю тишить, що сее безталанне Катринне буде батьковí вгóдне; — хóтко й поспíшила ся сказа́ти ёму: »Катря вже не хóче сама за Ча́йченка.

Дуже ба́тька слова́ її зру́шили. »Повíсти, якъ усé було, — не вмийнi нічо́го!« велить.

И усé ёму́ ма́ти повíстíла — що́ було.

— Зглянься на дитíну бiдну, дру́же мiй, — про́сить ба́тька: — вона́ послóхала, покори́лася, а нещасли́ва...

»Вона́ не менé послóхала«, одмовивъ ба́тько, та й задóмавсь.

Ма́ти бо́язко на ёго спогляда́ла — гнiву не вбача́ла, тільки дóму-дóму на чо́лі висóкiмъ похму́рiмъ!

Да́лі вінъ пішо́въ собі пэ́з двóра — та́къ, якъ икъ га́ю побра́вся, — а тí порí вже не було́ нiякого́ дíла вь по́лі...

»Якъ вінъ приня́въ те́е — не знаю́«, говори́ла ма́ти, смúтно ви́гляда́ючи ёго́ до-дóму.

Вiнъ поверну́вся у-вéчерi пізно.

У-вéчерi усí у ха́тi зiбра́лися, усí вкúпи перебу́ли ёго́, до́вгого вéчора то́го. Усí робíли ко́женъ своé дíло.

И ба́гато тiхъ вéчорiвъ до́вгихъ перевело́ся вь насъ безъ розмо́ви, безъ го́мону, — отъ якъ, бува́, при недóжому, що́ кь смертi недугу́е, спди́ть лю́де не згля́нутьця, бо смúтний ко́женъ по́глядъ, не розмо́влятьця, бо нема́ iмъ у сло́ви пора́ди, а ча́сь iде́, тихо iде́, дóже тiхо, — то, нiби́, разо́мъ якъ проми́гне кiлька го́динъ, и зно́въ лéдвi то́чнтця, а ко́жна хви́лина ва́жко приляга́е на ду́шi...

XII.

Щó да́лі, то́ гiршъ сумова́ла Катря. Жалю́ свого збу́лася, а обня́въ її самiй сумъ. То́ було́ коли́ озвётця до насъ зъ Мару́сею сло́вомъ серде́шнимъ: »ой ва́жко, Мару́сю! ой ва́жко, Хiмо!« а то зовсiмъ одцу́рала ся усiхъ. Ласку́ прийма́, не вважа́ючи; що́ спита́ешъ вь не́й, заговори́шъ — »що́ трéба? чо́го хóчете?« До ма́терi якъ не рiдна дитíна; вiдъ ба́тька далéко сторо́нитця... Де́ тамъ вь селí при́года, дослу́хається, яка́ хто, жу́ритця, пла́че—iй

наче любо вдивлятися, обміркувати тутъ — и дивитця и слухае вона такъ, що ніби їй не жалко, що серце болять, а жалко, що чоловікъ нікчемонъ у світі, и говорить-було: »Отсе люде! що той розумъ людський!«

Стала вона якась холодновата, спокійна, хочъ и сумна, и смутна.

— Бóже мій, Катрúсю!—згадаю їй:—якъ колись — що ти за весела була!

»Була весела«, одкаже, »бо перше було жити лéгко у світі, якъ дуриному зъ горі́ бiгти... тутъ мині дé-що нахватiлося—зупинило мене... Спитала я тоді: що то за житте наше? И на що чоловікъ живе? По що у світь рóдитця? Живé на мýку — рóдитця на смерть. Нічого шукати, ні по чимъ болiти—усé прохóдить, якъ димъ, усé минáе, якъ зiлiна...«

Почнé, було, тáкечки говорити, тiльки слухаемо зъ Марúсею. Нагóнить було хóлоду своїми словами.

— Скажи мині, Катрúсю,—питаю одного разу, слухаючи ті мови її сувóри, — чи ти вже не любишь?

Та й самá злякала, що нагадала їй, а вона всмихнулася.

»Не бiйся, не бiйся«, каже »я́ вже не плачу тепéрь, я вже не ревнóю, та й не кохáю...«

— Якъ? вже забула?

»Ой, Хiмос«, промовляе, »якъ усé світовé минáе! И кохáнне и радóщи, и гóре—якъ усé минáе! Що було намъ дорогé надъ дýшу, — бáчимо, ажъ порóшiнка пiльна!..«

Змагаетця зъ нами, що нема у світі а ні дóбрихъ людéй, а ні правди у людéй. »А дé ти правдiви? Куди глiнуть, що стóплять, то все не по правдi. А дé ти дóбри?«

— Мати жъ наша? кажú...—Перехонiла мене: »Мати, бáтько, рóдичi? Та свiй своéму по невблi вже братъ! А нехай-но вь одну рiчть вкохáютьця та владúтьця — побáчишь тоді, якi дóбри и якá правда!«

— О, é у світі дóбри люди, é правда! — говорить Марúся.

»Хиба́ у нашихъ мiсляхъ изъ тобóю!«

— А що се, Кáтре, — кажú, — се вже ти одна, мабiть, самá-одна пéвна людина на світі?

»Що пéвного у світі? Отъ мині пéвно тé тiльки, що я безцáсна...«

Непорушімо вимовила свої слова... Згадують такевнчки давнього давна поховано и приплакане. А ми пзмóвкли. И отсе ні ласкою, а ні жартомъ не визвóлпть її и на хвпліну зъ того лёдоватого сýму...

Мати терпіла та плакала мóвчки; дармо, бóло, озиватися до Кáтрі... Батько тежъ слова не ронівъ; тільки батько одмінївся якось... Якийсь поглядъ у ёго часомъ бувъ, що я ще въ ёго ніколи не бáчила... Не постерегла того мати, и вжé жъ ни Кáтря, а щось у ёму одмінило. Се я, цікава, сама тільки я завважила. Ставъ вінъ ніби на виду похмурніший, а ласкавший; мовчущий якъ перше, а унятливиий; ставъ піклуватий такий, казавъ би ніжний...

Якось Кáтря, дівлячись у вікóнце, промóвила: »Усé хмáри, усé негода! коли вже те ясно бóде! коли теплішъ стáне!« То якъ вінъ виглядавъ того ясно! якъ ждавъ на те тепло! якъ ще зъ-вечора вихóдпвъ и дивівсь шильно та вважливо округі па нёбо!

Кáтря лёгко спáти стáла, не доспáла у ночі; а, лучалося, у день засвé коло свого вікóнца. Увійшовъ одного разу батько — дверіма грукнóвшп. Кáтря вздрігнулася... Якъ вінъ після того тихенько уступавъ завсідп, абó пережидавъ на-дворі, на пекучому морозі, щось ніби тамъ рóблячи, а нудячись безъ діла, покій довідаеця, що Кáтря обуділася!

Якось принесла до насъ Ппліппха кожушáночку — хвалілася, що добра — »А справді добра«, казала Кáтря.

— Дóбре, коли бъ и тобі такú, — гóворить Ппліппха. »Дóбре бъ и мпвп«, каже Кáтря.

На другий день рано, батько пзъ двóру поїхавъ, — у тиждень повернóвся — ажъ у другóму повіті бувъ: привізъ намъ усімъ нові кожушáнки. Даé Кáтрі — якé понóре ёго облічче булó и якъ трусилася рука даючи! Якъ вінъ прпнявъ якось покірно, що вона брала не глядячи щó берé, и дякувала... Якъ вінъ поспішивъ у місто, коли вона сказала, що тамъ крáщі черевікп, ніжъ у насъ!

Чаїченка ми не бáчили, а ні старóї ёго мáтері. Часомъ, булó, перечóснъ черезъ дівчáтъ, що зостріли де, абó такъ їхъ на пмья згадують — тільки ми й знáли.

XIII.

Чую, той мині каже: »Маруся зъ лиця спала«, той менé питае: »чи Маруся неадужае«, — Пилипиха прийде, говорить, що дочка въ неі вьяне, и хвалитця, що хутко ий помóжетця, а часомъ по чванливому обличчю бижать слези дрібні... И сама я ба́чу, що Маруся занепадае.

»Марусе, що тобі? Ти чого-сь журисся?« кажу ий.

— Ні, — говорить, — мні нічо́го, и я не журюся.

Катря ба́чить, слухае — и все ий байдуже. Одно́го жъ ра́зу ми сиділи зъ нею самі, я почала про Мару́сю ий згадувати: що се ий такé сталося, що вона́ така, а ніколи не жалитця, и не ба́чила зъ-ро́ду я, щобъ вона́ плакала. Думати бъ, ма́ти не ласкава, такъ ма́ти й перше була́ така са́ма — а тепереньки тільки що ра́ди не про́сить — жалко дочку́. Я отта́къ говорю, Катря задумалася. Думае, думае, мовъ що прига́дуе, — та обертаючись до мене:

»А зна́ешъ, чо́го Мару́ся така стала? чо́го Мару́ся схне? Вона́ Чайченка лю́бить!«

— Отсе́! — покрикну. — Що́ ти, Катре! схамени́сь! Та вона́ зна́ла, що вінъ иі не лю́бить...

»Дарма́! та вона́ ёго коха́е! Я не зна́ю, якъ давнó я сёго не зрозу́мила, ще тоді... А по́тімъ я вже не думала, забула усé...«

— Та по чо́му жъ ти вважа́ешъ? Чи коли вона́ ёго згадувала? Вона́ жъ одъ мене, здаётця бъ, не крилася... Вона́ жъ тепе́рь ніку́ди не ходить... А, мо́же, й коха́е, та ко́го іншого...

»Ёго! ёго! се напéвно. И давнó вже коха́е. Вона́ жъ ёго перше насъ зазна́ла. Памьята́ешъ, якъ усі ми то́ді, весéлі та дурні дівчата, прибіра́ючись на весілля, якъ ми пита́ли въ неі про ёго и якъ вона́ одъ насъ вти́кала, якъ не хотіла роска́зувати и якъ нічо́го не росказа́ла, — памьята́ешъ? А якъ менé пита́ла, чи я справді ёго коха́ю? А якъ заступáлася за ёго передо мно́ю? Чи усé ти памьята́ешъ?

Тоді я усé зга́дала собі, и те весілля, и слова́ усі Мару́сини; зга́дала багáто чо́го, що перше зна́ла, та не дба́ла, — та й сама́ задумалася: мо́же воно́ й справді та́къ. А все ще віри мині не

вмётця. Якъ же се я не постерегла бѣ того? Очи жѣ мої усѣ бачили добре — дѣ жѣ провидливость моя непомилешна? Де мій розумъ бистрий?

Я хочъ такъ собі не приказувала, та такеньки думала.

Тільки мнѣ хвилиночка вільна, — я заразъ до Марусі побігла; постукала у віконцѣ: »Марусе, Марусе, голубонько! вийди хутенько!«

Вона виходить, а я до неї тимъ таки словомъ: »Марусе, ти кохашъ Чайченка?«

Вона здригнулася и пильно на мене поглянула, тихо її очи засяли; личко спакнуло рум'янцемъ, и каже мнѣ: »то що?«

— Правда сѣмъ, Марусе? А я Катрі віри не вяла, я не думала... И дуже ти ёго любишь? И давно вже?

»Я за ёго умерла бѣ«, говорить, дивлячись поглядомъ своїмъ добримъ, а смілимъ: »я для нѣго бѣ у свѣті жити рада... а люблю я ёго давно, давно... завсиди люблю, якъ зазнаю...«

— Винъ же до тебе не залицявсь ніколи, Марусе? Винъ до Катрі... до іншої...

»Нехай здоровъ буде та щасливий изъ тиєю, що покохає собі...«

— А тобі жѣ, Марусе? Тобі тільки мука, печаль та горе?

»Хочъ горе, — я відъ ёго усѣ прийму за добре.«

— А мати жѣ твоя?

»Що жѣ мати моя? Я її тимъ не докучаю.

— Та вона замічає, що ти вьвнешъ, вона тимъ печалитця...»

»Коли бѣ же діялось по моїй волі, коли бѣ моя сила, то я бѣ рум'явила!«

— Якъ же ти заміжъ підешъ?«

»Я не піду заміжъ.«

— А мати стане силувати.

»Щобъ жѣ?.. важко мнѣ буде.

— Та вже жѣ важко за нелюбого йти!

»Ні, я кажу — буде важко, що мати вмовляти стане, а я не піду...«

— Та чого жѣ дождатимешъ? На якѣ добро вповаешъ?

»Я нічого не дождатиму й ні на що не вповаюму.«

— Та винъ не знає и не дбає, що ти ёго кохашъ!

»Нехай! Аби я ёго кохала.«

— Ліхо тобі изъ тимъ коханнемъ буде та горе, а радощівъ я не сподіваюсь:

»Коли не судилося милого щастя, нехай міле горе буде...«

— Прощавай, Марусенько! — кажуть їй.

»Бувай здорова!«

Провела мене трішки, ще попрощалася, й пішла до господи тиха та ясна.

А я додому. Іду собі та думаю: чого-то на світі не бува, абій здорова наша голова! П той Чайченко! Чи вінъ у барвінку купаний, що такъ дівчаты чарує? Коли вже на правду йде, то й мині вінъ чи одну нічку снівся? Вже я ходила, ходила до голови по розумъ, поки схаменулася... Подумала, зітхнула, та й сказала: »годі!« И годі.

»А що? шита Катря въ мене, всміхаючись, »чи жъ я не вгадала?«

— Твоя правда, — кажуть. Нещаслива дівчина! Жалко мині її дуже! Гіркі їй доля судилася!

»Гірко даремне кохати,« промовила Катря, »гірко даремне дождати, а ще гірше не кохати й не дождати!«

Зъ Марусею вона про се не заходила у розмову, хибá такъ, на здогадъ, що скаже Катря: »на що те кохання у світі?« А Маруся: — а коли серце кохає — якъ не кохати? Катря собі: »Який прибитокъ зъ тихъ любощівъ, — чи жъ варті?« А Маруся: — не знаю, тільки ніхто не залишить свого кохання...

Часомъ Катря якъ посмівається, часомъ ніби якъ завідно їй чогось стане...

Все вона світомъ нудить, все ні до чого у неї нема охоти, ні до чого жадоби.

— Катре! — кажуть їй, — такъ ти діло робишъ, голубко, якъ мокре горить!

»Абій-то!« вона мині, »абій десь до вечора!«

Мати їй убрання хорóші та пишні купує — вона ледви подивитця: згорне, та й забуде; мати посилá її у гостину — нехай розважитця: вона йде усюди, та й усюди світомъ нудить.

Мати дуже тужила, та ще й страхалася — що буде зъ нею. Мене прósить: »не одходь ти одъ Катрі, покинь усé, ходи изъ нею!« Батько нічого не вимовлявъ словомъ, а разъ-у-разъ, де ми йдемо, ёго скрізь стрінемо несподівано. Нічого не скаже, — спогляне на Катрю, и мине...

Катря ще любила гуляти по поляхъ, по степахъ, по лісі.

Ходимо зъ нею — я на неї дивлюся, а вона округлі, розміри нема. Такі було ходимо, що її птаства не полохаємо...

XIV.

Бродили ми такечки одного ранку. Погожий, ясний та веселіший бувъ ранокъ той літній — и зайшли ми дуже далеко, аж до печеръ саміхъ. А місце діке такé, неосéляне! Білі крейдяні шпильні гірць лоцять на сонці, та міжъ гóрами кóтить річка глѣбока — ні дрéва, ні квіту, ні щѣбтанія...

— Кáтре! — кажú: — чо́го се ми тутъ прийшли?

»Ходімъ у печеріє, говоріть мні, та зъ цімъ слóвомъ и йде, а я за нею. »Не ходіи, Кáтре!« прощú, »вона йде.

Тёмно було у печеряхъ зовсімъ и хóлодъ свѣжий повімавъ. Дé, звéрху, у горoвú розпáлину, сóяшний прóмїнь ронївъ сяющó стягу.

Кáтря йде усé далі та далі — вже дúшно мні: — »вернімось Кáтре!« йде далі... Вже ми набрїли те місце, де кам'яна пóстїль помостїлася — крейдяний обвáль, а на ёмú мéньший якъ узголювье. У тїй печері наввїшки бúдє такъ, що тїльки стáти схилївши гóлову чоловіку невеликого зрóсту; на стїні хрестї вибитї, а передъ тимї хрестáми на долівці ямка: стоявъ тутъ хтось рóки на моїтві, ажъ мóлячись у зéмлю входивъ.

Кáтря стояла, дивїлася и думала, — не впокійна, тривóжна... Якъ првонé зъ сéбе корáлі дорогі — гéть одкїнула — тїльки вони гуръ-гуръ — розкотїлися! Я кїнулася збїрати: — »щó тобі такé, Кáтре?« а Кáтря впáла коло тїй кам'яної постéлі на колїна, розливѣтця слїзьми.

»Кáтре!« покрїкну: »щó ти рóбишъ?«

А вона не слúхає, не чýє, у слїзáхъ великихъ!..

Ледвї я її вївела зъ тїй печері на свѣтъ Бóжий. — »Що тобі, Кáтре?«

Вона якъ стáла, якъ глїянула — чи жъ пізнáти її було! Отъ náче довго та довго тинїлася по чужїхъ, та рáзомъ несподівано родїну усю свою знайшла — заспокоєна та рáдісна, та самá дивѣтця...

»Химо!« каже до мéне, »я у чорніці підú.«

Я скаменїла — якъ стояла.

»Бúде мні спóкїїє, промовляе, радїючи.

— Въ чорніці! — кажú, — а ма́ти жъ? а ба́тько?

»Ходімъ до́дому, ходімъ«, перехопила мене́, »неха́й вже мене́ виража́ють!«

И до́дому поспі́шила, а я за не́ю.

Увійшла́ у ха́ту. Бу́ло са́ме тоді́ свя́то; ба́тько й ма́ти сиді́ли у сто́ла гово́рячи. Ка́тры імъ вкло́нилася до нігъ и про́сить:

»Та́ту, ма́мо! Я піду́ въ чорні́ці, — я бу́ду Бо́гу моли́тись.«

Ма́ти такъ рука́ми и сплесну́ла. Ба́тько уста́въ.

— Ка́тре! Ка́тре! покри́кне ма́ти.

»Я піду́ у чорні́ці«, промовля́е Ка́тря, »ста́ну Бо́гу моли́тись.«

— Ти жъ въ насъ одна́ диті́на еди́на, ми тобо́ю втиша́тись хоті́ли, а ти насъ думáешъ поки́нути при на́шій ста́рости... — пла́че ма́ти.

»Я за васъ буду́ Бо́га проси́ти«, ка́же Ка́тря.

— Го́ді, до́чко, го́ді! — мо́вить ба́тько: — я тако́го сло́ва щобъ би́льше не чу́въ відъ те́бе!

»То ви мене́ не пу́стите?« покри́кне Ка́тря. »Пусти́ть мене́! Не губи́ть моє́ї душі́!«

— Я сказа́въ: го́ді — то й го́ді! — зно́въ мо́вить ба́тько. — Я ніко́ли тебе́ на се не благосло́влю!

— Чи жъ те́бе Богъ ми́лосе́рдний при́йме, якъ ро́дители не благосло́вля́ть, мо́я диті́но? — вмовля́е ма́ти.

»Пусти́ть мене́... не губи́ть моє́ї душі́... Я піду́, пусти́ть мене́!...« сло́во одно́ Ка́трине.

Зъ то́го ча́су усе́ проси́лася у чорні́ці, проси́лася та пла́кала. Ніку́ди вже не йде́ — сиди́ть у ха́ті — пла́че.

Ти́ждень збі́гъ.

Одно́го ра́нку проки́нулися ми, — нема́ Ка́три: де́ вона́? Я клі́чу — не озива́ється, — я кі́нулася скрі́зь шукати́, шука́е й ма́ти — нігде́ нема́, ніхто́ зъ сусі́дъ не ба́чпвъ.

»Де́сь пішла́ проході́тися«, ка́жемо, а самі́ вже не впевня́ємось, вже се́рце мре... Нема́ Ка́три и опі́дня; ве́чиръ, нічъ не верта́ється. Яко́во-то бу́ло ма́тері перетрива́ти; яко́во їй бу́ло ба́тькові опові́стити, — а ба́тька то́й день до́ма не бу́ла. Якъ почу́въ вінъ — біле́нький ставъ, зовсі́м біле́нький...

»Ко́ли?« спита́въ.

— Вчо́ра ране́сенько, — проки́нулися, вже її нема́! Усе́ свое́ поки́нула пішла́! — вбива́ється ма́ти.

Батько коні запрягъ свіжі й поїхавъ з'аразъ. Два дні ёго не було, — на третій повернувся наче зъ-підъ землі.

— Немá?— питає ма́ти, хоть ще зда́лека ёго самого побáчила и запла́кала.

»Нема́«, одказáвъ.

Ще́ шука́ли. ще́ пита́ли — не чу́тно ніде́, ніде́ нема́ її, якъ въ во́ду впáла.

— Де́ жъ вона́ пішла? Де́ жъ вона́ поді́лася? — ра́зъ-у-ра́зъ го-во́рить ма́ти:— мо́же те́перъ у вели́кій приго́ді, мо́же...

Ба́тько нічо́го сво́го не ка́же...

Не́ма у сві́ті гірше́, якъ та невідо́мость, непев́ность: що́ ні заспоко́їтьця, ни зажу́рпиться до́бре на да́сть; та́кеньки ми́ жили́. Що́ годі́ни Ка́трю хова́ли, що́ годі́ни зно́въ опоживля́ли; уся́кі її приго́ди й бі́ди опла́кували, то зно́въ надію скла́дали, що́ Богъ її у все́му допо́може и на до́бре виве́де.

Гово́римо, було́, изъ ма́мою та зга́дуємо, — ба́тько слуха́є, — брово́ю не сдви́гне... Прихо́дили разъ-по́-разъ лю́де одві́дати насъ, а найб́ільшъ ті́х молоді́ць-жалі́бниць убі́гало, що́ вони́, було́, въ насъ и нащеб́ечутьця и наплачу́тьця.

Дуже́ суді́ла насъ Плі́пиха, навча́ючи, що́ самі́ провині́ли, а ще́ дужче́ жури́лася сама́ нашо́ю вапа́стю. Дуже́ тяжко́ сму́товáла Мару́ся.

Пережи́ли ми вісе́нь и зи́му; дї́ждали зно́въ весні́. Чу́токъ було́ чимáло для на́шого жаха́ння й споді́вання. Прочу́ємо, що́ де́сь тамъ, въ пові́ті, ба́чили дівчи́ну, ніко́му незна́єму — ба́тько іде́ пита́ти— об'ї́зжа́є округі́ шука́ючи. Прочу́ємо, що́ де́сь ме́рлу зна́йдено—іде́ ба́тько на не́ї подиві́тися; чи ут́оплену по-ня́то—іде́ ба́тько її побáчити. Пев́ности дожді́аємо—пла́чемо; до-зна́ємось, що́ не вона́—дя́куємо, ра́ди—п зно́въ пла́чемо та су-му́ємо, що́ її слі́дъ запáвъ.

Ко́ли клі́чуть одно́го ра́на ба́тька й ма́тиръ до свяще́ника. Ма́ти й наля́калася, и зра́діла, и запла́кала.

»А по що́ то?« пита́ то́го дя́ка, що́ за ними́ прійшо́въ,—»ко-ли́ зна́єте, ска́жіть намъ, голуб́чику!«

— Ми́ні ба́тюшка нічо́го не призна́вався, то́ й я не зна́ю нічо́го, — одка́же дя́къ.

Та́кий бу́въ спра́вді. що́ самъ со́бою не зна́въ вічогі́сінько,— и голі́вка въ ёго була́ така́ мале́сечка, якъ зе́рнятко.

Приходять батько и мати до священика, а вінъ імъ каже: »дитина ваша жива.«

— Господи Боже мій добрий!

Росказує тоді священикъ, що вона вже въ монастирі далёкому, ажъ підъ Кіевомъ десь, и отсе листъ ёму пишуть зъ того монастиря, що така дівчина зъ вашого села прийшла у нашъ монастиръ и зосталася, маючи велике жаданне чорницею бѣти;—а роспытали въ неї, що родителівъ має замѣжнихъ, то нехай родителі оджалують їй дещо на прожитте, бо вселїлася вона у їхъ въ такімъ убѣжестві, що їй не сказати; чорниці якї милостиві здарували їй що-мога; а ще нехай родителі не заборонять їй спасенія, бо се тяжкій грїхъ імъ буде, и нехай прислають дочці своє благословеніе. »Мѣлмося Бѣгови«, пишуть, »а васъ прѣсимо, щобъ напутїть и навести родителівъ на добрі и хорѣші мислі та вчїянки.«

»Пишіть дочці благословенїе«, каже священикъ, — »не спорьтеся, не відагайтесь — все рівно її не вернете, а жалю нарѣбите, и грїхъ вамъ бѣде.«

— Не вернетця вже? — пита мати та плаче. — Ніколи вже не можна?

»А вже жъ«, одказує священикъ: »пишіть благословеніе.

— Хай же її Богъ благословить, мою дитїну! — промовила мати, — хай Богъ її благословить!

А батько стоїть — не говорить.

»То їй добресъ, хвалить священикъ, поглядючи на батька, »я такъ и напишуть, що батько и мати благословляють...«

— Ні, — озвѣвсь тоді батько, — за мене, за батька, не пишїть, бѣтїюшка; я не благословлю.

»Якъ же? Та се грїхъ тобі великий!« страхе священикъ.

Батько зновъ нічого не говорить.

»Годї, годї вже!« вмовляє священикъ.

Батько усє нічого не говорить.

»Напишуть, що батько и мати благословляють.«

— Ні, бѣтїюшка, батько не благословить ніколи — се напишїть, коли хочете: — правда бѣде. Щасливо!

Уклонївся та и додѣму побравсь.

Мати не прѣсить, не озвѣтця — тїлькї плаче та тужить.

»Щѣ жъ се такє?« говорить священикъ до матері: »чи жъ такъ рїдну дитїну покїнете на вѣжество, якъ сироту?«

Мати зразу кинулася до-дому, до батька за грошіма, а батько хочь самъ не казавъ давати, та й не заборонявъ, — зібрала мати грóши, зразу однесла священикови, щобъ переславъ Катрі.

»Се добрек, каже священикъ, «колись, може, вінъ и поблагословіть, а теперъ нашішү, що мати благословіла...»

А тутъ люде прочули, идуть — радіють — до насъ: «дочка ваша жива! Дитину вашу Богъ береже! Чи вже чорницею? Чи дуже далеко? — Можно одвідати, хочъ и далеко. У доброму місці знайшлася. Може вашу дитину такъ Богъ донпровадивъ.»

Мати до усіхъ озиваетця то жалемъ своїмъ, слізьми, то словомъ, — батько ні до кого не озветця. Хто-сь зъ людей ёму каже: «ваша дочка.» — «Въ мене нема дочки», одмовивъ. «Ваша дочка чорниця.» — «Въ мене нема дочкї», зновъ одмовивъ.

Тїжнівъ у три, одібравъ священикъ зновъ листъ, що дякуе Катря батька й матір за ласку и за грóші, и прóсить, щобъ її не забували.

»Якъ же її тамъ? добре? Чи здужа? Чи здорова?», тсе мати питалася.

А священикъ каже: — А вже жъ! — А дякъ: — хто се знати може? Вона тамъ, а ми тутъ.

Не сподіваючись Катрі, стали ми жити у тихому, а не вгавучому, смутку. Старій батько сивіе; на високому чолі морщина у всю довжъ лягла, — глїбока та повўра.

XV.

По усіхъ тїхъ випадкахъ та бїдахъ, мати якось стрїнулася изъ Чайчихою: заплакала обїдві, та зъ того часу почали зновъ одна до 'днї ходити та вкупі горувати. Частїшъ ходила до насъ Чайчиха, бо мати все недўгувала. Зїдутьця, згадають давне — та й смутують. Привїде в Пилипиха... Була и въ неї свой журба, та ніколи вона не жалїлася, и зъ-рóду не плакала. Отсе, якъ бачу її, привїде-було, сїде вище усіхъ, поглядає, наче судить судомъ, и розкаже:

»Моя Маруся вьяне. Нічого її не мїло. Вбїрається не глядучи, що берє на себе. Міжъ дївчата не йде; за гуляння байдуже їй... Теперъ сватає Похїленко — не хочү!... А якъ ти, кажү,

не хочешъ доброхіть, то я тебе сілою віддамъ. »Оддайте, та ви мні, мамо, світь завьяжете, — и мні, и єму. Не буде у васъ въ хаті ні любіві, ні ласки... Я єго не знаю, и не кохаю, и не буду... Згляньтесь хочъ на єго, за що доброму паробкові світь завьязати!«

— Що жъ, кажу, и ти хочешъ у чорниці? и ти мене думашъ при моїй старости покинути?

»Ні, мамо. Поки васъ Господь на світі дєржить, я васъ ніколи не покину.«

— Може кого любить та боїтця признатись, — говорить мати: — може якого сироту вбогого покохала.

»Птала я: хто тебе зъ уму-зъ-розуму зводить?« — Ніхто мене зъ уму-зъ-розуму не зводить.«

Змовкне Пилипиха; зажурилася, не хїлячи головї; а мати зъ Чайчихою про долю, та про безталанне світове почнуть, а зведуть усє на дітокъ своїхъ...

»А що, Марусє, голубокъ, було кажуть їй, що тє у світі робиця?«

Вона осміхнєтця мні.

»Якъ ти живєшъ, Марусє?« питаю: »чи усє любишъ такъ само?«

— Такъ само, — одкаже.

»Може вінъ хутко ожєнится — єго мати усє плаче: ожєнїсь, та ожєнїсь... хвалилася, що обїцавсь: ожєнюся...«

— Нехай єму добре буде! Нехай щасливо!

Такєньки, було, и розмовляє зо мною, часомъ співає, ласкава та ввічлива.

И Чайченко зновъ між нашу чєлядь увївся... Такий самий, хорощий, може ще кращий... бо якъ хорощий та любий поболїє, абб потерпїть, мїцнїй до єго дурнє сєрце прилягає... Зновъ вінъ до всїхъ привїтний, зновъ зо всїма говорить, и зновъ нікого не кохає... Удова єго люблена тоді вже звїчалася зъ якимсь шинкаремъ.

Маруся бачить єго... Розмови зъ нимъ не шукала, не наvertалася єму на очі — хто бъ пїзнавъ що кохає єго! Тїльки румяніти стала, якъ ставъ вінъ бувати...

»Отсє ти румянієшъ, кажу.

— А мати усє говорять, що занепадаю. Піду — нехай побачать мене румяну.

»А чого усé ти смутна́я?«

— Не вéсело, Хімо.

»Ти усé імъ печалі́сся, — а чого́? Ёму́ у світі не гірше́, якъ іншимъ живётца!«

— Ёму не до́бре! — вимовить, и на лиці побіліе.

Якось розмовляли та раділися у насъ въ хаті Пили́пиха, Ча́йчиха й ма́ти, — коли́ Ча́йчиха и ка́же удові:

»Дуже́ мині ва́ша дочка́ Мару́ся ми́ла: — коли́ бъ ми́ні таку́ невісточку́ Госпо́дь посла́въ!«

А Пили́пиха ка́же: — вья́не мо́й Мару́ся!

»Та і́й, здаётца, тро́хи полúччало:—бу́де адо́рова!«

— Не ка́жить — полúччало: вона́ вья́не!

»Мі́й Яківъ — до́брый па́робокъ«, зно́вь Ча́йчиха гово́рить, — я такі́ ёму́ одъ Го́спода сподіва́юся до́лі. Те́перь вмовляю́ ёго́: сину́ мій, одру́жися! — »До́бре, мо́й ма́ти«, одка́же, »одру́жю́ся, чи не вья́снитца ми́ні зъ хоро́шою люди́ною!« На що́ жъ ми́ні кра́щої пита́ти ёму́, якъ ва́ша дочка́? ка́жить ми́ні, голу́бочко, ка́жить ми́ні до ва́сь старо́сті сла́ти!«

— Мо́й Мару́ся не схоче́,—я си́ловати не хо́чу.

»Та хочъ поспита́йте і́і, лю́бно, хочъ поспита́йте!«

А ми усé те зъ кімна́ти чу́ємо зъ Мару́сею и чу́ємо, якъ Пили́пиха вимови́ла: »до́бре, я поспита́ю!« якъ ви́йшла до садку́, и клі́че Мару́сю.

Мару́ся тоді́ уста́ла одъ шитва́ свого́, йде... Я і́і за ру́ку: — Мару́се! о́тъ, диво́!

»Яке́ диво́, Хімо?«

Уви́йшла у хату́.

— Мару́се! — пита́ і́і ма́ти, — чи ти піде́шь за Ча́йченка за Якова́?

»Піду́«, одмо́вила.

Пили́пиха ажъ ру́ки зняла́ у-го́ру, — здивова́лася.

Ча́йчиха радіе́ та́къ, Бо́же мій до́брый! усі́хъ обни́мае, цілу́е, пла́че та дя́куе. И ма́ти віта́е, до́брить, а смутни́шь і́й, ма́біть, ста́ло,—ма́біть, згада́лося...

— Се ти ми́ні кори́сся, до́чка, чи по свої́й любо́ві за ёго́ йде́шь? пита́ Пили́пиха.

»По свої́й любо́ві, ма́мо.«

— Давно́ се ти ёго́ любя́шь?

»Якъ ёго знаю, мамо.«

Більшъ Пилипиха дочкѣ не питала, тільки промовила: — я не бороню тобі, дочко!

Почалі умовлятися та почалі радитись... почалося за віно, за весілля...

Заручили їхъ. Гуляло багато людей на заручинахъ. Вінъ бувъ до неї привітній якъ до іншихъ. тріхи смутній, недбалій... Вона була спокійна та ясна...

Ставъ вінъ до неї ходити що вечора... Іде до неї — не спішитця; прощастця зъ нею — не забаритця...

— Марусе! — говорю: — отсе ти за ёго заміжъ идешъ, — чи жъ тобі не приходить на думку, що берє вінъ тебе не по великій любові-коханню?

»Знаю«, каже, »що вінъ мене не кохає; се я давно и добре знаю, — та вінъ мене и не цураєтця. Вінъ до мене приходить, говорить... Я ёго розважатиму, я ёму догождатиму, — веселішъ ёму у хаті буде зо мною, якъ теперъ самотньому.«

— Трудно такъ жити, Марусе! Щобъ ти колись не каялась!

»По чому мнѣ трудно буде? Чогó каються? Я ніколи не думаю, трудно, чи важко мнѣ буде: — якъ буде, такъ и буде: я перетриваю; я роблю якъ мнѣ моє серце чує, що лучче...«

XVI.

Повінчали їхъ въ осени.

Мнѣ було тоді важенько. Усе було кажу собі: дурна, дурна голова, нерозумна! Усе було міркую и обміркую добре, — а не помагаєтця... Почала я тоді частішъ до Марусі ходити — легше, наче, мнѣ стало... Одно, що Маруся була мнѣ завжди добра, а друге, що цікавість моя: якъ то вони живуть изъ собою? Почала я до нихъ учащати...

И, було, якъ не прийдешъ до їхъ — сумірно и сόгласно, та тільки чогось дуже вже порядно, — отъ, кажуть, гості усе сидять, а господарівъ и нема. Нема, якъ то бувá часомъ, чоловікъ и жінка гостей вітають: »А ну, чоловіче, внесі зъ комори, що тамъ!« — »А ну лишень, жінко, частуй любихъ гостей!« що, бачишъ, живуть вони, якъ свої, и все у їхъ вкупі: бôleщі и радіщі, думки

п гадки, варті и жарті: чи заговорить одинъ, другий перехопить — докаже... А молоді Чайченки хочъ п рядкомъ сидітнуть, та була міжъ ними якъ стіна залізна. Чи той підніметця, другий уступає геть, місце дає, — доторкнүтись стережѣтця: вона до єго заговорить, якъ дочка до батька, — вінъ до неї, якъ зять до тѣщи.

Пилипиха сумовала, віддавши Марүсю заміжъ; зъ сүму того занепадати стала.

»Якъ Богъ милує?« пита, було, въ неї мати.

— Сама живү, — одмовить; — того не скаже, що сүмно самій жити, ні въ-світі.

Ходить до дочкї п завидно їй бачити, що тамъ безъ неї своєї семья.

»А що, якъ дітки ваші?« питаємо.

— Була у їхъ въ гостині, то усє гараздъ.

»Свекрүха вашу Марүсю дүже любить, — якъ своєю рідну дитину.«

— Марүся годить свекрүсі, якъ мнї годїла...

Зъ Чайченкомъ Пилипиха поводилася звичайненько, унятливо, тільки якъ зъ чужимъ-чужісїнькимъ чоловікомъ, що нічого єму казати, ні-объ-чимъ єго поспитати.

»Мій зять«, говорить-було, якъ отъ кажуть: »далєкий повіть.«

— Отсє въ васъ тепєрєньки двє дїткѣ: и дочка й синъ, — дүмає хто уместить, кажучи.

»Въ мене одна рідна дитїна!«

Якъ вже старя Чайчиха її шанувала, якъ вже годїла їй — въ неї наче п очі її ўха позавішувані. Нікому вона такъ низько, та гордо такъ не кланялася, якъ тій бідній Чайчпсі, що та, було, ночі не доспїяє, — дүма, за що ласки одпала, та якъ зновъ підъ ту ласку підійти? Сама такъ намъ признавалася. Далі страгяла надїю власкавить Пилипиху: якъ Пилипиха до їхъ у хату — вона тихєнько зъ хати, — дєсь хочъ підъ тїномъ перебүде. »Дїждүся, що вона попрощаетця, тоді п увїйдү — не мѣжу їй докучати собѣю, не хочү собѣю її гвївити — Богъ пзъ нею! якъ бї не вона менє смутїла, то бъ мнї такє дѣбре життє було зъ нїми. У хатї въ насъ любо, мїлю! Я вже не знаю, когѣ я бїльшъ кохаю, чи свогѣ Якова, чи Марүсю? И такєньки я дүмаю: чи жъ се її дитїна, що така вона любяча, та прихїльна, ся Марүся!«

Старá не довго ще пожила: на другий рікъ по весіллю вмерла. Не дуже її боліла.

Якъ її поховали, Пилипи́ха почала́ дeнь-у-дeнь до дочкы ходити; до-дому тільки на нічъ, а коли́, то її вночє у дочкы. Дивится веселішъ стала.

Заздросна, та радісна що зновъ сама́ зъ дочкою, вона́ багáто дe-чого не добачала довго. Вона́ не вважала, що Чайченко, сливe, дома́ її не живe, тільки навідуєтця; що який вінъ смутний, та нетерплячий, та неспокійний ту рідку хвилину, якъ посидить дома... куди́ вінъ усe поспішаєтця? чогó вінъ якъ на жарині? Чи все те бачила Маруся... чогó вже не догледисся, якъ кохаєш! Маруся нікому не казала—я хотіла якъ-небудь розмову на се навернути; вона́ мовчала слухаючи мої ті підходи цікаві, а тиха, добра та ясна у своїй хаті.

Що далі забувалася небіжка Чайчиха, то зновъ Пилипи́ха робилася похмурніша—важкимъ духомъ стала дихати вона́ на зятя. Сперше раділа, що вінъ зъ-дому часто отгожаєтця, а тамъ завважила, якъ єго дожидає Маруся, якъ зустрічъ єму виходить... По ніточці до клубочка, якъ то кажуть, и Пилипи́ха вже вмічати почала, що дома́ вінъ не говорить и смутє, а йдо — вибіраєтця зъ господи — то її очі блищать...

XVII.

Якъ ити одъ нашої слободы до Любчиківъ, то при дорозі шинокъ стоить и шинкувавъ тамъ жидъ Гершко. Давно́ вже все вінъ державъ той шинкъ, самъ старий дуже. Звісно, якъ ті жиди живуть довговічні: посівіе, побіліе, пожовкне, та її тоді ще живe, — ажъ ліхо! Такъ и той Гершко живъ-живъ... а тутъ разомъ вінъ и вмеръ. Отъ и одержавъ шинокъ другий шинкарь зъ нашихъ людей, — багатиръ, славили люде, самъ жартовливий и злий, а жінка въ єго прехороша, препишна, превесела така, що її часъ не змигнєтця зъ нею.

Се було́ саме тоді, якъ вмерла старá Чайчиха.

Бачимо, що вже Пилипи́ха ти́жнівъ цeо два не виходить зъ своєї хати и кроку нікуди, — не буває и Маруся въ неї...

«А щó се ви усe дома?» питаємо: «якъ же Господь мліує?»

— Спасібі, добре.

»Ви вже давненько у дітків не були у своїх,—чи вони здоровенькі? Чому Маруся не буває?»

— Вь неї дитина нездужає.

»Та якъ же вона, молоденька, безъ васъ тамъ запомагаєтця?»

— Нехай самá собі живе, — промовила Пилипиха.

»Що се ви, Богъ изъ вамп, голубочко! Чи у насъ зъ вами діточків поле засіяно? Вже мнѣ Господь пославъ лихо та горе—его́ Божá воля, а васъ Господь милує, то й шануйтеся!

— Я вь своїй дитини ні-за-що... вона мене не шанує, не поважає! вона мене заміняла на свекруху, вона мене заміняла на свого чоловіка... Чи зь-роду вони кохали її, якъ я, мати рідна, пиліма мати! Вінъ її не кохавъ — хотіла за его́, а теперъ вінъ до іншої хідить!

»Та, може, се неправда...«

— Неправда? Я вже давно бачу, якъ вінъ зъ дому рвѣтця, якъ вона его́ дождає, стрічає, а вінъ мимо йде—чи гляне; я стала назирати. Отъ и дозналась, що хідить вінъ у шинків. Я перше думала: пье нішкомъ. Кажу Марусі: »чи ти знаєшъ, що твій чоловікъ усє до шинку хідить?« Вона зблідла, якъ крейда, мовчить. »Не пускай его́ зъ дому«, говорю їй, »скажи йому.« — Якъ я его́ маю не пускати, — одмовляє тоді: — може йому діло яке... »Скажи йому«, наполягаю. Вона такі а ні словечка йому не промовила, якъ вінъ пішовъ. Я її докоряла—вона стояла передо мною, та мовчала. »А, ти віри, кажу, материнному розуму не ймешъ?« Пішла я за нимъ у-тропі, и назирцемъ ажъ до шинку дохожу побачити на свої очі й при людахъ—може, дочка віри побіме тоді. Дохожу до шинку, де тамъ кўпка яблунь стоїть: чую, розмовляє зъ комъ-сь мій зять — его́ голось. А місяць світить. Близче я дивлюся — сидить підъ яблунею молодіця; рукава вь неї за білі локті закосовані, у перняхъ вона срібнихъ, руками у станъ хибкіи узляса, очі поночі блищать блискучі; слухає, що мій зять говорить—и смієтця. А зять мій такі речи до неї промовляє: »якъ тебе не побачу«, каже, »хочъ годіну, то я зъ нудьги пропадаю, та зъ туги: я безъ тебе жити не можу! безъ тебе жити не хочу! Дарма вже, що ти мене занастіла на-віки—нехай я тільки оттакеньки до тебе прийдю, та гляню, та слово твоє, нехай и неласкаве, почую... А вчора, каже, вчора и позавчора я усю нічь підъ цією

я блуною стоявъ: чи вже ти того не знала?« А вона ёму: »Твоя жінка молода що каже, якъ не днюєшь, не ночуєшь дома?« Її смієтця. »Нічого«, одмовивъ їй (правду одмовивъ!) »Якъ нічого? Чи вона жъ тебе не любить?« »Не знаю.« »А чому жъ ти въ неї не поспитаєшь за се? га?« Гóлосно засміялася. »Ой, чоловікъ мій почує!« схопилася зъ місця, поцілувала якъ вразіла, и зникла.

Винъ клікавъ—рукою махнула, пішовъ за нею у шпівокъ, а я до дочкі: »а що, чия правда? Яке діло въ ёго?« Дівитця на мене. »Не добрий винъ тобі судився, тебе імъ Богъ скаравъ.«—Мáмо, не гнівить Бóга, се ви вже Бóга гнівить!—мнї дорикає дочка моя!

»Тоді я усё їй розказала, що чула, що бачила.—«Ой, мамо, на що, було, вамъ догледжуватися, на що допитуватись? — »А тобі лúчче, якъ дурять любити?«—Винъ мене не обманює.—»То ще вірч не имешъ мнї?«—Я ёго ніколи не питала объ сёму, чи мене любить:« — Не питала, чи тебе винъ любить? Такъ ти ёго не кохаєшь, чи що? — »Кохāju...« Спóритця та змагаєтця изо мною... Табеньки, ажъ поки винъ повернувся пізно... Повернувся винъ, а моя дочка пде навпрóти ёго, двєрі розчиняє, якъ бáтькові шанóвному, якъ чоловікові лóбому... »Якъ вже ти уваги на себе не маєшь,—кажý,—то я свого зятя спитаю: дє бувъ винъ до півночи? За якою причиною? у кóго?«

»Винъ змішався и въ мисляхъ и въ словахъ, дівитця у-бикъ, а дочка моя:—гóді, мамо! Се ми вже міжъ собóю роспитаємось, а вамъ вже часъ спочити, коли ласка.—«Я вже бильшь нічого не казала, бильшь не слухала, середъ ночи до-дóму пішла. Не була зъ того часу у їхъ, и не бóду.«

— А унучечка ваша дуже слаба?

»Не велика тамъ слабість, та велике побпванне.«

— Журатця вони дуже?

»Хтó вони? Та зятъ мій чи її знає, що дитя нездужає — винъ не питає и не дівитця.«

— Не відрикайтєся дітóкъ, лóбко, — прóспть вже мати Пилипху, — не відрикайтєся втїхи своєї!

»Я самá собі раду ráжу«, одкаже на тє Пилипха.

— Подаруйте вже дочці своїй: вона жъ ёго дуже такъ любить, Якова! — говорить мати.

»Н я її дуже люблю!« одказала Пиліппиха.

»Хочь я вже одвідаю Марусю«, — кажу матері, та її пішла до неї.

Маруся сама була въ хаті, сиділа на лаві, хитаючи въ обіймахъ недужу своєю дитинку.

»Бóже поможі, Марусе!« вітаю її.

— Спасибі. Сідай, Хімо.

»А щó дитинці?«

Вона глянула на дитинку й одмовила: »терпіть малесеньке.«

»Була въ насъ твої мати, Марусе«, кажу.

— Якá вона була? що говорила?

»Не хоче до тебе ходити; казала: не буду.«

— Смúтно мінні те! — промовила Маруся.

Я вже більш нічого не говорила за се, її питати ні обь чімъ не питала.

Почали ми тиху розмову — згадування. Згадали наші забавки давні дитячі, — пригадали й дівочі безсумнівні часи... Не зводячи очей зь дитинки своєї, Маруся розмовляла про мною, хитаючи недуженьке.

Чаїченко усé не приходивъ, а вже вечоріло. Вже пізно — вінъ не приходивъ. Вона ёго дожидала любо: щó тамъ шурхне, шелесне — прислухаетця пильно; стіхне усé зновъ и нема нікого, — вона не зітхне навіть, зновъ дожидає... Я її пішла такъ — не бачила ёго, — не повернувся при мні. Скажи матері моїй, що прийду до неї, якъ моя дитинка трóхи одужає, — просила мене Маруся, прощаючись.

А тутъ у кілька днівъ занедужала Пиліппиха. Покликали ми до неї усіхъ зватниць и лікарóкъ, — здаєтця нікому не впізналася її недуга — якá була. Въ неї нічого не боліло, казала вона, тільки ходила усé кволий та кволий, поки не збулася сила своєї — тоді лягла вже, знемоглася и лежала повура.

Маруся приїхала зь дитинкою — дитинка ще не зовсімъ одужала, — усé ще квіліло кришенятко. Я пам'ятаю добре те время, якъ, було, у-ночі не спимо усі, а ўлиця, село у сні, и всюдн тихо. Заквіліть дитятко, схилитця до ёго Маруся гоїдати, а Пиліппиха блискучимп очіма въ обóхъ вдивляєтця. Вона не вспляла ночей и хвилиночки. Якъ Маруся вже не падала коло неї, якъ Маруся не годіла їй, — не пригорнулася вже мати до неї

ніколи; ніколи не всміхнулася ласкаво до самої смерті своєї. Що, було, Маруся просить: «мамо, чого журитесь? чого, мамо, не дбаєте о здоров'я своє?» Вона не прийма нічого того. її останнє слово її було: «лучче, мовляла, ображеному вмерти, ніж так на світі жити.» І вмерла.

XVIII.

Округи нас діялось, чулось, велося. Що радощів, а що журби зважали ми з боку; скільки поженілось на селі, заміж повиходило, народилося, вмерло; як радіощі проминали и журба втихала, як одно по другому наставляло усє новє у людєй, — ми жє усє жили з своєю старою тугою.

Батько усє ходив по дорогах и вертався сивий та похмуривий; мати усє смутіла и слабшала. Од Катри вєсти були рідко, та її то не шпрікі. Отсє, було, напросить мати священника, щоб туди написав та спитав про здоров'я її житте, то її одпише Катря на три лєстї одним листочком своїм: «здорова», напише, «живу, Бóгу молюся за свої грїхи и за вїші.»

Скільки-то сліз виливалося матусиних слухаючи, а опєсля згадуючи, скільки благалося благословєння! У Марусинї хатї ще гирше повелося: що далї, Чаїченко зовсїм дому одбився свого. Шинкарка ним так ужє заорудувала, що він у неї під тїном шинковим днє и ночє, а щоб шинкар не мав на єго прїзри, (бо ревний шинкар був), то потрòху почав Чаїченко її пити. Бачили вже єго її п'яного люде, а не дурно теж кажут: що в тверезого на умі, тє в п'яного на лєнци, — він не встерігся, міркнув там якєсь слòво, чи другє, до шинкарки, хто-сь цікавий підхопив та розславив по селу, — оть и поговір став недобрий. Тоді усї до Марусї молодїци з питаннєм, та з жалощами, усї старі бабї з радамп та з наукою; тїльки Маруся на усї питання и жаління и на ради усї: «Він минї добрий и любий; я єго надє усє в свїті шаню.» И жалібниці и порадниці образїлися, — покинули Марусю: нехай же терпить, коли така! Ніхтò її одвідати не одвідає. Тїльки її ходили до неї, що мати да я; ми — частєнко.

Одного разу підхожу горòду стєжкою до хати, — се було у

свято, — ажъ дзвінкій рѣгіть такий чѹти, що такъ и розкочуетця. Гості въ неї якісь?

Дохожу, уступаю. За столомъ сидять Маруся и Чайченко и гості — молодіця и чоловікъ. Що то вже за молодіця була красо-виця! Я її заразъ пізнала, хочъ ніколи не бачила. Була чорнява, въ рум'янцяхъ, білолиця, уста червоні сміютця, очі радісні, убрана світло: — змалювати бь такую та дивитись, не впускаючи зь очей, та самому всміхатись на ту красу смільливу та веселу. Тільки отті брови її високі, изрощені вьюнкою чорною гадючкою на чолі білому, чорніли, — щось не добре віщували. Поручъ зь молодіцею, одъ вікна у затінку, сидівъ чоловікъ плечистий, приземковатий, зь чорнимъ щетинастимъ усомъ; чорне волосся посівило въ ёго космами; одъ лівого виска вінъ чорнявий, якъ гракъ, а зь-виду дивився вінъ зь-підлюба, або зь боку, наче когю підгліжувавъ злімн очима своїми.

Маруся, почастувавши усіхъ, одійшла; я въ неї и питаю: »хто се въ васъ, Марусе?«

— Шинкаръ изъ жінкою.

»Чи давно се ходять вони до васъ?«

— Се у-перше прийшли сьгодні.

»Якъ се здумали вони?«

— Та шинкаръ схотівъ неодмінне до насъ.

»Чого-то?«

— Каже, мене забачити.

»А ти жь до їхъ підешъ?«

— Та ще не знаю, Яківъ ще не казавъ нічого; якъ Яківъ мні скаже.

Спокійна собі, люба — отъ наче вона безъ жодної думки важкої по квітчастому полю прохжає вчоромъ тихимъ та теплимъ.

Чайченко сидівъ изъ гістьми дуже смутній, зітхавъ часто; шинкаръ поглядавъ на ёго — не ласкавий бувъ поглядъ той: ниначе яка йскра спажувала зь чорного ёго ока... Шинкарка усє всміхалася.

»На що пьєшь багато, не пий!« озвалася вона до шинкаря (а вінъ чарку за чаркою випивавъ).

— Чому не пйти мні? Упьюся — мене люба жінка доведе до господи.

»А якъ не схочу?« задзвиніла вона, жартуючи.

— Не схочешъ? — каже, а самъ її мирно поглядомъ — яка. —
Або жъ хто тебе запитавъ, чи хочешъ?

Чайченко, слухаючи се, важко зітхнувъ п на шинкарку смут-
ненько дивівся, а шинкаръ на ёго пильно. Маруся вже заговори-
ло, питає, частує — не звівъ очей шинкаръ зъ Чайченка, ажъ
той самъ схаменувся, самъ ёго поглядъ на собі почувъ, — тоді
шинкаръ очі въ зѣмлю впрѣвъ.

»Хутко у васъ прѣзникъ«, говорить Маруся до шинкаря: — »го-
стей же до васъ, гостей!»

— Дякувати, менѣ добрі люде не забувають! — одкаже шинкаръ:
не такъ за мою щирість, якъ за те, що жінка хороша, славляють, —
то прихильному приятелю мило подивитися на мою крѣлю!

Та її засміявся, а таконьки засміявся, що її шинкарка тріхи
стрепенулася.

»А вашъ братъ у-другихъ, чи здоровий вінъ зъ молодію жін-
кою?« питає зновъ Маруся.

— Помьяніть ёго душу, шановна хазяечко! хибѣ ви ще не
чули? То бѣ я вамъ давно вже повістивъ! Жіночку ёго молоді
взято її завезено кудись... А вінъ втопився.

»Якъ? Боже мій! Боже мій! Бідна жъ вона людина!»

— Чого — бідна! Вона у роскошахъ тепѣрь — її ще покраца-
ло у світі... Ну, якъ на мене, то бѣ не такъ було: я бѣ не вто-
пився, а ні повісився бѣ самъ-одінъ, а хибѣ вже вкупці зъ
коханкою!

Схпивсь до своєї жінки, окомъ искрїть.

— У-двохъ, кажуть, в вмірати охитнішъ! — додавъ.

Сумно стало. Мова не мовилася.

Стали гості прощатися, и побрались до-дому. Ідучи шин-
карка озирнулася на Якова и махнула якось ёму рукою, то-бѣ-
то незварошно. Шинкаръ вхопивъ її за руку: »годі махати, по-
ра перестати! ходімъ нзо мною!»

— Отсѣ! не дає добре и зъ хазяїкою попрощатися, — засміялася
ёму шинкарка: — чи ти менѣ загубити боїсся, якъ тую голочку?

»Колі загублю, то вишукаю, бувѣй на тому певна, голубко
моє сїва!» відказавъ її.

И пішли до-дому. Вона, идучи зъ нимъ, щось щобетала и смі-
ялася, брала ёго за руку — обернулася щѣ до насъ, крикнула:
бувайте здорові! Шинкаръ ишовъ не оглядаючись.

У кілька день ми перечули через людей, що счинилась сварка між шинкаромъ и Чайченкомъ, и що вигнавъ шинкаръ Чайченка зъ шинку. А счинилася тая сварка за те між ними, — казали, — що ставъ шинкаръ своєю жінку зневажати — вона усю оджартувувалась, сміялася, а Чайченко не перемигъ свого сэрця, уступився — мабуть вже у ёго бривіло. Якъ же счепилсь вони — така буча збилася, що ледві розняли їхъ. И казавъ шинкаръ Чайченкові: »не приходь, каже, у шинокъ більше!« А Чайченко кричить: — Чому? — »Не приходь у шинокъ«, зновъ такъ-само ёму шинкаръ говорить. — Чому? — »А то прийди, промовивъ шинкаръ.

Люде вже їхъ розвели и за Чайченкомъ двері зачинили.

Шинкарка, кажуть, дуже бліда була, дуже, хочъ и не втеряла на той часъ ні хісту свого, а ні всміху. Шинкаръ же веселий такий розвеселився и жарти піднявъ... повістки розпоросивъ, таке!.. А Чайченка зъ того грому ніде не бачивъ ніхто.

Я прихожу до Марусі: чи все гараздъ, Марусе?

»Чоловікъ нездужає, смутно вона мні одказала.

— Коли се вінъ занедужавъ?

»Та вже три дні. И не їсть, и не пьє.

А вже по тій сварці три дні вишло.

— Та де жъ вінъ?

»Лежить у кімнаті.«

А вінъ тоді кліче: »Марусе! Вона схопилася — кинулась до ёго.

»Хто се до насъ прийшовъ?« питає.

— Се Хіма прийшла менє одвідати.

Нічого більшъ не казавъ и не питавъ. Маруса до мене вишла.

Я тоді їй говорю:

»Марусе, чи знаєшь ти, що позавчора було?«

— Не знаю. Що було? Яківъ повернувся недужий. Вчора вранці прибгла шинкарка, задихана уся, до мене: »нехай Яківъ не приходить, боронию ёму, въ насъ біда! Чуєшь — не приходь, боронию тобі!« крикнула на Якова, »въ насъ біда. Мій буде казати, що у ярмарокъ іде, що до приятеля іде, — не йми віри, не приходь.« И побігла відъ насъ. Я більшъ нічого не знаю. Мні сумно, и боюся, що ёму буде недобре!

Змовкли ми та й сидимо собі мовчущі. Багато де-чого мні й чулося и згадувалось!

»Жаль«, кажуть, »жаль, та не вернетця!«

— Чого жаль? спитала Маруся.

»Життя молодого, віку загубленого дарма — чи я жь вже тобі не казала, чого жалко?«

— Мни не жаль нічого, говорить.

Зновь змівкли — сидимо... Вже вечір пізний. Дітки поснули, сплять спокійно сині маленькі, а на городі вітер шумить вербами, надворі чорно; блискавця поблискує.

»Куди тепер ідешь у негодю так?«, каже Маруся; »заночуй у мене.

А вже дощ гурчить, гурчить, и гримь в блискавця и вітерь.

»Добре, зостануся — заночую в тебе.« И зосталася.

Чайченко лежавь неспокійно, вь тривозі, на ліжку, — зітхавь усє — Маруся прислухалася, а до єго не ввходила, не насміла біднєсенька. Разь, чи два зь вєчора — вінь покликавь її, спитавь, хто вь хаті вь неї, наче забувавь, що я прийшла, а що далі вь ночі, то все частіш, частіш її кликавь, и все каже: »хтось прийшовь до нас?« — Немá нікого. — »Хтось прийшовь; я чувь у-двері стукало; хто-сь підь дверіма, — відчині!« Вона одчинить — нема. Трошки згодомь, зновь її шле: »підь ворітьми хтось стоїть, то: »підь вікномь хто-сь добуваєтця.« Вона усє виходила дивитись, вкликала, дожидала — нікого не було цілу ніч тую чорну, вітрану.

Мни почулося, що Чайченко плакавь; Маруся не спала, хочь до мене не озивалася словомь...

На світáнні, чүемо, стукать тухевько, тамь міцніш — Маруся вибігла, я за нею, »хутче, скоріш!« гукавь намь у-слідь Чайченко...

Одчиняемо ворота, а підь ворітьми шинкарь: »здорові були!« до Марусі, »а де вашь чоловік?«

— Дóма.

»Колі бь ви до мене єго викликнули, колі дóма вінь.«

— Вінь нездужає, лежить.

»Не можна й подивитись на єго?«

— Нездужає. Нá що се вамь такь кóнче єго трéба?

»Я єму изь ярмарку дóброго гостінця привізь. Нездужає, кажете? А я, мóже, єго дé стріну по дорóзі! Щасливо!«

Швидько пішовь, швидько.

Маруся розказує чоловіку. — не дає своїмъ питаннемъ промовляти їй. Велить їй ще та ще розказувати. Вона розказувала.

XIX.

Ще хмари чорні, важкі волоклись по небу, а тільки зь-кращку рожево зорялося одъ східъ-сѡнца. Ми вже й не лягали спати. ранку дїждали. Я беруся до-дому йти. Попрощалася, пішла. Се було въ неділю. Бачу, идучи, що коло шинку людѣй скупчилося багато, гомонять такеньки... Близче схожу—жінѡкъ бачу тутъ, и бачу — ще їхъ бїжитьъ дорогами; бачу, двѣри збитіи виносять зь шинку... »Що то такѡ?« питаю людѣй.—Шивкаръ зь жінкою забївся! — Почали мині усє розказувати молодїці; тїскають мене подивїтись на обѡхъ...

Обѡе на долївці лежали, сполѡщени кровью. Въ неї нїжъ у пѣрсяхъ великий стрїмївъ; рукамі вона єго якъ стїснула за шїю, такъ и замѣрли рўки — вплись. Сорочки на їхъ порванї, подранї, намїсто її розсїпане у кровї: дўже, мабїть, вона одбивалася. Вона єго задушила, вдво, — бо не було на єму нїякої поразї, и лежавъ вїпъ счорнївшї, — вона лежала біла-біла, зь чорними бровами. Якъ приїшли чоловіки до шинку—зачїнено; почали стўкати—не відчиняють. Надїшли ще людє, бачять—щось не лєвно — вїбїли двѣри, а вони обѡе лежать...

Я метчїй до Марусї...

»Бѡже мїй правїй!« промѡвила тїльки Маруся.

А Чайченко вже кричитьъ: »Хто приїшовъ до насъ?«

— Лїхо сталося, — кажў гѡлосно.

»Якѣ лїхо?«

— Забївся шивкаръ зь жінкою.

Тїхо... Ажъ-ось увїїшовъ вінъ до насъ у хату білий: »Щѡ, щѡ?« питаєтця, — самъ шапку хапѡе, свїту на себе вдяга. Маруся біля єго.

»Правда сѣмў?« запитавъ вінъ Марусї.

— Правда, — промѡвила Маруся.

»Я на свої очї обѡхъ бачила«, говорю ємў.

— Я самá підў подивлюся, Якове, ще розпитася!—заговорила Маруся.

»Іди, іди, Марусе, та хутко вертайсь. Скажи усю правду! Вертайсь хутко!«

Просить її, як дитина маленька.

Маруся побігла. Вінъ дождавъ, не мовлячи слова, духу не зводячи, блідий, замлілий.

Повернулася вона: »правда«, каже.

Ставъ Чайченко плакати дуже.

Біда тая зовсімъ ёго скрутила; у голові ёму завернуло наче; почне говорити, то путанину такую, що й не розберешъ. Занедужавъ тяжче, гірше, — тільки живий та теплий. Громада тмъ-часомъ дала вже віду справнику. Набігли судські у-триковъ зъ бубенцями, пзъ дзвониками; по-трое, по-двоє їхъ позирають зъ воза. Заразъ усіхъ людей зібрали; заразъ де-якихъ повязали. Прислали по Чайченка — ходивъ вінъ до шинку часто. Чайченка тоді гарячка палила; безъ пам'яті, слівé, бувъ вінъ. Не вважають, — беруть, везуть ёго судити судомъ. Питають: одкази ёго нерозумні, чудні... Вкинули ёго у темну комору, звязали ёму руки... Марусю женуть геть відъ ёго...

Вона до насъ дітокъ своїхъ завела — покинула, а сама зновъ-таки пішла туди до ёго.

»Не пустять, Марусе!« кажемо їй.

— Я блізче буду до ёго. — Пішла.

Де-якихъ людей хутко повипускали и оправдили, хочъ нікого и не було виноватого, — а інші, и багато, ще були за стору́жею, поки ажъ доброї ра́ди не послухали... тоді й їмъ вільний шляхъ дали. А рада була така: справника *подякувати*. Хто вже бувъ у бувальцяхъ, то заразъ и зробивъ такъ, не вповаючи на безневинність свою, а хто угнався, той сидівъ довго. Ра́ду такую подававъ усімъ справниківъ чи слуга, чи приятель, чи родичъ, хто ёго, нікчемного, зна. У чорному ко́жушкú, зъ черво́нимъ ко́мірцемъ ходивъ, ша́пка кругленька зелена, зъ себе худий, жовтий, очі лямковаті, зубатий такий... Вінъ радивъ усімъ дякувати, а хто не слухавъ, то вінъ грозивъ, наполягавъ... Справникъ самъ не казавъ нічого, — дождавъ: цілий день стоить на порозі, руки въ кишéняхъ, на шії червона плéтона хустка, самъ нікати́й, усати́й, витришковати́й, — стоить та свистить — якусь жовнірську ходу висвіщує. Хіба́ чай испиває, то перестане, а випивъ самоваръ чаю — зновъ на порозі, зновъ свіще...

Подякувала Маруся — її пусти́ли до чоловіка побáчитись. Вона́ на дру́гий день зновъ про́ситця, зновъ *дякує*, — ста́ли її пуска́ти що-дня́. Сиди́въ Ча́йченко тижде́нь ще, — вона́ усé ходи́ла до ёго. Гро́шей вже не було́, ста́ла спрóдувати това́рь... »Отсе́ до́брая жо́на!« хвали́въ спра́вникъ зъ поро́га, якъ вона́ проходила́ ми́мо ёго... Вже судъ виби́рався зъ на́шого села́ ви́здіти на-за́втра, вже Ча́йченка ви́пустили, — коли́ ви́шукавсь яки́сь ро́дичъ шинка́рю небіжчи́ку, що ска́ржити прийшо́въ, ніби шинка́рь ко́лись ёму́ узива́въ Ча́йченка »свои́мъ во́рогомъ« и ка́завъ, »що ти́сно їмъ обóмъ у сві́ті жи́ти.« Зновъ судъ суди́ти поча́въ; зновъ пита́ння — Ча́йченка зновъ узя́ли за сторо́жу, а тамъ у два ти́жні повеза́ли ёго́ у місто, посади́ли въ остро́зі.

Мару́ся за ни́мъ пішла́. »Проща́вай», ка́же ми́ні, »спрóдай усé, пересила́й гро́ші.«

— Мару́се, — говори́ть їй ма́ти, — усé ти спрóдуешъ, а въ те́бе дітки...

»Я зна́ю... я не забува́ю...«

Попро́щала́ся зъ на́ми, діто́къ пригорну́ла, — пішла́.

Ї́ї до остро́гу не впуска́ють.

»Мій чолові́к тамъ«, дово́дить вона́ усі́мъ.

— Твій чолові́к повинова́чений — ёму́ тамъ и спи́ти — тобі не мо́жна.

»И́ я ви́нна.«

— У чо́му ви́нна ти?

»Ви́нна й я, коли́ ви́нъ ви́нний.«

— Го́ді! иди́ геть собі́! — ка́жуть їй, жали́ючи.

Вона́ не йде́.

— Що́ жъ, ти призна́єся, що́ ви́нна ти? — пита́ють въ не́ї зновъ.

»Ви́нна.«

Ка́зали їй ру́ки извья́зати. Посади́ли міжъ зло́діями, міжъ уби́вниками, молоду́ та до́бру. Два міся́ці пэ́з тижне́мъ ви́була вона́ зъ чолові́комъ тамъ, по́ки їхъ ви́пустили.

Дітки въ на́съ були́. Усе́ пита́ють: де́ ма́ма? усé кли́чуть: ма́мо!

Мару́ся не одми́нялася — тільки пішла́ молодё́нька, а поверну́лася сі́ва, якъ голу́бка

А я ще, стріча́ючи її, дивю́ся, що́ вона́ краси́ свої́ не стра́-

тила: ті жь очі, чолó те жь, — коли вона стала дрúгу хúстку зав'язувати, — ажъ шовкова сивина забіліла.

Оселился вони зновъ у своїй хаті, у глухíмъ дворі, бо вже не було тамъ нічого живого, щóбъ гóлосъ подаю, щóбъ криломъ стрепенуло — усé вже спрòдане було... Дітки гомонять самі одні, и вже така імь утішка сь тóго, якъ горобці прилетять — зацвірінькають, абó гóлубъ попогúде: не полохають, самі притúлятця підъ тїномъ, радіючи.

Ча́йченко усé хорівъ, усé болівъ; відъ людéй náче ховáвся: зъ хати не вихóдивъ, хибá пізно, крадькомá, за горілкою у чужé село. Піти вінъ ставъ дúже.

Я ёго бáчила двічі. Одного ráзу, вінъ сидівъ безъ жóдного діла, склáвши рúки, очі приплющовавъ, — десь, сїльпе вь ёго гóловá боліла .. Дрúгого ráзу бáчила — вінъ спáвъ... Маруся дивїлася на ёго такимъ поглядомъ, якъ и перше, прихїльна була, якъ перше. *Кого* вона любїла ще? *Якого* кохала? Якъ зазнáти чоловіка у красі ёго, у квітú, вь сїлі, якъ зазнáти ёго дóброго, а часъ піде, та усé измóже, то інше покажетця, нїжъ гадалося. »Мислі жь мої, мислі! до ко́го жь ви приїшли?« сказáти, та й гóді! »Багато жалю мого бúде, — не бúде вже моєї любові.«

XX.

Менé свáтало два жонихї... Эгé-жь! Здадуецця мнї чáсто чоловікъ Палїй, що якъ вь ёго дитїна втопилася, хáта згоріла, — вінъ ишовъ ўлицею, та весїлля забáчивъ, и кáже: «а ті люде ще женятця!» Згадувався мнї чоловікъ Палїй... Свáтало жь двóе. Перший жонїхъ вбóгий бувъ пáробоць, дóбрїй, смутнїй — я не пішла за ёго! Не було вь мене кохáння смúтокъ ёго розважáти; не було грóшей хáту неогорóжену впридóбити — не схотїла робачкомъ стáти... Вінъ пожурился за мною, та зъ іншою ожепївся. Дрúгий жонїхъ бувъ багáтїй, наровлївий: кóнче хотївъ менé взїти за сéбе. Емú мáти ёго забороняла, просїла: не жадалося їй для свогó сїна, чепурного, сиротú брáти, — вінъ такї мáтїрь присїлювавъ, що вона ще самá менé мовляла. Я не пішла. Сей бувъ мнї зо всїмъ не до сподóби: ревнївий, незвичáйний — вінъ и любївъ якось, náче бївся.

Якъ вже одцурáлася я ёго свáтання, то трéба було жити, якъ на чекý: боялась ёго самá-одна стрíнути. Якъ вінъ очíма на мене свítивъ! Мáти жалкувала, що я не пішла замíжъ; бáтько тільки дослухáвъ: ёму байдуже було усé зъ того часу, якъ Кáтря покíнула. Вінъ объ неí не говорíвъ, та вже й ні объ чому не говорíвъ. Сумовáвъ, ходíвъ по дорóгахъ; богатíвъ не-дбáючи. Ёго Кáтря одцурáлася, — вінъ усіхъ за те відцурáвся людéй: и своїхъ рíднихъ и чужíхъ. И вже до смéрти такíй остáвся самотнíй и неласкáвий. Якъ занедужавъ вінъ на смéрть, то мáти просíли священника, щобъ панисáвъ Кáтрі, чи не приíде вона зъ бáтькомъ попроцáтнєсь. Нанисáвъ священникъ и грóши íй послáли.

Тяжко було одного днi бáтькові дуже, — мáти сидíла біля ёго, та й каже: »Друже мiй! Дитíна нáша приíде до насъ.«

Вінъ рáзомъ підвiвся самъ, дiвiтця на неí. Мáти зновъ каже: »Кáтря до насъ приíде.«

Дождiвали Кáтрі — Кáтрі не було. Смeрть вже за плечíма. Старий дождiавъ — якъ дождiавъ! и мертвiвъ и оживáвъ. А нi слóва нiколи не промóвивъ — чомý не íде, чи бiде — а нi óдного! Тiлько зъ вéчора казáвъ: »я помрý зáвтра.« На-зáвтра и вмеръ вінъ.

Якъ поховáли ёго, то вь кiлька днiвъ лiсть одъ Кáтрі прийшовъ, що, пiше, »молiтимуся за бáтька мого дiшу, а грóшi, що мишi прислани, на цéркву Бóжу вiдала, — бiдуть поминáть, бiдуть грiхи избiрáть...«

Зновъ жилóся...

Була вь насъ у слободi бублешниця, а вь неí наймпчка—велiка, чорнява дiвчiна, роботяща, а вже не поторóча така, якъ рiдко, — то було стрiнєся изъ нею, питáсшъ: »що робiли ви?« — »вóду носiли, бiблики пекли«, одкаже вона спокiйно. — »А зáвтра щó робiтимете?« — Водi принесемо, бiблики спечемо. — »А по-зáвтрему?« — Бiдемо вóду носiти, бiдемо бiблики пекти.«

Вмеръ вь íхъ хазяiнъ — дiвчiва трóхи заклопотáлася, поки ёго поховáли.

»А щó вь васъ?«

— Вь насъ хазяiнъ вмеръ, и поховáли.

»А тепéръ якъ?«

— Вóду носiмо, бiблики печемо.

Дівчина було говорить спокійно, стоїть свіжа — а тутъ и слухати ніяково: — дивуєся, якъ се вона живє доволна такєнькп, що бублчки печє... Бувають такі въ Бóга!

Намъ день минавъ, день розсвітався, весна йшла гріючи; наближувалася зима зъ морозами — усе здавалося якось пудно, якось догучливо... Були въ насъ давні радощі; були въ насъ старі сумовання — до їхъ тепєрь душа не озивалася, не стрепехалося сєрце. Коли бь!.. то бь не такъ, зовсімъ не такъ було! Тоді, якъ сєрце та душа живі, то вийдешъ, забачишъ дєрево, що вже рóкн стоїть знакомє, а тутъ вітаєся: якє дєрево! зеленіся, дєрево, розвивайся! отсє, якъ шелестить! Глянешъ на поля, на лугі — які поля, які лугі! ажъ смієтця щось въ тобі...

А вже якъ житте лічпшъ своє понєділкомъ та неділею, то все тобі байдуже: що новє, то заклопочє тільки спєршу, а що старє, то вже такє старє будє, такє знаємє та безвтішнє!

Такєнькп ми жили. Коло насъ одні люде вмірали, нарожались другі... Часомъ звали насъ на весілля — ми ходили на весілля... Найчастішъ я ходила до Марусі.

Марусі не такъ жилося, якъ намъ. Пилá вона хочь одъ гіркої, та одъ живóї воді... Їй сóнечко не такъ світіло, якъ намъ; їй и пташкі вна́чій щебетали...

XXI.

Чи великий, чи малий часъ збігъ — мати занедужала. Сказавъ би, радá вона своій недужі була: »Отсє й мині вмірати«, каже, »отсє и мой година! Біжи, Хімо, до священника, проси — нехай піше заразъ до Катрі, щобъ прихала поховати матіръ. Біжи, любко, не баріся!«

Зновъ написавъ листъ священникъ, зновъ туді грóши послани.

»Отсє, не іде Катрі!« мутитця мати: »хто жъ менє оплатє! Мабіть, не пускають її тамъ; коли бь я відужала, то бь я вже сама до неї поїхала одвідати, побачити... Чи побачу її вже коли? Коли бь я одужала, то бь я її одшукала, дє вона... Чи я вже її не побачу?«

Одъ Катрі такій самий листъ одібрали, що: »молітвмуса за

материну дүшу, а грóши на помпнánня віддала́ — бóдуть поми-
нать, грíхи бóдуть одпрóшувати.»

»О, дитино мила! не побáчу вже я тебе!« промóвила мáти и заплакала.

»Поховай мене, Хімо«, говорять мни: »поховай мене гáрнень-
ко. Тобі бóде неха́й на́ша хáта, се тобі неха́й бóде. Помьяни мене,
голубко. Сядь до мене б́лизче, любко! б́лизенько сядь!« усé про-
хала мене.

Передь смéртю говори́ла: »Мóже коли побáчишъ Кáтрю мою,
мóже бóде нездужати, боліти, — послуж́и їй, сéрце, не покíнь!«

Усé Бóгу моли́лась, усé моли́лася — до остáвнєй годíни. Тíхо и сýмно вмéрла.

Якь її похова́ли, то зновъ Кáтрі знáти давáли, що мáти вже
вмéрла, що зостáвся їй лани́, степі́ и грóши. Тоді одписала Кá-
тря, що бóде самá, приде самá опоряджáти, що їй у-спадкú дí-
стáлося. — Ми стáли її дожидáти.

Діждáли.

Якь бáчу той візъ, критий, иалубчáстий, що притяга́е до на́-
шого двóру. Було се рáнкомъ, — рáнокъ славний, ясний, пахú-
чий: у но́чі дощъ перепáвъ.

Я вибiгла за ворóта. »Кáтренько, де ти?«

Ніхтó не обiзвáвся мни. Вилáзила пéрше зъ вóза опóлпета,
румьяна чорни́ця и хрести́ла мене. За не́ю Кáтря.

Кáтря тежъ мене перохрести́ла — лéдві на мене глянула во-
на — и за чорни́цею у хáту увiйшла. Я за ними уступи́ла. Чи жъ
вона мене не памьята́е—забу́ла? Сéрце, що було стрепонúлося,
то притiснуло ё́го тяжко...

»Охъ, якъ же втомiлися ми«, почала́ румьяна чорни́ця, сквi-
даючи зъ себе чорні свої рясн одну́ по дрúгiй: »вже iхали ми,
iхали, та й годі сказа́ли!«

Гласъ въ не́й бувъ такий, що для глухiхъ дóбрый.

Кáтря стояла у стóла, розбiраючи чóтки у рука́хъ.

Була́ ще вона́ зъ себе дúже хоро́ша, хочъ якъ змарвила и óчi
впáли и самá, якъ нiтка, бiльонька стáла. Вона́ якóсь заходiла...
На духъ-мару́ вона́ походила́ зъ своїмъ нездви́женимъ обличчeмъ,
изъ своїмъ поглядомъ безпричáснимъ... А щé, въ тiй довгiй рясi
чóрний, у тiй чóрний покривáльницi!..

Хочъ би вона що въ мене спитала! Хочъ би до мене слово промовила!

Чорниця зновъ говóрпть: »Втомѣлся якъ, Бóже мѣлий! Лѣдві дѣхаємо!«

А тамъ додає: »Вже сонечко підбилося на снідання...«

Глянула на Кáтрю — Кáтря стоїть, не чує и не озивáетця.

»Сéстро!« до Кáтрі посмпкаючи її мицненько за рукава: »трéба намъ підживітисся?«

— Якъ завбóлите, сéстро Мелáнія, — одказáла Кáтря.

Я лѣдві дочула: безодголóсно такéчки вона гомонѣла.

»Дівчино!« прикликає мене сестра Мелáнія: »ході лишень б́лизче, — якъ на пмь́?«

— Хѣмою звуть, — кажú.

»Хѣмо, чи не далá б́ ти намъ посніда́ти?«

— З́аразъ изготу́ю, — кажú.

Почалá я готувáти снідання, а чорниця за мя́ю у комóру, пшона́ одміряє у глéчикъ, одспáє мукѣ у мѣску, сметáни у полумисокъ; сливья́нку набѣрає; хлѣбъ крає; порозчиня́ла столѣ, до-стáла скáтирку, стѣль застѣляє — жвава та хапка́я, Гóсподи-свѣте!

Кáтря усé стояла самá. Сестра́ Мелáнія одхилѣла її руко́ю одъ стóлу, накривáючи, — Кáтря сѣла на лавци́ тоді.

Готóве снідання — стáли снідати. Сестра́ Мелáнія Кáтрю б́лизче поса́дила. Кáтря послу́хала, б́лизенько прису́нулася, а їсти нѣчого не їла вона́, окрімъ малéseвський шмáточокъ хлѣба пзъ водо́ю. Сестра́ Мелáнія снідання впóрала. Мáла вона́ трѣдцáть и два зúби бѣлі та здорóві та роботя́щі. О, якѣ жъ зúби! Усé молóла ними, якъ жóрномъ добримъ.

По сніданню, стáла сестра́ Мелáнія до Кáтрі говóрпти:

»Сéстро! трéба усé тѣперъ дóбре впоряджáти, трéба х́тче, щобъ тутъ намъ не забарѣтисся...« А очѣ въ неѣ почалѣ прижму́рюватись; говóрячи, якóсь мнмовѣльно мостѣла вона́ б́лизче до сѣбе двѣ велѣкѣ подушкѣ у краплѣстивъ тѣмнихъ пошѣвкахъ, що зъ вóзу я внесла́.

»Не трéба барѣтисся«, ще промовѣла зѣтхáючи, »о... о...« вѣмовѣла ще разъ, вже зовсѣмъ на подушкѣ схилѣвшися голово́ю... Спáла. Мúхи по-надъ не́ю гулі, мúхи її кусáли — спáла.

Кáтря сидѣла, схилѣвши гóлову. Чи молѣлася вона́? бо шептáла щось и румья́нцомъ закрасѣлася живѣмъ. Я до но́ї б́лизь-

ко підступіла и кажú: »Кáтре, чи ти вже менé зовсімъ забула? Чи не пізнаєшъ?« Румьянці одразу збігли зъ її обличчя; оберну́ла на мене вже безпричасні очі свої и одказала мни: »Я тебе пам'ятаю.«

»Чому́ жь се така до мо́но неласкава? Чомъ не заговоришъ до мене?«

— Усі слова́ прáжні. Трéба молитись...

— Кáтре, чи ти зна́ошъ, що Мару́ся заміжъ пішла?

»Бóже благослові.«

— За Ча́йченка пішла.

»Бóже благослові.«

— Вона́ нещáсна дúже.

»Бóжа во́ля!«

Усе́ мни одказуе, якъ-на́че по псалти́ру читае.

»Чи ти коли́ зга́дувала насъ? зга́дувала люде́й?«

— Я молю́ся за васъ и за всіхъ люде́й.

»Спаси́бі. А ти вже менé тепе́рь и трóхи не любишъ?«

— Господь́ повелі́въ усі́хъ любити, — и ворогівъ.

»То ти менé якъ ворога жа́луєшъ, чи щó? Чи жь у тебе́ вже нема́ и въ світі́ нікого́ любого? нема́ нічого́ милого?«

— Мни́ усі́ рівні, за всіхъ молю́ся.

»Й усі́ ворогі́ тобі?«

— Ко́женъ чоловікъ́ другóму ворогъ́ великий, ворогъ́ лнхій, — промовила́ зъ óпаломъ: очі́ зайскрили́сь, задри́жали ўста: пізна́лася мни́ давня́ Кáтря. Огнемъ́ да по́ломьемъ́ відъ не́ї пахну́ло — якъ́ колі́сь.

»А семья́? а родина́?« кажú.

— Усі́! усі́! Прихвля́ють до се́бе ду́шу, боро́нять до Бóга!

»Такъ́ усі́хъ кідати́?«

— Кідати́, кідати́! Въ́ Бóзі спасе́ніе! Бóже мій! Бóже мій! поми́луй насъ! — покликнула́ сýмно.

»Аміні́!« одказала́ зъ лáвки сестра́ Мелáнія глу́хо. Переспáла вона́ свій́ дзвінний́ гóлосъ. »Аміні́!« ще́ разъ́ ка́же, та́ й позіхну́ла та́ковькп, що́ въ мене́ рука́ва замáяли, а які́ мýхи по столу́ лáзили, то поскóчували́ся, якъ́ насіння́ одъ́ вітру. Дóвго ще́ потягáлася на лáвці. Дáлі устáла, прпбрáлася́ у ряси́: »Ході́мъ́ вже́ до ба́тюшки́«, прикáзуе́ Кáтрі.

Й пішли́. И́ мни́ велі́ла йти́ изъ́ собóю сестра́ Мелáнія, до́рогу́ показувати́.

Поки ми дійшли до священникового двору — біля церкви стояв зь двома кінами и зь рундучкомъ підь піддаше, — поки дійшли, кажуть, то вже сестра Меланія зовсімъ чубна була: хочь очі одь спаннї помаліли, та дивилися густо и жваво.

Священникъ стрівъ насъ, увівъ у кімнату.

Сестра Меланія посіла у якомусь великому кріслі, що въ ному мало було придоби, а багато цвяхівъ. Катря стала біля неї, а я по-за Катрю.

»Сідайте жь бо, батюшка!« просить ёго сестра Меланія.

Батюшка сівъ проти неї та її закашлявся.

»А що се — кашель васъ напавъ, батюшка?« пита сестра Меланія. »Ліпового цвіту напиїтєся у-вечері, на нічъ. Та чоґо се ви такі на виду жовті? Чи не жовтяниця? Її посівилъ ви зовсімъ, а мабуть ще не дуже її старі, — боліли на голову?«

Батюшка самъ бувъ розумний и розсудливий, та смірний — сторопівъ, слухаючи її та на неї дивлячись — тільки головою кивавъ.

»Отсе ми до васъ приїхали зь вашою давнєю порахвіянкою«, починає другу вже річъ сестра Меланія: »вона мнї прирúčена. Спадокъ її одь родителівъ, якъ знаєте; вона усє оджалувала на манастирь. Ми приїхали усєго того роздивітєся, опорядити. Вамъ звісно, що тутъ її належить, — покажіть мнї, коли ласка ваша буде. Разомъ вкуїні зь вами для Господа Бóга нашого потрудимось.«

Тоді пішли по степахъ, по лавяхъ оглядати, громадськихъ людєй клікали цинувати. Сестра Меланія нікала скрізь по всіхъ куткахъ, мутілася, підбігала, приглядала, прислухала; Катря ходила за нею слідомъ, не глядячи округі. Місця знакомі коло неї процвітали — вона не вважала. Нігдє не припинїлася, и разу не оглянулася. Въ хату якъ ми повернїлися, то тамъ вже людєй поваходило багато. Вітали Катрю, питали... Вона наче нікого зь роду не бачила и нічоґо не знала, хто її які приїшли.

Одчинїли скрині, сталъ лічити гроші, які тамъ були. Батюшка усє зашептувавъ и записувавъ; сестра Меланія тежъ собі пірцемъ черкала — Катря усє стояла оддалікъ, не глєдючи...

Люди потроху розїшлися...

»Ви добре се знаєте, батюшка, що хата цїй дівчинї приділена відь небіжчиківъ?« питалася батюшки сестра Меланія ажъ двічі.

— Знаю добре, — говорівъ батюшка.

»Та вона жь далека родичка, а дочка є рідна...«

— Така була воля їх. Вони дівчину жалували.

»І другі знають те?«

— Якъ же! свідки є.

»А!« каже.

Більшъ вже не питала.

XXII.

Пришла Маруся до Катрі. Була вона тиха, смутна п ласкава.

»Знає?« спитала менє.

— Знає, — кажу, — та їй за все байдуже. — Катря її спершу не пізнала, а на вітання одказала: »Благослові, Господи!«

»Се Маруся«, говорю їй.

Тоді вже вона пізнала п зновъ каже: »Бже благослові!«

Маруся стояла передъ нею.

»Сідай, Марусє!« прошу.

Вона не схотіла, чи не вчула, стояла п дивилася на Катрю. Катря непорухома сідала. Більшъ не було нікого въ хаті.

»Катре«, промовила до неї Маруся: »чомъ ти слова не промовишъ? Чи мині звелішъ говорити, Катре?«

— Що?—питá Катря, — що говорити?

»Бачъ, Маруся вже сіва стала зовсімъ«, кажу, звявши хустку зъ Марусі.

Подивившиися, каже: — сіва.

Посідала Маруся мовчки п попрощалася. Катря її христить.

»Катре!« промовила Маруся: »въ мене діти...«

— Бже їх благослові!—одказала Катря, по своєму звчаю.

Якъ сама вже вона нічимъ людськимъ не мутілася, — та ще й не вважала, якъ въ іншихъ сєрце колотілося.

Маруся додому пішла.

На третій день Катря пзъ сестрою Меланією поїхали. Маруся ще приходила попрощатися. Катря прощалася такъ само. якъ віталася... Хочъ бы вона лице зачечалила! хочъ бы озирнулася разочокъ!

»Якъ одмінїлася!« промовила Маруся, двлячися у слідъ за тимъ возомъ крїтнмъ, по дорозі.

— А пам'ятаєшъ, яка була вона? — кажу.

»Якъже!.. дѳбре пам'ятаю.«

Ще ми постѳяли, подивились. Маруся пішла до своєї господи, а я її провела и въ неї трѳхп посїдила.

Якївъ усє хорївъ, усє болївъ. Давно вже вінъ не робївъ нїчого: — не здолавъ. Падала коло всѳго сама Маруся. Багато було їй дїла въ господї, велико печалї на сєрці.

Вєсело, якъ є кїмъ радїти, та її те дѳбре, коли є обѳ кїмъ поплакати. Ей-же-Бѳгу моєму, дѳбре! Гїрка та жпва вода, кажў вамъ...

Вихѳжу я одъ Марусї и вона менє до ворїть доводить, а за нею дїтки топѳть дрібнєнько-важєнько...

»Подивїсь«, каже вона, »подивїсь, Хїмо, усї тройкѳ у єго вї.пились — мої чорнявенькї!«

П сгорнўла їх усїхъ до сєбе. А вони, хто зъ паличкою у рупці, хто зъ хлїбомъ, зъ пїсѳчкомъ въ жмєнці, жвавенько дївлятьця... Тїха и вѳга хата зъ вишнєвимъ садкомъ!

Я живў собі придѳбно на своїй селїдбї. Сусїди до мене ходять, а я зновъ до їх — одвїдуємось. Радїмось, якъ горѳди засїваємо; вкупї нашъ одпочївокъ у свѳто.

Часъ за часъ, а къ вєчѳру блїзче...

МАРКО ВОВЧОКЪ.

НА УКРАЇНУ.

Україно, Україно!
 Наше сонце ясне!
 Чи є в світі щось від тебе
 Миліше и краще?
 Стрепеніття бідне серце,
 Як тільки згадаю...
 Полонув би я до тебе
 Да крилець не маю!
 Там, на горі, на високій,
 Під гаєм зеленим,
 Стоїть хата батьківська
 З садочком вишневим.
 Є и поле круг хатини,
 И луг над Десною...
 На що ж ми тут літа тратим,
 В чужині, з журбою!
 Діки стріху солом'яну
 Вітру развівати,
 Діки грукать в віконці
 Батьківської хати?
 Пусте, німе подвір'ячко,
 Рундук зацвів мохом,
 Кіле з тілу розібрали
 Сусіде потроху;
 Сад вишневий, гаї зелені —
 Де ви?.. пенькі всюди!..
Без хазяїна худоба
Плаче, кажуть люде...
 Відсуну я кватірочку —
 У віконце гляну:
 Попід гаєм зелененьким
 Шлях іде в Україну.
 Любо мені на чужині
 На той шлях глядіти,

Якъ на свою жінку-любку,
 Якъ на квіти-діти.
 Летять пташки зъ того краю —
 Може й зъ України? —
 Попідъ хмарами чорніють,
 Ледве-ледве видні...
 Пташка Божя по всімъ світу
 Літає по волі:
 Схоче — здіймеця підъ небо,
 Схоче — сяде въ полі;
 Чомъ же, чомъ на Божімъ світі
 Я не маю волі?
 Моя воля зъ вітромъ въ полі
 Десь шукає долі.
 О, колибъ я мавъ ту волю,
 Що пташка... давно вже
 Полетівъ би въ Україну...
 Та-ба! стій, небожже!
 Україно, Україно!
 Ажъ серце заграє,
 Якъ мни що на чужині
 Тебѣ нагадає...
 Онь, вона, лебѣда біла!
 (Сердѣнько трепече!)
 Тамъ весело сонце сяє,
 Дніпръ хвілями плече, —
 Дніпръ широкій, Дніпръ глибокий,
 Якъ у давні пори,
 Що носивъ човни козацькі
 На Чорне море.
 Я — на березі, двілюся —
 Чи не рай то бачу?
 Туди руки простягаю,
 Якъ дитина плачу!
 О, на що насъ, рідна мати.
 Пускаєшъ відъ себе,
 Коли наше щастє й доля
 Тільки-що край тебе?..

Булі часи, смутні часи,
 Якъ ти вся палала
 И слізами — своїхъ дітокъ
 Ранн обмивала.
 Булі часи — тяжкі часи —
 Бодай не верталісь! —
 Якъ поля твоі п степи
 Крөвью залпвалісь,
 Якъ съ кінця въ кінець првали
 Тебе зліі люде...
 Тільки жъ то було давнө вже —
 Більшъ, мабуць, не буде...
 — Чого жъ ти така смутная?
 Туга сэрце сүшить,
 Безталанну голөвоньку
 Недөленька крушити!
 Що жъ тобі зъ тихъ давніхъ часівъ, —
 Що пройшли мовъ лава, —
 Що осталося, рідна мати?.. —
 »Сину! добра слава!«

Филимонъ Галузенко.

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

I.

Э.ЛАДА.

Голосно въ світі гула твоя чародійная слава,
 Змалку героямъ твоімъ привикавъ дивуватись школяръ;
 Слэзи народівъ теклі на руїни твоі; на коліняхъ
 Мовчки стоявъ, глядючи на тебе, заворожений світъ.

Шкода слави твоєї, вродливая, краса країно!
 Шкода твого Парөсиона, шкода театрівъ твоихъ;
 Шкода Солоньвихъ правъ, хитромовнихъ річей Демосөена,
 Шкода великої павіть Тимолөона души.

Ти не спивяла дитей... вони гризлись зь собою якъ звірі;
 Ти все шукала свободи — нікчёмная грошей раба!
 Ти прославляла війну людодіну, и въ Спарті проклятії
 Пань для потіхи пускавъ злихъ на Ілота собакъ!...

Ти научала народи втікати до неволі одъ воли,
 Ти запсувала найкращий неба восточного даръ...
 Пам'ять посмертна твоя засліпляла мавою намъ очі;
 Ми, на тебе глядючі, не бачили сами себе.

II.

ДАВНИНА.

Якъ то недобре на світі було,
 Якъ світомъ безкарні боги управляли!
 Маїнь проворний и хитрий синокъ
 Всіхъ покривавъ — и хапугъ и злодівъ.
 Зм'утить, бувало, чор'знає зь чого
 Рідъ чоловічий Арей-гайдамака, —
 Лютця ріками и слези и кровъ
 За-для утіхи тихъ лёжнівъ безсмертнихъ.
 Якъ же задума який Прометей
 Розума світломъ прогнати темноту —
 Сц'іпають з'аразъ боги молодця
 Та й оддадуть на поталу шулікамъ.
 Въ той часъ Юпітеръ якъ хоче гуля:
 Доць золотий розспіає дівчатамъ,
 Чи перекинетця білимъ бичкомъ —
 Скаче, мичить, борикає рогами;
 Люде жъ, на штуки такі дивлючійсь,
 Голови мовчки побожно схплюють:
 »Истинно, кажуть, »не віль се, а богъ...«

А Прометей нового немає...

I.

Гей-гей, волі! Чого жъ ви стали —
 Чи дуже поле заросло,
 Чи леміша гіржа поїла,
 Чи затупилось чересло?
 Бадилле зсохло, вже й валітця,
 Лемішъ я добре насталивъ,
 А чересло моє новее...
 Чого жъ ви стали? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Чи зсохло поле?
 Чи плугъ у землю не підє:
 Чи дерев'яная полиця
 Тяжкої скіби не зведє?
 Земля пухка́я, плугъ не стогне
 И скібу добру відваливъ,
 И борозна́ уже чорніє...
 Чого жъ ви стали? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Зьоремо поле,
 Насіємъ ярого дзерна́,
 Пройде́ разокъ тонкее́ рало
 И пробіжитця борона́;
 А тамъ — дивісь — зібралась хмарка.
 Дрібненький дощичокъ поливъ —
 И ніва шовкомъ зеленіє...
 Чого жъ ви стали? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Дзерно́ поспе
 И заколосятця поля́,
 И верне́ намъ за піль кривавий
 Изъ-лишкою свята́ земля.
 Тоді збирай колосся́ повне
 Та тільки Господа хвалі...
 Чого жъ ви стали, мої діти?
 Пора́ настала! Гей, волі!

II.

Повій, вітре, на Україну.
 Де покинувъ я дівчину,

Де покинувъ чорні очі...
Повій, вітре, съ полуночи.

Міжъ ярами тамъ доли́на,
Тамъ біленькая хати́на;
Въ тій хати́ші голубо́вка,
Голубо́вка-дівчи́новка.

Повій, вітре, до схи́дъ-со́нця,
До схи́дъ-со́нця, край віко́нця. —
Край віко́нця постіль біла,
Постіль біла, дівча́ мїла.

Зупині́ся ви́шкомъ-тї́никомъ
Надъ рум'я́нимъ білимъ лі́чкомъ,
Надъ тимъ лі́чкомъ зупині́ся,
Чи спить мї́ла — подиві́ся.

Якъ спить мї́ла, не збуді́лась —
Нагада́й їй, съ кимъ любі́лась,
Съ кимъ любі́лась и коха́лась,
И коха́ти присяга́лась.

Якъ заб'є́тця їй серде́нко,
Якъ дівча́ зітхне́ тяже́нко,
Якъ запла́чуть чо́рві очі —
Верта́й, вітре, къ полуночи.

А якъ мї́ла позабу́ла,
Якъ не́люба пригорну́ла —
Ти розві́йся край доли́ни,
Не верта́йся зъ Украї́ни...

Вітеръ віє, вітеръ віє;
Сє́рце тужить, сє́рце мліє...
Вітеръ віє, не вертає,
Сє́рце зъ жа́лю замірає...

Подоляни́нъ С. Т. Руданській.

I.

ВЕЧІРЬ.

Чи згадаєш, дівчинонько моя,
 Якъ згадую безъ тебе я
 Той вечірть тихий надъ водою,
 Якъ сумували ми зъ тобою,
 Що Богъ намъ доленьки не давъ?..
 Въ садочку соловей співавъ,
 За гаї спускалось сонце ясне,
 Плескалась рибка на воді...
 »Отъ, скоро й Божий день погасне,
 Сказала ти тоді —
 И загадалась й зажурилась,
 Головкою на рученьку схилилась —
 И на рукавця пзъ очей
 Слєзá тихенько покотилась....

Бажавъ я бачити світъ, людєй, —
 Та й бачивъ світъ, зъ людьми спізнався...
 А все туди не разъ душею рвався,
 Де соловей въ садку співавъ; —
 Въ той вечірть тихий надъ водою, —
 Де сумували ми зъ тобою,
 Що Богъ намъ доленьки не давъ...
 Неначе тамъ я щасте поховавъ!

II.

ЖУРБА.

Стоить гора високая,
 По-підъ горою гаї,
 Зелений гаї густесенький,
 Неначе справді рай.

Підъ гасмъ вьєтця річенька:
 Якъ склó вона блищить,
 Долиною зеленою
 Кудись вона біжить.

Край бѣрега, у-затишку,
 Прив'язані човні;
 А три верби схилилися,
 Мовъ журятся вони, —

Що прѣйде любе літечко,
 Повіють холодá,
 Осиплетца ихъ лістячко —
 И понесé водá.

Журюся й я надъ річкою...
 Біжить вона, шумить,
 А въ мене хіле сѣрденько
 И мліе и болить.

Ой річечко, голубонько!
 Якъ фїлечки твої —
 Пробігли дні щасливі
 И радості мої!

До тебе, моя річенько,
 Ще вѣрнетца весна;
 А молодість... не вѣрнетца —
 Не вѣрнетца вона!...

Стоить гора високáя;
 Зелений гай шумить;
 Співáють пташки гóлосно
 И річечка блищить...

Якъ хóроше, якъ вѣсело
 На білімъ свѣті жить!...
 Чогó жъ у мене сѣрденько
 И мліе, и болить?

Болить вона та журитца —
 Що вѣрнетца весна,
 А молодість... не вѣрнетца —
 Не вѣрнетца вона!...

Л. Г л ъ в о в ъ.

Б А Й К И.

I.

ДОЛЯ.

У дощову пиліпівськую нічъ
 Забрáвъ Івáнъ на пічъ,
 Та й спочивáе;
 Ажъ чу́е,—підъ вікномъ гукáе:
 »Здорові! вéчиръ дóбрій вамъ!«
 — Здорові! а хтó ви тáмъ? —
 Пванъ у прóсі обізвáвся.
 »Хвортúна я; чи ждавъ менé, чи сподівáвся?«
 — Не сподівáвся, нічого брехáть! —
 Вставáй же, гóді спать;
 Бері́ мiшóкъ, вихóдь хутéнько;
 Червінчиківъ копiцю я найшла́ —
 И чималéньку, —
 Да це п до тебé прийшла́,
 Щобъ п съ тобóю подiлiтьця,
 Капiйчнна тобi згодiтьця...«
 — Ось зáразъ одягнýсь. —
 »Да йди п тáкъ.« — Постiй, пiдперезу́сь... —
 »Чп я тебé дожду́сь?«
 — Да дай, хотъ чóботи надiну,
 Да одягнýсь вь свитiну... —

Покi Івáнъ збрáвъсь —
 Обúвъ, одягсь, пiдперезáвъсь,
 Да вiйшовъ зь хáти —
 Хвортúну поминáй якъ звáти!..
 И слiдъ ii прости́гъ...

Ивáнъ и рúки опусти́въ;
 Вернýвъ у хáту, сiвъ да на Хвортúну пла́че...

А я бь ёму сказа́въ: не що́-бо-й що́, коза́че!
 Не на Хворту́ну — на себе́ жалку́й:
 Тоді залізо куй,
 Якъ ще вонó гаряче.

Р. В.

II.

ПРОХОЖІ ТА СОБАКИ.

Черезъ левáди та горóди
 Два кума йшли́ зъ весілля до госпóди.
 Бреду́ть, балакаю́ть про щось...
 Ажъ-о́сь —
 Де не взяла́сь Соба́ка въ біса —
 Чи зъ-підъ воріть, чи изъ-за ліси —
 Присікала́ся, ажъ вищіть...
 Коли погля́нуть — ще́ біжа́ть
 Мабу́ть съ десято́къ, чи й не бі́льше.
 Та якъ напали́, ба́тю ми́й!
 Одна́ гара́здъ, друга́ ще гірше,
 Кіндра́ть маха́ ципко́мъ мерщій.
 »Ось не займа́й-лишо́нь, Кіндра́те,
 Тутъ обізва́вся до ёго́ Кли́мъ:
 »Я їхъ нату́ру знаю́, бра́те;
 Відчеплю́тьця... ось-ну, ході́мъ, —
 Та не маха́й и не диві́ся...«
 Отъ, и пішли́ вони́... пду́ть-собі́ та йду́ть...
 Соба́ки й спра́вді уняли́ся,
 А да́лі ста́ло вже й не чу́ть.

Отта́къ и завидні́ лю́де
 (Вони́ ё всю́ди!..)
 Якъ що́ завідно́ імъ — куди́! —
 Бреха́ти, мовъ соба́ки, ста́нуть...
 А ти собі́ иди́ та йди́
 Набрешу́тьця, та й перестáнуть.

Л. ГЛЪБОВЪ.

СТѢХИНЪ - РОГЪ⁽¹⁾.

Отцѣва и мѣтчина молитва зі дна моря вишше,
Одъ грѣхѣвъ смертѣльныхъ дѣшу одкушше...

(*Дума о бурѣ на Черномъ морѣ*).

Въ мирное время, передвиженіе войскъ совершается чрезвычайно медленно. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ слѣдуетъ днѣвка, и полкъ—часто случается—пройдетъ не больше ста верстъ въ недѣлю. Съ перваго взгляда, такое странствованіе покажется нестерпимо-скучнымъ, но кому приходилось *ломать походы*, тотъ вспоминаетъ объ нихъ съ удовольствіемъ. Перемена мѣстъ увлекаетъ; съ каждымъ днемъ, какъ въ калейдоскопѣ, все вокругъ мѣняется: новая природа, новые лица, новые нарѣчія. Походъ представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій. Есть возможность осмотрѣть все, освященное временемъ и исторіей; взглянуть въ бытъ, въ нравы и обычаи жителей проходимаго края, прислушаться къ ихъ рѣчи, къ народнымъ толкамъ, пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ. Передъ вами живая книга: читайте ее и любуйтесь; передъ вами вѣчно-юная природа, свѣжая душа народа, истинна неподдѣльная, неподкрашенная.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, проходя черезъ Полтавскую губернію, имѣлъ ночлегъ и днѣвку въ мѣстечкѣ Г—Ѣ. Мнѣ сказали, что въ верстѣ отъ селенія находятся развалины древняго монастыря, основаннаго еще какимъ-то Переяславскимъ княземъ. Часовъ въ семь вечера, когда дневной жаръ спалъ, я отправился осмотрѣть развалины и полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ окрестностей мѣстечка.

(¹) *Рогъ, рівъ* — мышь.

По склону высокой и крутой горы, тянулась просёлочная, довольно широкая, дорога. Вѣво, на самомъ гребнѣ горы, возвышались развалины монастыря, рѣзко обозначаясь на темной зелени дубоваго лѣса. Колокольня и кельи стояли безъ крышъ; на полуразрушенной оградѣ и массивныхъ воротахъ византийскаго стиля росли тощія березы, шпирель и трава. Одна только церковь нѣсколько уцѣлѣла отъ сокрушительнаго времени. Куполъ съ почернѣвшимъ крестомъ и крыша еще не обрушились и оконныя рамы, съ выбитыми стеклами, еще держались въ своихъ гнѣздахъ. Вокругъ зданія лежала, какъ завална, масса осыпавшейся штукатурки; разбитые осколки стеколъ, оживленные лучомъ солнца, сверкали какъ алмазы. Монастырскій дворъ заросъ высоко крапивою, лопушникомъ и бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревянные кресты, уцѣлѣвшіе на могиллахъ иноковъ. Нельзя было не замѣтить, что поселяне не увеличивали разрушенія святой обители: оконныя рамы нижняго этажа были не тронуты: плитнякъ на крыльцахъ не разобранъ; желѣзная обшивка на дверяхъ съ крючьями совершенно цѣла. Грустно было глядѣть на эти развалины; онѣ почему-то наводили на печальныя мысли и тяжелыя воспоминанія.

Отъ монастыря я перешелъ черезъ дорогу, и мнѣ представилась поразительная картина украинской природы. Днѣпръ, около двухъ верстъ въ ширину, величественно катился у самой подошвы обрывистой горы. Лучи заходящаго юньскаго солнца горѣли яркими огнями на легкихъ облакахъ и отражались на зеркальной поверхности рѣки. Днѣпръ, по всему протяженію, сколько обнимали глаза, пламенѣлъ и сверкалъ, какъ огненная лава, ярко отдѣляясь отъ темной рамки противоположнаго берега. За рѣкой виднѣлась низменная степь съ селами и хуторами; даль, по мѣрѣ отдаленія, сивѣла, туманилась, небосводъ постепенно понижался, пока совершенно не сливался съ землёю. По Днѣпру виднѣлись плывущіе байдаки, барки, дубы, плоты, а около береговъ сновали, по разнымъ направленіямъ, маленькіе, какъ орѣховая скорлупа, челноки рыбаковъ.

Я стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и у моихъ ногъ разстлалась новая картина. Покатость горы до берега покрыта была кустарниками, живописно сгруппированными на холмахъ и въ разсѣлинахъ. Мѣстами росли столѣтніе дубы, липы, ясени и свидѣ-

тельствовали, что нѣкогда и здѣсь былъ такой же лѣсъ, какъ за монастыремъ. Надъ берегомъ выдавался, острымъ угломъ, каменный мысъ, на высотѣ котораго обрисовался темными очертаніями статный козакъ, ⁽¹⁾ въ высокой *смушовой* шапкѣ на-бѣкренѣ. Упершись локтемъ въ колѣно и склонивъ голову на руку, онъ сидѣлъ такъ неподвижно, что еслибы, по-временамъ, не вспыхивалъ дымокъ изъ его коротенькой трубки, то его можно было бы принять за окаменѣлость.

Видъ на рѣку открывался еще болѣе съ того мыса, гдѣ сидѣлъ козакъ, и я, примѣтивъ въ сторонѣ дорожку, началъ спускаться съ горы. Кусты шипреля, шиповника и глода, осыпанные цвѣтомъ, по мѣрѣ приближенія къ берегу, разрастались и дѣлались роскошнѣе. Мѣстами дорожка извивалась по чащѣ высокаго орѣшника, а мѣстами терялась въ глубокихъ рытвинахъ. На днѣ рытвинъ журчали ручьи, и, то двоясь, то соединяясь, вливались въ Днѣпръ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, я наконецъ выбрался изъ гущи кустовъ и очутился возлѣ самаго мыса.

Козакъ все еще сидѣлъ также неподвижно, не замѣчая моего приближенія.

— *Здоровъ будь, козаче!* — сказалъ я, слегка ударивъ его по плечу.

Козакъ вздрогнулъ, выпустилъ трубку изъ рта и торопливо оглянулся. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шапку и хотѣлъ-было подняться, но я, положивъ ему руку на плечо, остановилъ порывъ его вѣжливости. Судя по козакину изъ тонкаго синяго сукна, китайчатымъ шараварамъ, засунутымъ въ юфтовые сапоги, видно было, что козакъ былъ *значнаго рѣду*. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на чубѣ и длинныхъ усахъ пробивалась сѣдина; черные глаза и загорѣлое лицо его были очень живы и выразительны.

»Сиди, сиди«, сказалъ я, «и я поспжу съ тобою; *тутъ такъ жарно!*«

— Да, *місце не-аби-якѣ!* отвѣчалъ козакъ, протягивая ноги.

Утесъ, на которомъ мы сидѣли, возвышался надъ уровнемъ рѣки саженой на пять. Вправо отъ утеса загибалась коса, съ остроконечнымъ гребнемъ въ родѣ крыши, и врѣзывалась въ рѣку на

(1) Въ Малороссіи, *козаками* называются потомки прежняго козацкаго сословія, обращенные въ государственпыхъ крестьянъ, съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ прежнихъ правъ.

нѣсколько саженой. Косу эту образовала, вѣроятно, часть упавшей горы, но если обвалъ и дѣйствительно случился, то очень давно, потому что камни и земляныя глыбы осѣли и заросли уже высокими деревьями. По ту сторону косы раздавался хохотъ, говоръ и впазгивые крики женскихъ голосовъ.

»Кто это тамъ кричить?« спросилъ я.

— *Бабѣ*; тамъ ихъ купанье. Видите ли, со всѣхъ сторонъ *затишокъ*, и ни откуда ихъ не видно; вотъ онѣ тамъ и плещутся себѣ до самой ночи.

»Видишь, какія предусмотрительныя!«

— Такая ужъ, видите, глупая бабья натура: прячется, чтобъ на нее не взглянули, будто боится, чтобъ не сглазили. А какія смѣлыя, подумаешь, — прибавилъ значительно козакъ: — чего бъ и слѣдовало бояться, того не бояться!...

»Чего жъ имъ бояться?«

— Какъ — чего? — Козакъ взглянулъ на меня съ недоумѣниемъ. — Правда! вы не *тушешни*, продолжалъ онъ, вы — *переходомъ*, такъ не знаете; а если бъ знали, то и сами сказали бы, что *дідько* ихъ знаетъ, какія смѣлыя. Это мѣсто нехорошее, страшное, вотъ что!

Козакъ нахмурилъ брови и задумался.

Я просилъ его рассказать, почему это мѣсто нехорошее и страшное, но онъ отпѣкивался.

— Поздно, — говорилъ онъ: — вотъ ужъ и солнце садится, не успѣю досказать, да *проти ночи* не хорошо вспоминать объ этомъ... *цуръ дмѣ!*

Я неотступно просилъ козака и наконецъ убѣдилъ его.

— Ну, ну, пожалуй, расскажу, если вамъ ужъ такъ захотѣлось; только обождите, люльку запалю.

Солнце скрывалось за гору, бросая лповую тѣнь на Днѣпръ. Вечеръ свѣжѣлъ; въ воздухѣ разливался запахъ дикой фюли, васильковъ и другихъ цвѣтовъ; соловья заливались цѣлыми хорами.

— Знаете ли, какъ это мѣсто называется? — спросилъ меня козакъ, закуривая трубку.

»Не знаю.«

— *Стѣхивъ-Ризъ*; такъ люди называли это урочище по одному случаю. Мнѣ объ этомъ рассказывалъ мой прадѣдъ, старый-престарый *дідуанъ*, когда я еще былъ *хлопцемъ*. Все лѣто онъ сп-

дѣлъ въ своей пасикѣ, а на зиму приходилъ въ батькову хату и забивался въ свой уголъ, около печи. Вотъ тутъ-то для насъ, дѣтвора, и былъ праздникъ. Прадѣдъ мой мастеръ былъ разсказывать; кто его знаетъ, какъ онъ славно разсказывалъ! Бывало, только *каганецъ* засвѣтятъ, такъ мы его со всѣхъ сторонъ и облѣпимъ. Ужъ онъ и знаетъ за-чѣмъ: «а какую вамъ разсказать, собачьи сыны?» спроситъ: (такой былъ добрый, пошли ему Господи царство небесное!) «веселую или страшную?» «Страшную, страшную! закричимъ въ одинъ голосъ; и—что бы сказать веселую? можетъ-быть, она забавнѣе была бъ, такъ нѣтъ! разсказывай страшную! Бывало—*що ѣ казати?*—слушаешь дѣда, а тебя такъ и коробитъ, такъ сзади и обдастъ холодомъ, а чубъ дыбомъ, -дыбомъ; страшно подъ лавку заглянуть; бывало, мать кликнетъ: *«а ну́те, діти, вечерлять!»* такъ вздрогнешь, будто тебя *дідько* за ногу потянулъ: голосу родной матери испугаешься!

»Ну́, такъ вотъ-какъ мой прадѣдъ разсказывалъ намъ про *чудасію*, которая на этомъ мѣстѣ случилась.

— Давно, очень давно, еще когда ляхи съ козаками жили какъ братъ съ братомъ, когда все у нихъ было недѣленое — и горе, и радость, и корысть, — тогда наше мѣстечко было еще небольшимъ селомъ; кругомъ его былъ окопъ съ валомъ, а на валу стояла пушка.

На самомъ выѣздѣ изъ села, у рѣчки, стояла убогая хатка одного бѣднаго козака, который промышлялъ рыболовствомъ. У него была жена и дочь Стеха, первая красавица во всемъ селѣ, такая, какъ говорится, что и во снѣ не увидать. Высокая, стройная, какъ *очеретника*, лицомъ бѣлая, чернобровая, а глаза каріе да ясные *якъ зіркіи*. Бывало, кто ее ни увидитъ, такъ къ землѣ и приростетъ, — очей отъ нея не отведетъ, — себя забудетъ.

Стехъ пошелъ уже восемнадцатый годъ, а она все еще была точно малое дитя, — такая тихая, боязливая; не только на *вечорици* и на *досвітки* не ходила, да и по праздникамъ рѣдко съ подружками играла; все сидѣла дома, съ матерью. А когда, бывало, какой-нибудь паробокъ кинетъ на нее окомъ, такъ она потупится и покраснѣетъ, словно маковка. Видите ли, очень была стыдлива, ужъ такъ стыдлива, что когда въ воскресенье надѣваетъ чистую сорочку, такъ отъ родной матери прячется; а когда мажетъ

хату, то хоть п сорочку заачкаеть, а не подоткнется. Лѣтомъ, какой бы зной ни былъ никогда не ходила купаться, съ дѣвчатами, а купалась одна-однѣхонька въ полночь, когда всѣ люди въ селѣ спали. Бывало, мать начнетъ ей выговаривать: *здурна*, чего ты боишься, чего стыдишься? а она молчитъ да по своему дѣлаетъ.

И въ селѣ забыли бы, что есть на свѣтѣ Стеха, если бы иногда, въ поздній вечеръ, заунывная ея пѣсня не разносилась по всей околицѣ; а голосъ у нея такой былъ, что и рассказать нельзя!.. Кто бы ни слышалъ ея пѣсню — *ударить и миломъ объ землю*, и духъ притаптъ: слушаетъ и не наслушается. Случалось, что байдакъ плыветъ себѣ спокойно по-серединѣ Днѣпра; вдругъ лоцманъ слышитъ пѣсню Стехи, повернетъ къ берегу, плыветъ, плыветъ, плыветъ и не опомнитъ, какъ наткнется на мель. А она, сердечная, и не знаетъ, что такъ заслушиваются ея, а еслибы знала, то и замолкла бы, какъ испуганный *соловейко*. Такая-то была Стеха!

На этомъ самомъ мѣстѣ она купалась (козакъ указалъ на мысъ). Въ то время здѣсь было плесо, а кругомъ дремучій лѣсъ. Не боялась приходить она и въ темную ночь, лишь бы только никто ея не видалъ; а того и не знала, что на этотъ камень, на которомъ мы теперь сидимъ, выползалъ подводный царь-*синько водный* (какъ старые люди называютъ) и грѣлся на мѣсяцѣ.

Разъ, когда онъ выползъ изъ своего *кристаллагого палаца* и распластался на этомъ камнѣ, приближала Стеха купаться. Смѣло сняла она сорочку, вышла изъ кустовъ и остановилась около самого плеса. Полный мѣсяцъ такъ и окатилъ свѣтомъ ея бѣло тѣло; стоитъ Стеха, какъ выпитая изъ чистаго серебра, — только коса, чернѣе *грайворона*, колышется ажъ у самого колѣна. Стоитъ Стѣха, то ножкой играетъ съ волною, то ручки протянетъ надъ водою, будто поплыть хочетъ, или сложить на груди, будто сама собой любитъ; а *дидуанъ* смотреть, смотреть, совсѣмъ прилипъ къ камню и духъ притаптъ, только жабрами водить, какъ сомъ. Много у него русалокъ, красивыхъ лицомъ и станомъ, а такой, какъ Стеха, не бывало! Постоявъ немного, Стеха окунулась, но не пошла въ глубь — боялась, а только играла и плескалась возлѣ берега, чуть не подъ самымъ носомъ *дидуана*: то окунется, то вытянется по-верхъ воды, то покатится по бѣлому песочку. Выкупавшись, Стеха вернулась домой и давно ужъ

заснула, а подводный царь все еще не могъ опомниться: лежалъ, сохѣлъ и все придумывалъ — какъ бы причаровать къ себѣ дѣвчину и завербовать ее въ русалки. Извѣстно, что если такая *погань* что затѣетъ, то рѣдко не поставитъ на своемъ. Вотъ подводный *дѣдуанъ* и сталъ наводить чары на бѣдную Стеху. Въ явѣ онъ не показывался ей на глаза, а все являлся во снѣ, рассказывалъ ей о своихъ богатствахъ, о хрустальныхъ палацахъ, и во всемъ старался угодить ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ она купалась, наносилъ на дно чистаго песку, убралъ камышки. Бывало, когда отецъ ея поѣдетъ ловить рыбу одинъ, то развѣ только лягушку вытянетъ, а какъ возьметъ съ собою, на-счастье, дочку, то *дѣдуанъ* нагонитъ ему въ неводъ цѣлый возъ рыбы на отборъ. Станетъ Стеха купаться, *дѣдуанъ* перекинется волною, мостъ ее, носить на себѣ, а она думаетъ, что сама плаваешь, — не стала бояться и глубины; а подводный *дѣдыко* всё ее дальше и дальше заводитъ. Да не того ему хотѣлось; ему надо было не утопить ее, а чтобъ она сама сгубила свою душу: вотъ тогда бъ только она стала русалкою.

Разъ, когда Стеха купалась, не снявъ съ шеи монета, *дѣдуанъ* и отцѣпилъ его. Жаль ей стало монета: она и ну нырять, все ощупью ищетъ да ищетъ по дну, и нашла — вытащила; смотритъ: не ея монета: не красное, а бѣлое, — крупное, какъ вишня и такъ сіяетъ, какъ радуга. Увидѣла мать и спрашиваетъ: «гдѣ ты, *доню*, взяла это монето?» а Стеха смѣется: «мнѣ» говоритъ. «подводный царь подарилъ.» И рассказала матери, какъ нашла его. «Хорошее», говоритъ мать, «да жаль твоего, что еще отъ прабабы досталось.

Не хитрый же былъ и подводный *дѣдуанъ*! Не прошло недѣли, какъ въ наше село пришла команда *жовніровъ*: привелъ ее красивый и статный Ляхъ, панъ ротмистръ, еще молодой, — только-что усь пробился. На встрѣчу жовнірамъ высыпалъ изъ села народъ, дитвора, а больше всего *жонки и дѣвчата*; какъ-то туда замѣшалась и Стеха съ матерью. Какъ завидѣлъ ее панъ ротмистръ, заразъ повернулъ коня и подѣхалъ къ ней. Такъ у него глаза и разбѣжались: не знаетъ, на что смотрѣть: монето хорошее, а дѣвчина еще краше: «гдѣ ты достала, *моя кралячко*, такое пречудное монето?» спрашиваетъ панъ ротмистръ; а мать отвѣчаетъ смѣясь: «подводный царь ей подарилъ.» — «Продай мнѣ, дѣв-

чинок, говоритъ панъ ротмистръ: «сколько захочешь, столько и заплачу тебя!» А Стеха покраснѣла, потупилась и взглянуть не смѣетъ. «Что пожалуете, вельможный панес, отвѣтила за нее мать, «тѣмъ и будемъ довольны.» Вотъ панъ ротмистръ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ дукатами и подалъ его Стехѣ, а мать отцѣпила монисто и отдала его пану ротмистру. Тутъ Стеха, нехотя, подняла глаза, и какъ увидѣла молодаго ротмистра, такъ у ней и ёкнуло сердце, и вся кровь заиграла и загорѣлась. Сердце у дивчины, на-порѣ, отъ молодецкаго взгляда, какъ зерно на нивѣ послѣ теплаго дождика, наполнится и проростетъ.

Того только и хотѣлъ подводный *diduianъ*, чтобъ Стеха *закохалась*.

Сильно обрадовались дукатамъ Стехны батько и матеръ; построили себѣ новую хату, большую, на двѣ половинны, одну — для себя, другую для будущаго зятя; батько накупилъ такихъ неводошь, что за четверть Днѣпра хватаютъ, а дочку одѣлъ не хуже какой-нибудь *сотниківны*. Да не до того теперь Стехѣ. Смутно было у ней на умѣ, тяжело на сердцѣ; затихла пташка, голоска не подастъ, и не узнать ея: не прячется болѣе въ густыя черешни, а все, знай, возлѣ плетня снуетъ да высматриваетъ. И панъ ротмистръ, изъ веселаго, такой сталъ задумчивый, и куды бъ ни пошелъ, такъ его и притянетъ къ Стехиному садочку. А она только завидитъ пана ротмистра, — и притаится за плетнемъ, и смотритъ на него, смотритъ, а сердечко токъ-токъ-токъ, какъ у перепелочки, когда завидитъ ястреба. Зорокъ былъ и панъ ротмистръ, не долго пряталась отъ него Стеха. Сначала заговорили они межъ собой черезъ плетень, а тамъ панъ ротмистръ перелѣзъ и въ садочокъ, и за бѣлыя руки взялъ, и къ сердцу приглубилъ... Опять запѣла наша пташка и ужъ не нашу пѣсню, а веселую, лядскую, да только не долго, бѣдняжка, пѣла: поднялась война съ туркомъ и пану ротмистру пришло приказъ, чтобъ онъ отправился съ своими жовнирами по дорогѣ въ Туреччину.

Горько было разставанье Стехи съ паномъ ротмистромъ, да что дѣлать: война съ *бузувіромъ*, такъ тутъ не до любви. Прощаясь, панъ ротмистръ надѣлъ Стехѣ на палець драгоценный перстень и поклялся, что когда вернется благополучно съ войны, то непременно на ней женится.

Тоскуеть Стеха въ разлукѣ съ милымъ, задумывается, а порою вспомнить свое счастье и развеселится. И почудится ей, что панъ ротмистръ уже вернулся съ войны, и любить её больше прежняго; — она ужъ больше не прячется съ нимъ въ садочку да по лѣснымъ затишьямъ, а живетъ вмѣстѣ, по закону, сидитъ въ палацѣ обнявшись и ножкой колышетъ колыску съ сыномъ. Да не такъ на свѣтѣ дѣлается, какъ думается! Подводный *dîdugânъ* не дремалъ: только-что панъ ротмистръ выступилъ въ походъ съ *жовнірами*, онъ такъ и кинулся подземнымъ *жерѣлами* къ рѣкѣ Дунаю, и сторожитъ его тамъ.

Въ старину не умѣли, какъ теперь, наводить мосты черезъ такія широкія рѣки, какъ нашъ Днѣпръ или Дунай; пѣшее войско переправлялось на дубахъ, а конница впасть. Вотъ, когда пришелъ къ берегу съ своими жовнірами панъ ротмистръ, то, не долго думавши, и поплылъ черезъ Дунай. Только добрался до быстрины, а *дідуганъ* цапъ его за ногу, да и затасовалъ на самое дно. На войнѣ чего не случается? не велика бѣда, что утонулъ: однимъ только меньше. Такъ думаютъ люди, а того не знаютъ, что для родной матери, или коханки, въ немъ одномъ поггло все на свѣтѣ!...

Когда вѣсть о смерти пана ротмистра дошла до Стехи, она, бѣдная, словно *збожеволіла* (1). По нѣскольку дней сряду, бродила по лѣсамъ, какъ дикая кошка; не на долго навѣдается въ хату и опять безъ вѣсти пропадетъ. Чтò ни дѣлалъ отецъ и мать — ничтò не помогало; какъ ее ни допрашивалъ, молчитъ и не жалуется на свою долю. Случалось людямъ встрѣчать Стеху въ лѣсу, такъ едва могли признать ее — такъ извелась. Глаза такіе жъ каріе, ясные, да такъ страшно смотрятъ, что морозъ подираетъ по кожѣ; коса разметалась, сама она блѣдная, какъ полотно, сорочка въ лохмотьяхъ. Вотъ такъ-то, сердечная, билась она съ своимъ горемъ, билась, — и какъ выплакала всѣ свои слѣзы — свѣтъ ей опротивѣлъ. Разъ, на Ивана-Купала, пришла она на этотъ камень, постояла-постояла, понуривши голову, а потомъ подняла руки, вскрикнула — и бухъ въ воду. Подводный *dîdugânъ* уже ждалъ ее, сидя тутъ подъ кручей. Только что она...»

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ зашумѣла и зако-

(1) Помѣшалась.

лыхалась вода, и въ ту жь минуту на поверхности показались голова и бѣлыя плечи плывущей женщины.

— Здравствуй, дядьку!—закричала русалка, сплеснувъ руками.

Внезапность испугала насъ обоихъ, въ особенности козакъ.

»Святъ, святъ!« пробормоталъ онъ, быстро вскакивая на ноги и устремляя на русалку взглядъ полный ужаса.... »Стеха, Стеха!« Закричалъ онъ, растопыря руки: »чтобъ тебя дѣдко ухватилъ!... Тѣфу, до смерти перепугала!..«

— Стеха?! спросилъ я.

»Стеха!« отвѣчалъ козакъ, успокоиваясь: »да только не та, а живая! чтобъ ее... *нехай здорова буде!* Да ловко же подкралась: шутка ли ажъ вонъ откуда вынырнула. Вѣдь она у насъ ныряетъ какъ норець, какъ вѣдьма какая держится на водѣ и не тонетъ!«

Стеха залпвалась звонкимъ хохотомъ и, желая выказать свое искусство, плавала легко и красиво, то взмахивая руками, кружась и ныряя, то спокойно лёжа и чуть колеблясь на поверхности воды.

»Ну, эта«, замѣтилъ я, »не боится, чтобъ ее не сглазили!«

— Дура,—пробормоталъ козакъ, ухмыляясь:—она думаетъ, что коли съ низкаго берега не разглядишь человѣка въ водѣ, такъ тоже и съ высокаго: дура, на вѣки дура!—говорилъ онъ, щурясь и не сводя глазъ съ прельщавшей его Стехи.

»*Дівчина чи молодійця?*«

— *Молодійця*.... Еще не давно замужемъ... Славная, нечего сказать, *дѣдко* ея не взялъ. Посмотрите, словно выточенная, а бѣла, бѣла какъ молоко.

Козакъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ; да и нельзя было не залюбоваться Стехой. Къ красотѣ мѣстоположенія только и не доставало русалки; внезапное появленіе Стехи какъ-будто осуществило фантастическій разсказъ козакъ.

Не долго забавляла насъ Стеха. »Прощайте!« вскрикнула она, погружаясь; бѣловатая полоса проскользнула за окраину мыса и пэчезла.

— *Бисова молодійця*... чтобъ ее... говорилъ козакъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ потухшей трубкѣ:—чортъ знаетъ какъ было, испугала!

»Да за тó и потѣшила!« замѣтилъ я.

— Нѣчего сказать, потѣшила!.. — Козакъ захохоталъ и закрутилъ головою.

Солнце зашло; наступали сумерки; даль потемнѣла; поверхность Днѣпра приняла цвѣтъ полпрованной стали. Барки, байдаки и плоты причалили къ берегу на отдыхъ. Огоньки засверкали и спневатый дымъ, словно прозрачная пелена, разстился надъ берегомъ. Украинскія мелодіи сливались съ великороссійскими и бѣлорусскими пѣснями; дребезжала сопѣлка; вдали щелкали перепела, трещали коростели, гудѣлъ бугай⁽¹⁾, а возлѣ насъ свистали пастушкіи⁽²⁾, ворковали горлицы и еще громче заливались соловьи.

Козакъ сосалъ трубку и, подперши ладонью подбородокъ, весь погрузился въ свою думу.

»Ну, козаче, досказывай«, заговорилъ я, дергая его за рукавъ: »уже вечерѣеть.«

— Да! — пробормоталъ козакъ, потирая лобъ: — на чемъ-бишь я остановился?..

»Ну, вотъ какъ кинулась въ воду Стеха, подводный царь схватилъ ее, перекинулъ въ русалку и помчалъ въ свой палацъ. И палацъ же былъ на удивленіе! стѣны, потолоки, крыша, все изъ чистаго стекла, столы, лавки, скамейки изъ самоцвѣтныхъ камней, а полъ посыпанъ мелкимъ, какъ макъ, жемчугомъ.

Когда увидѣли дѣдовы русалки Стеху, то словно тертаго хрѣну понюхали. Живьемъ бы ее съѣли: (вѣдь бабы презавистливы, гдѣ бы ни были, на землѣ или подъ водой, всѣ на одинъ ладъ): только не ихъ воля, не ихъ и сила: ничего не сдѣлаютъ. *Силько-водной* прогналъ отъ себя всѣхъ русалокъ и зажилъ съ одной Стехой. Разсердились русалки, стали межъ собой совѣтоваться, какъ бы имъ сбыть Стеху... Была между ними одна русалка, хитрая-прехитрая. ехидная, какъ змѣя подколотная, а умѣла прикидываться такой добренькой, какъ говорится *даниельскій голосокъ, а чортова думка*.« Еще при жизни она была вѣдьмой, изъ нашего таки села, да разъ попрятала дожди, а тутъ, ей на бѣду, нашелся такой знахарь, и утопилъ ее проклятую; она и попала къ подводному дѣдугану въ русалки. Да, хоть она была и русалка, а *вѣдѣмства* своего все-таки не забывала; вотъ она и взялась спровадить

(1) Выпь. Болотная птица. Ее называютъ бугаемъ потому, что крикъ ея напоминаетъ ревъ бугая (быка).

(2) Маленькая птичка.

Стеху... Заразь подобрилась къ *дідугану* и вприсилась къ Стехѣ работницею: такая услужливая, угодливая, все Стехѣ рассказываетъ про ея отца и мать, какъ они за нею убиваются да плачуть; а Стеха слушаетъ и все больше мучится и тоскуеть. Дідуганъ чего не дѣлалъ! Чтобы развеселить Стеху, затѣетъ подводныя игрыща: раки осѣдлаютъ осетровъ и бѣгаютъ въ запуски, какъ люди на скакувахъ; черепахи, какъ собаченки, на двухъ лапкахъ танцуютъ; а иногда разберутъ на своры щукъ и сомовъ, будто борзыхъ, и поѣдутъ на охоту, травить рыбу, какъ мы зайцовъ... Ужъ и не помню всего, что прадѣтъ рассказывалъ: бывало, какъ начнетъ выдумывать да своего додавать, то слушаешь, слушаешь и отъ смѣха ажъ за животы берешься. Ну, такъ, говорю, что ни дѣлалъ дідуганъ, чего не придумывалъ, никакъ не могъ развеселить Стехи; все сидитъ себѣ понуривши голову, и не усмѣхнется.

Вотъ русалка и стала ее спрашивать: не хочетъ ли побывать у своего батька и матери? »Хочу, сестричко«, говоритъ Стеха, »хоть-бы мнѣ взглянуть на нихъ!« — »И увидишь«, говоритъ русалка, »и услышишь ихъ голосъ, и будетъ тебя мать въ рукахъ держать: только слушайся меня и дѣлай все, что я ни скажу.« — »Что хочешь«, говоритъ Стеха, »то со мною и дѣлай.«

Разъ, когда подводный дідуганъ, отправился осматривать свое подводное царство, вѣдьма-русалка обернула Стеху въ *плиточку* (плотву) и пустила ее въ *ятеръ* ея батька. Подъ вечеръ пришелъ батько. Увидѣвъ, что въ ятерѣ всего одна рыбка, не хотѣлъ было брать, а потомъ подумалъ, что ихъ теперь только двое, — не много имъ нужно; взялъ дочку, положилъ въ мѣшочекъ и принесъ домой. Боже милостивый, какъ Стеха обрадовалась, увидѣвши *родину*, кровныхъ: ажъ затрепеталась! А они-то, горемычные, отъ тоски и печали такъ извелись, что узнать трудно: у *отца* чубъ побѣлѣлъ, а у матери глаза покраснѣли и запухли отъ слезъ. Взяла мать ножъ и ну оскребать чешую: и что же? Стехѣ такъ хорошо, такъ любо въ рукахъ матуши родненькой, ажъ спинку выгибаетъ отъ радости. Выпотрошила мать *плиточку* и въ горшокъ съ кипяткомъ бросила, а Стехѣ все также хорошо, и огонь, разведенный матусею не жжетъ ея. Когда плиточка сварилась, мать вынула ее изъ горшка, положила на кленовую тарелочку и поставила на столъ. Съли старики вечерять, да їда нейдетъ имъ на умъ. Сидѣли, сидѣли и вспоминали о своей несча-

стливой Стехѣ: »спротивила насъ«, говоритъ батько, »нѣкому болѣе радовать и утѣшать насъ!« а мать также вехлпываетъ, да прирекаетъ: »кто за нами старыми да немощными присмотритъ! кто закроетъ намъ очи, кто насъ оплачетъ когда умремъ, и помолится за насъ грѣшныхъ?« Не увидимъ ея ни въ сей жизни, говоритъ батько, »ни въ будущей: сгубила она душу свою!.. Боже милостивый!« заголосили старики, »помилуй ея грѣшную, неразумную, несчастливую!..« сдѣять да молятся, а слёзы капають на тарелочку и обмываютъ плиточку, а душа Стехи, какъ отъ *живущей и спящей воды*, оживаетъ, оживаетъ; теплая молитва дошла до Господа... милосердный Богъ помиловалъ грѣшную!.. Очнулись старики, видятъ—нѣтъ болѣе на тарелочкѣ плиточки, а лежатъ голубенькіе цвѣточки; не успѣли опомниться отъ одного чуда, какъ имъ слышался милый и знакомый голосъ, голосъ Стехи!

»Наша Стѣха!« закричали старики, всплеснувши руками, и опрометью выбѣжали изъ хаты. Обѣжали кругомъ, приглядываются: никого нѣтъ; ночь темная, ни звѣздки, — только холодный осенній вѣтеръ завываетъ, свѣвая съ деревьевъ сухое листья. Тутъ они спознали, что Богъ услышалъ ихъ молитву; вошли въ хату и легли спать. Когда мать заснула, Стеха явилась къ ней во снѣ, вся въ цвѣтахъ, такая веселая, румяная, какою она была до прихода пана ротмистра. И рассказала она матери всё, что я вамъ сказалъ, какъ дѣдуганъ ее сгубилъ, какъ вѣдьма оборотила ее въ плиточку и какъ молитва батька и матуси *вызвонила* грѣшную ея душу.

Тѣмъ временемъ подводный дѣдуганъ возвратился въ свой хрустальный палацъ; смотритъ—нѣтъ Стехи; какъ пронюхалъ, что съ нею случилось, то и рассказать нельзя какъ разлутовался. Сейчас собралъ съ половины свѣта тучи, изъ подземельныхъ жерлъ выпустилъ вѣтры, со всѣхъ рѣкъ стянулъ воду. Загремѣла буря, какой отъ созданія міра еще никто не видѣлъ, полилъ дождь какъ изъ ведра и Днѣпръ надулъ свою гриву и расколыхался, какъ весной въ полную воду, и ревѣлъ и стоналъ, сердечный. Трое сутокъ лилъ дождь, дули вѣтры, ажъ земля колесбалась и была такая темень, какъ ночью. Дѣдуганъ, должно быть, хотѣлъ перевернуть всю гору съ нашимъ селомъ, да ничего не доказалъ. Подмылъ только въ этомъ мѣстѣ и свалилъ порядочный кряжъ въ Днѣпръ. Но что ни дѣлалъ, какъ ни бѣсплся, а Стеху все таки нужно было вернуть; вотъ онъ и

выбросилъ ея трупъ, вотъ на эту горку. Козакъ указалъ въ лѣво на небольшое возвышеніе.

Когда все *утихомирилось*, народъ сбѣжался сюда, посмотрѣть на проказы подводнаго дідугана и увидѣлъ трупъ Стехи. Сказали объ этомъ ея батьку и матери; прибѣжали старпки, плакали, убивались и похоронили. Попъ отказался было отпѣвать самоубійцу, но мать рассказала ему какъ Богъ помиловалъ Стеху, и батюшка сотворилъ надъ нею христіанское погребеніе.»

— Гдѣ она погребена?

»На той же горкѣ, на которую ее выбросилъ дідуганъ. Недалеко отсюда, мы будемъ проходить около самой могилы, я вамъ ее покажу.«

Полная луна подпалась надъ горизонтомъ и пабросила сребристый покровъ на окрестности. Днѣпръ, мѣстами, казался бездонной пропастью, въ глубинѣ которой яркія звѣзды сверкали, какъ алмазы на черномъ бархатѣ; мѣстами—отливался, блестя сребристой чешуей. Прибрежные огоньки разгорѣлись и отсвѣчивались въ пучинѣ, огненной колонадой. Ночь была теплая, тихая; ни одно деревцо не колыхалось, ни одинъ листочикъ не шевеллся.

Козакъ всталъ, и я за нимъ. Пройдя въ гору около сорока шаговъ, онъ остановился возлѣ довольно высокаго креста.

»Вотъ вамъ и Стехина могила, «—сказалъ онъ, снимая шапку и крестясь.

Не замѣтно было и признаковъ возвышенія; поверхность земли была совершенно ровная и покрыта мелкой травой. Одинъ только крестъ указывалъ мѣсто Стехиной могилы.

»Навѣрное Богъ ее помиловалъ«, важно продолжалъ козакъ, »когда и люди ее простили!.. Никто не помянетъ Стеху лихомъ; рѣдкій пзъ жптелей нашего мѣстечка, молившись за упокой душъ своихъ родичей, не помянетъ и Стехи. Какъ истлѣетъ и повалится крестъ на ея могилѣ, найдется добрая душа и поставитъ новый. Кто ни пройдетъ мимо ея могилы, всякій вспомянетъ несчастную и помолится. Старикъ проситъ Бога, чтобы не наказалъ тѣмъ же лихомъ и его дѣтей, дѣвчина, чтобы не послалъ и ей такой же доли. Кажется, пока свѣтъ стоить, не забудутъ Стехи, будетъ стоять крестъ на ея могилѣ, а урочище это называться *Стехинъ-Рѣй*. На Ивана Купала собираются сюда дивчата и парубки, раскладываютъ костры дровъ, веселятся и прыгаютъ черезъ огонь.

Въ этотъ день усыпають моголу Стехи цвѣтами, а на крестъ вѣшаютъ вѣнки изъ барвинка и васильковъ. Дивчата даже думаютъ, что стыдливая Стеха для нихъ и купальню такую устроила, что ни съ которой стороны не видно ихъ, когда онѣ купаются.»

Возвращаясь въ мѣстечко, козакъ не умолкалъ; между прочимъ далъ мнѣ замѣтить, что онъ не изъ простыхъ.

»Вѣдь и я тоже«, говорилъ онъ, »почти военный: и дѣды и прадѣды мои воевали съ басурманомъ, и сынъ у меня также на службѣ. И еще гдѣ! Въ *Петенбургль*, въ гвардіи!...

— Въ которомъ полку?

»Въ самой кавальгардіи!«

»Давно?

»Шестой годъ. Пишетъ, — хвалится, что ему тамъ хорошо, только жалуется, что въ казармахъ лѣтомъ душно, а зимой холодно, и по вареникахъ скучаетъ.

Проходя улпцей, онъ остановился возлѣ дома, покрытаго тесомъ, о пяти окнахъ, съ затѣпливыми воротами, шинкомъ и сараями, все изъ хорошаго рубленого лѣса.

»Вотъ и моя хата«, сказалъ онъ, снимая шапку и низко кланясь: »прощайте, *на добра-нічь*.«

— Прощай, козаче, — отвѣчалъ я, пожимая его руку: — прощай, спасибо тебѣ за Стеху.

»Да, не забывайте нашей Стехи и не вспоминайте лихомъ и Марка Порохню. Прощайте!«

Ал. Стороженко.

ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ Н. В. ГОГОЛЯ

ДЛЯ

ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ.

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

До сихъ поръ мы знали только по слухамъ, что Гоголь писалъ драму изъ исторіи Украины, но не находили никакихъ слѣдовъ этого литературнаго труда. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ »Воспомнаніяхъ« своихъ, сообщенныхъ мнѣ для *Записокъ о Жизни Гоголя* (т. I, стр. 252) пишетъ: »Въ 1839 году Гоголь говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. *Мертвыхъ Душъ*, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ,—что это его давнишнее любимое дитя,— что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его пропзведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.«

Въ то же самое время и для той же работы, О. В. сообщилъ мнѣ другой фактъ, относящійся, надобно думать, къ той же драмѣ (см. тамъ же, стр. 330): ».... На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ *Мертвыхъ Душахъ*, Жуковский отвѣчалъ мнѣ: »Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось.« — »А когда спать

захотѣлось, тогда можно и сжечь ее», отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ ее въ каминъ. Я говорю: »И хорошо, братъ, сдѣлалъ.«

Еще мы знаемъ, что Гоголь, въ первый свой прїѣздъ въ Москву, говорилъ о какой-то драмѣ М. С. Щепкину: »Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу.« Михайло Семеновичъ имѣлъ неосторожность спросить объ этой драмѣ у Гоголя при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шешуль г. Щепкину: »Болтунъ, ничего больше не скажу!«

Вотъ все, что было извѣстно намъ до сихъ поръ о драмѣ Гоголя. Ни С. П. Шевыревъ, пересматривавшій бумаги Гоголя вскорѣ послѣ его смерти, ни племянникъ великаго писателя, П. П. Трушковскій, не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ*, остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его исчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни, я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я попалъ наконецъ на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: *Какъ должно создать эту драму*. Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя, до сихъ поръ, я не зналъ куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостоверяющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: »J. Whatman Turkey Mill 1838«.

Пользуясь драгоценной для меня довѣренностію почтенной матери великаго нашего поэта, я приношу, отъ ея имени, этотъ малый, но безцѣнный, въ своемъ родѣ, даръ новому украинскому журналу, какъ замогильное напутствіе писателя, которымъ наша родина по справедливости гордится.

П. Кулишъ.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебрянное сіяніе, и въ роскошное дыханіе юга.

Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска.

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удаливших(ся) вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ козацкимъ и всѣмъ раздольемъ волн.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый законизмъ воли и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ, порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные, несмагченныя пороки, и въ самоотверженіе неслыханнос и дикое, не-человѣческое великодушіе.

И въ безопасность забубенныхъ вѣковъ.

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты глядишь на своего любимца (1) и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ, и такъ же ли, по-прежнему, ли смѣется мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! такіе ли звуки, такіе свуются и дрожатъ въ тебѣ, которые мнѣ одному ты давалъ слышать (2) въ то время, когда... передъ окномъ, на груди рубашка раздернута, и грудь и шея моя тебѣ (3) на стрѣчу, а божественный (4) чудесный освѣжительный (5), утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ рай(скій) небес(ый) вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ исполненнымъ молод(ости), холодомъ, вѣтеръ урывками обнимаетъ меня и обхватываетъ своими объятіями и убог(аетъ) и вновь возвращается обнимать меня, а черныя... массы лѣсу, нагнувшись издали глядя... стоялъ торжеств(енн)о несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! какъ загорѣлось все, какъ вспых-

(1) *Сверху, другими чернилами, написано:* не измѣнившася ни годами, ни (у)тратами.

(2) *Курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами, а надъ ними сверху написано:* Я клянусь, я слышалъ эти звуки; я слышалъ ихъ одинъ.

(3) *Это и слѣдующія курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами. Надъ слѣдующимъ затѣмъ словомъ начинается приписка другими чернилами:* ночному, освѣжительному ночному вѣтру, какой...

(4) *Другими чернилами сверху:* какой.

(5) *Друг. черн. сс:* и оживляющій.

нуло (¹)! А мѣсяць, мѣсяць... *О мѣсяць!* Боже, *Боже, Боже!* — Отдайте, возвратите мнѣ мою молодую крѣпость. Еще... меня, меня свѣжаго — того, который былъ (²). О, не возвратимо все, что ни есть на свѣтѣ.

Отвѣчасть срани. иносказательно. Правда, случается, что вошь падалъ, пздыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать... но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи.

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, пменно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ, — о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая снаровка бунтовать такъ, чтобы не побунтовать не можетъ проклятой народъ; такъ вотъ у него рука чешется, дармоѣдитъ да повѣсничаетъ, по шинкамъ да по улицамъ.

Разсказываютъ про клады и сокровища Запорожцевъ. Уйду на Запорожье: здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ.

Монахамъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

Демьянъ превращается въ кашевара. Самко въ...

мужики.

Разговоръ между мужик(ами). Вздорожало, все дорого... Ей Богу, не длиннѣе вотъ этого польце 20 четверниковъ... 4 пары цыплятъ къ Духову дню, да къ Пасхѣ пару гусей, да съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола.

РЫЦАРСКІЕ.

Не поединки, а раздѣлываются драками, набравши съ собою сколько можно больше слугъ и, выѣхавши на поле, нападаютъ на своихъ противниковъ.

(¹) *Друг. черн:* У, какой громъ!...

(²) *Что слѣдуетъ далье, приписано другими черкилами.*

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, — что нужно склонить полковниковъ на радѣ... и вынуждаютъ... и сказать. Какимъ же образомъ...

Сказавши монологъ, долго кричатъ. Выходить. Мать. Дочь. У тебя болитъ голова. и прочее.

Нѣтъ, не голова болитъ: я вся. Болятъ мои руки, болятъ мои (ноги), болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ... Матушка, матуся! дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята твоя злодѣй... и проклять родъ твой, и прокляты тѣ всѣ, что... Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ свяченой водѣ не купала... въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проклятая гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. Бѣгите и спасайте женъ и бабъ. Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ, въ этомъ положеніи находятъ. Укладываются. Старушка плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

Внутри рветъ меня, все немилѣ мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что вокругъ меня.

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ мерещится прежнее счастье и благо(денствіе), которое могло... Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями... и строгое покрѣненіе судьбѣ. Обѣтъ, и какъ будетъ молиться, какъ припадетъ къ иконѣ и все буду плакать. И ничто, никакой пищи бѣдному сердцу и не радуюсь никакимъ воспоминаніемъ.

И вдругъ. Здѣсь встрѣча съ соперницей въ унижительномъ состояніи, и все всныхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Жестокіе упреки и злобная радость. Бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Н. Гоголь.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ ПАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложились быть Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единое государство, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностію. Это начало федерации не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насильственнымъ силовымъ вліяніемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разные стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скорого образованія изъ себя единого государства; племена, населявшія ее, были слишкомъ разнообразны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залогъ долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одинъ Славяне —

старые, другие — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя прешаствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными приемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопрішлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи пяху: не хозаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкываху уводя дѣвicia.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты нравовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику, и възложяхуть и на кладу мертвенца и сожжаху, а посемъ собравши кости, вложяху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»раше сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показывается ихъ названіе, уже тиготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ иѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грекъ Великан Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не исчезали ни послѣ укорененія единого княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычан свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что иѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали исчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовало на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и труднѣйшыя. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныхъ, или враждебныхъ, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Польщюка, потомка Древлянъ и наследника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Польщюкъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдѣлется, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была странною волхвованій при Весславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные отгѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобоприемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые рассказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчій, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ж* вмѣсто *ц*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лашшевиками за то, что они постоянно ѣдятъ лашшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣпливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. «Что городъ, то норовъ», говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемая историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но раздражались кровавыми столкновениями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но попадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе — Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развитію правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различныя интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готтовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами поработенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться пренятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбллись на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеземцами безъ взаимной связи съ однородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи испровергнуть тяготящее начало, чтобы такимъ образомъ эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверо-западѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славяны на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазарь была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очешь, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ рассказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтописъ, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то неммыслимо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что дають дань Русскому государю, сознають, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ пращѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, непод-

павшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своеобычности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дать эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постоянного управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ коленъ обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; оставаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволь, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстаті пришлось вражда Полянъ съ Древянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя неприязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся челоѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ — Вятчей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣ другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятчами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ — избраіе, добровольный призывъ, здѣсь — завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазарь, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень примачиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской природы, скоро и легко ослабѣли и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянѣмъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевского князя. Мало по малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлага Кіевского Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикава Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикава Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все такн чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда прїѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но возрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особыя князья. Хотя они происходили изъ того же единого рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не прїѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней неспріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единого рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выливаться наружу слегка — подавленные стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Величанъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сблженія. Народныя интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчинили своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ, — потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто сирова-

длин ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣ видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнью, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всё вмѣстѣ составляли одну грушу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне—пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залогъ собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и вполнѣ достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользящихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнью, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самостоятельности по извѣстнымъ намъ дѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣдніе и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнуть препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облакались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по родамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говоритъ лѣтописецъ: *что старыише здумаютъ, на томъ пригороды стануть*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новгорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

влению, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда понущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половинны: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другіхъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, по народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древлянскій — Полѣсье, народность Полѣщуконъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означалась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей — Подоль — приняла образъ самобытности въ системѣ княжений бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ большому, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной правящей связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Вельняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянъ и Вельнянъ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Вельняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегалъ нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волявцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волинь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ, и съ Полѣсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волини, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южною Русью, признавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссін, земли Кривеской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолію), Полѣсье, Волинь, Червоная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознание своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волинь, и Подоль, и Русь Червою, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленные части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣвской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

- 1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.
- 2) Единый княжескій родъ.
- 3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай» между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ великорусскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ заветныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древляниномъ, но помнить, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвью Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и правахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣснн, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и одинаго. Въ приѣмъ и способъ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: «о Мар-

къ Краевичѣ» встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зны, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о «Левенчикѣ». Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія «кровосмѣсителя»; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ мифологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ куклушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторія похищеній божества, преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Кунальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что, въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссійскими обрядами въ сочельникѣ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной мифологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

ологическія имена, теперь уже пчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, наиримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является мпоологическимъ именованіемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ «Любушиномъ Судѣ» описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечъ и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, — невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно—мечъ, а другое—свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, пчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *въче*, народное собраніе. Самое выраженіе *въче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоценнаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили за вѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *въча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещающихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на городъ и пригороды, завистлившіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ; должны были поддерживать сознание единства племени Русско-Славянскаго.

Несмотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сродства, сколько нужно было; чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознания о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакоилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознания единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великорусскій-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознание это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татаринимъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Неченѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сродства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознание, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменные народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связи между собственно Русско-Славянскими нарѣчійми, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ переменю *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *правъ* — *поровъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень*, *одинъ*, вмѣсто *елень*, *единъ*; окончания на *тъ* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народа видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Естественнo, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волянцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу; и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волянью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живу-

цаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древліанамъ и Волинцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древліанами и Волинцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятчей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятчанами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древліанами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятчанами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятчей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятчи Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большому или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впоследствии. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшешаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчійяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составилъ позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали исконы прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Руси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣсь? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. Въмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развитіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля, — система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь, — и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣвцы; гдѣ Дулебы и Величане — тамъ Воляны, — тамъ была система волостей Волянской земли; гдѣ Хорваты — тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Воляны образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Воляны особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волянь, — такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волянью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отъѣны, чтобы между ними потерялась связь единоплеменности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодействующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отъѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

по сравненію съ другими такими же групами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе соседнихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, внослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употреблены насильственные мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевою является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: *и* вмѣсто *ь*, *и* и *и* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е*—Йому, Його вм. ему, его; *у* вмѣсто *в*, *н* вмѣсто *д*, отбрасываніе *и* въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. *свои.и́а*—свома́), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. *намастиръ* вм. монастырь), сохраненіе *о*, измѣненнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *а*, отбрасываніе *тѣ* въ третьемъ лицѣ настоящаго глаголовъ, *тѣ* вм. *тѣ* во множественномъ числѣ (будуть вм. будутъ), перемѣна *е* въ *о* послѣ шиплящихъ, напр. жена вм. жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличіе: *и* вм. *з*. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчій показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссы, услыхавъ

Новгородское партіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и придетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такими нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впоследствии, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходила гаспальственныя административныя переселенія, наконецъ двпгалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную фпзіогномію: пробѣжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому—развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятчей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ урекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что есть у другихъ. Съ цѣлю изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность все виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчій, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всехъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимныя переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣтномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физіогномія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человека такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ пріятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ пріятіемъ христіанства; ибо если даже пріять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ — записывалось тѣмъ же самымъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то — изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червоноруссами, составившими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство. — Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточно для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до известной степени, въ некоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обиденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не терили связи между собою, чтобы каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея беспорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоприятію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддежалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлать Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большому единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впоследствии Русскую державу. Чтобы соединить разбѣянные, раздѣленные одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобы и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознание взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ? — Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиррсева, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извѣтъ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикаго рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣтъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбежною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. Вмѣсто того, чтобъ князь наследовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV—XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая выработывала, хотя медленно, свои пачала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — каждою родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ или родовое единство между собою шло въ параллель съ сознаниемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовавъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ къ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: «я не Угринь, я не Ляхъ, имѣ часть въ Русской землѣ», такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринь, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бывшеть бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаниемъ средства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ все вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали допрібытія Рюрика дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевского князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевского князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣшителей. Географическія условія и необходимость постоянного отбоя отъ неприятелей не позволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сжились со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдствія княжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжныѣ, и были бы гораздо жесточе, губительныѣ, разрушительныѣ. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, рассказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—разширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то, что съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедимновичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедимновою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единого дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ его — кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ей единству — безпрестанныя непріязненные отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ — кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ — завоевательная и поработительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданской стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собиравались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникая, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впоследствии, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточной. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлю противостоятъ татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди непрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половины Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славино-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ пхъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она пришла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Дмитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтные племенные ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгораются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовернаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ возрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственного крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новгорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невского. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ донесторическомъ сумракѣ. Съ Пѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ вѣдовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготящемъ, высокобромъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитининъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, мѣръ Русско-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ нечисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственные понятія и ввела единыя богослужebные обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздали, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыни его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельстве слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнью. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почитающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковныя законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде правственнымъ, стало безправственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своюю всеобщюю для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычай его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служить Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычай и стали превращаться въ положительные писанныя законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Кормчая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впоследствии, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и то же, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наследствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ свѣтительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, приучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: »се мноплеменники отъяли отчину вашу, и тѣло вамъ потрудиться.« Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоканону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были вѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданского законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны были зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тиуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовые рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе или, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тушкѣ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устройствѣ земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданского управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбежно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинакими послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами расширила значительно кругозор нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была приучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единоподержавія. Духовенство было на сторонѣ права родового старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчій съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единоподержавія, времена читали нашъ предки, что »народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...«

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Выѣстъ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые вѣдрили въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на власть, то есть, на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственного труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, — власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то вѣншиимъ, перерабатывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробились чрезъ монашескія мантии, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископани, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ, — жематое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивелирующаго византизма.

И вотъ, начала, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба его съ началомъ единодержавія.

Н. К о с т о м а р о в ъ.

1860

Февраль.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (¹).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школы, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Кушинскій, ни Петръ Могіла не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаніи краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокыхъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библии, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библии, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(¹) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1839 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умствешную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человекъ, теряла способность выражаться поэтической рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный приѣздъ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сквородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Скворода не былъ, Скворода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фолиантахъ схоластической бесплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фолианты на домашнія потребности, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарахъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человеческими. Будь эти фолианты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фолианты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственных силъ и столько времени потрачено на труды, недостойныя вниманія потомства и чуждыя потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научныя факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Кошаевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словозвирій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышавшихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ кафедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ риторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебныя гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покаместъ одинъ *Климентій Зльовіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ - Илличемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиляется передъ «благоразумными» читателями, и «особливо передъ виршопіисами» въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество «силлябъ» и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслить въ ірмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рама. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, «будучи въ гоненіи». Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 324-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листовъ въ началѣ, многихъ листовъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколько въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотытлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именяхъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Кліментій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру свисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себя противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ — поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямого замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безответныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Кліментія слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцовъ, оправдывая ихъ насмія.

О идучих на слободы людехъ (¹).

Кто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житіѣ слободы:
 мáло вхóдять змежъ такіхъ великоп бѣды.
 Бо готовыя хаты идучи покидають:
 а прышедши на слободу готовыхъ немають.
 А що найгоршеи часомъ худобы забырають:
 и тылко що зъ душами живыхъ оставляють.
 Уже жъ тогда где зхóчеть то скóчить хочъ к лѣсу:
 и гóлыи уже паветь хочъ к самому бѣсу.
 Пожытѣчная ему судылась слободá:
 довбáнная пустыня и лика и водá.
 На що любо зволится (:;) хочъ утопѣтца:
 а ежели захóчеть (,) вóлно и вдавитца.
 Отожъ мѣшъ за свое теперь дурный мужиче:
 а бывший на своего пана бунтовниче.
 Не хотѣлесь панови послушенство отдавать.
 и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ единомъ мѣсцу пробувать.
 Гинь же теперь за свое злое непокорство:
 и за упрямую твою гордость и упорство.
 I добре тые чинять, що прочани обдырають:
 Богъ ихъ простить, за тое згола грѣха не мають.
 I не тылко потреба бѣ такіхъ обдырати:
 але и з самими душами разлучати.
 Поневажъ не хотѣвъ пудъ кнѣзь бувъ чинити повинность
 обдерѣ и хочъ забити за тую учинность.
 Богъ за бунтовника якъ мовать неповѣситъ:
 але и нагородю еще потѣшитъ.
 Кдыжъ учинивъ своему пану пакость многу:
 нетылко пану и самому Богу.
 Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бѣ претерпѣти:
 а за терпеніе спасеніе могъ бы мѣти.
 Зачимъ вы панове такыхъ не вáжтєсь щадѣти:
 вѣвѣающихъ прочь самыхъ дерѣтъ, бѣтъ и берѣтъ дѣти.
 I отнюдь милости такимъ не показуйте:
 але совершенно такъ таковымъ справуйте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдашняго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человекъ, какъ это свидѣтельствуетъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Въмѣсто закона, господствовала обычай, установленные правомъ сильнаго. Возмущившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(¹) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали годаго, только съ душою. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человекъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на свободу (!) Эги такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отпиріемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шути увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: »Какъ ты ни живъ, а все живъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человекъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

(1) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскыхъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что «сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши еднажды на свою землю мужика, много и пныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому», самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденіе мужика къ работѣ. Естественно, человекъ, сознавая себя не исключимымъ рабомъ другого человека, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики «по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подпяться.» Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ правовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страдавіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлечь словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльные условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ все преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибы онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы не умствовалъ лукаво о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притушится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженнику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ безпорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волини и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шахи женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворнымъ филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопробываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было внѣшней и внутренней системы, — книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перѣскакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіанскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орфографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются неперечувенными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ. слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *світа одъ світа*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ переиѣны, какъ напримѣръ окончаніе *ль* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникахъ, хто кому дѣлженъ, або тежъ вѣнень.

Не дай, Бже, позичать, алѣ дай своѣ мать,

бо мѣвають: *Душно, якъ два прѣвать, третѣму нічого дати!*

Добрѣ такому чегѣ-кѣльвекъ позичати,

котѣрий мѣжетъ въ прѣдкомъ часѣ и отдати,

А віинному двоїка часомъ скорбь биваєть,
 гди презъ назначенний часть двѣе отдаваєть;
 Же то есть такая речъ нудь часть меновите:
 должний на себѣ облікъ⁽¹⁾ дасть отдати совите⁽²⁾.
 И виділемъ на свѣті тѣе въ своємъ віку,
 же презъ прѣшній термінъ далъ двѣе чоловіку,
 И суженно на суді, би тѣе стало такъ.
 На Волинно єдинъ ся ошукалъ неборакъ,
 Во мовилъ: »Когдѣ въ той часть зупбно не отдамъ,
 хочъ єдинъ день похіблю, мовить, двѣе отдамъ.«
 Такожъ сму бідному за нещастямъ стало,
 же другої половини дарєние не стало.
 Присудилъ Ляхъ, жебъ Жиду Русницъ отдалъ двѣе,
 и мусилъ⁽³⁾ старатися бідний біло о тѣе.
 Хто жъ, чи судія томъ вишенъ, чи самъ віинний: —
 Не вимъ; подобно, бѣльшой ошукался віинний:
 На що біло въ обличі такъ ся обіцати,
 же презъ реченєць бѣду двѣе отдавати?
 И то не готовізню далъ, только всю худѣу
 въ сту талярѣхъ, ажъ протѣ збулъ свою оздобу⁽⁴⁾,
 Же много изъ жалости хорилъ для Фрасунку⁽⁵⁾,
 потомъ сталъ пить и умеръ зъ хмелєвого трѣнку.
 А жонѣ, при злої нєндзі⁽⁶⁾, пошла запрядати,
 а діти свої Жидамъ почалѣ наймати.
 Прѣто⁽⁷⁾ не дай намъ, Бѣже, въ долги упадати,
 алє и должнпмъ дай всєкрї свобождати.

Волинь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русницъ вграють на Волини, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, чтѣ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шники и заѣздыя двory находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигиряна, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ⁽⁸⁾. Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(1) Обязательство. — (2) Съ лихвою. — (3) Слово *мусити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ль*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соответствуетъ моему *і*. — (4) Красоту. — (5) Горести. — (6) Нуждѣ, бѣдности. — (7) Потому-то.

(8) Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ «мнѣнія Мазены объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды», посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и маестностей, данныхъ разнымъ особамъ, «происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ большую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Цыганахъ и о Жидѣяхъ.

Цыгане да Жиды еднй еднѣмъ равни,
 понѣважъ (¹) вельми тве люде есть злонравни,
 Бо въ нихъ толькo есть правди, якъ въ шѣлагу сребра...
 бодай имъ безпрестанно кати крушили ребра!
 Же збитѣчнее (²) людямъ чинять ошуканства,
 где-кбльвекъ (³) прііхавши до якого панства,
 А землі своѣй згбла (⁴) нигдѣ собі не мають,
 тількo, не мовлячи, якъ Цыгане пробувають,
 Тако жъ тѣлятса и Жиды по всемъ світу
 абі-гдѣ въ якіхъ зѣмляхъ и въ котрѣмъ повіту.
 А прѣсяжъ (⁵) где есть Жиды — свої двори мають,
 а Цыгане где день, где ночь по світу туляють.
 Якъ не міють домѣвъ, щобъ и щастя не мали,
 а наостатокъ жеби и дѣбли ихъ побрали!
 И дай, Гбсподи, абі тѣе такъ ся імъ стало,
 ижъ би на віки тобѣ нечистоті не стало!

Эти послѣдніе стихи дышуть фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще незабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, чтó противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хитльны-

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ пропзносятся голоса, къ шатости склопные.» — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именьемъ изъ давныхъ временъ (части для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышлепныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Боданскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(¹) Повеже. — (²) Чрезвычайные. — (³) Куда-нибудь. — (⁴) Всею.

(⁵) Однакожь, при всемъ томъ.

ми напѣтками, которые хвалятъ безусловно. Впрочемъ, хвала музыку вообще, не любитъ козы или волянки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино ліюущихъ и особъ наклѣны творящихъ піюущимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курятелей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари въ *горілку, въ судна табакъ вовергають*. Это — фактъ интересный (¹). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табáci и о уживáющихъ ея.

Злая влодѣлася речъ и всюди есть явна,
же рѣзний людъ заживаеъ табáку здáвна;
А бáрзій въ Литві тое вѣльми недѣбре,
бо жѣнп и дѣти ихъ заживають дѣбре.
И тутъ такѣхъ есть мно́го, же ея вживають;
тѣе нѣдрами пахають, а тѣе втягають,
И, хто тогѣ навчѣвся, и люлькою тягну́тъ.
Потрѣба бѣ доконѣчно одѣ то́го повстягну́тъ,
Бо въ немъ часть пекельного дѣму обрѣтаеъ,
и хто тѣгнетъ, то изъ устѣ тогѣ смрадъ пзождаеъ.
И хочъ и вла́сті тѣгнутъ, едина́къ не обель (²) то чѣстно;
а нюхати наипáче брѣдко и безчѣстно,
Кгдижъ, тѣпучи димъ, прочъ вопъ изъ устѣ випущаеъ,
а нюхаючи пáче себѣ осквернаеъ:
Же въ нѣдрахъ та нечѣистость е́му остаеъся,
съ че́гѣ ча́сомъ и нѣмо́щъ лю́тая стаеъся;
Бо мозгъ въ голови е́гѣ табáка зушаеъ,
же вла́сне (³) якъ шведъ дѣбѣмъ шкѣурп переспи́наеъ.
И не слышитъ табáчникъ збитний уха́нѣя,
а нѣ смра́ду, тежъ благоуха́нѣя.
Такѣму и священства особъ возбра́няють,
и святѣти не всю́да та́кѣхъ позволяють;
Бо, хто нѣсомъ не чѣеъ, не цѣ́ль пробу́наеъ,
вла́сне соста́ву собѣ яко́го не маеъ.

(¹) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнкѣвой горілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сидѣли, рѣки поскладавши,
Для нихъ все празникѣи буліи,
Люлькѣи курѣли полагавши,
Абѣ горілочку пи́ли, —
Не тютюнкѣву и не пѣнну,
Но третьєи́рѣбну пере́гнну...

(Енеида, изд. 1808, стр. 138).

(²) Совсѣмъ. — (³) Словно.

А священство мiєть той обiчаи отъ вiка,
 же трѣбуєть цілого на то человека.
 Есть же и такiє, що иише и лдiтъ,
 и тiє пiче Бѣгу и святiмъ всiмъ брiдiтъ.
 А пiєе въ горiлку въ сiудна вовергають.
 и, на погiбель собi, людѣи осквернiють.
 Такiхъ би годило бѣ ся не тiлько кiємъ битъ,
 алѣ иибо хочъ би и пѣзъ свiта згубiтъ.
 Осбно жѣ ииши навiкъ бардакомъ⁽¹⁾ тiгпiтъ,
 презъ котѣрии не единому пришло смiслу збiти.
 Иише бо бардакомъ такъ ся затiгають,
 ажѣ пiгле дiуши свои въ той часъ извергають
 И самiхъ себѣ бiсу офиру⁽²⁾ давають,
 якъ тiє, що зъ горiлки пiянне вимирають.
 Тимъ оббiмъ пекельна бiдетъ нагорода:
 отгiметъ бо ся отъ нихъ отъ негѣ свобѣда.
 Намъ же по-христiянскiй даи, Христѣ, умiратъ
 и, позбiвши всiхъ грiхѣвъ, нѣбо наслiдовiтъ.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горілкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодование въ Климентіѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горілку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христiянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина⁽³⁾. Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдуетъ человекъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мирянъ общими риторическими мѣстами. Духовные витіи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ несправедливымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

⁽¹⁾ Табакомъ. — ⁽²⁾ Жертву.

⁽³⁾ Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: «Да и за то не меньше намъ приходитъ негодование на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ», и пр. (*Чтенiя*, изд. Бодяпскимъ, 1839, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильного, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцѣхъ и о продавцѣхъ фальшивихъ и о продающихъ вино и воду въ вино (сирічъ въ горілку) ліющихъ и о особѣ наклѣпи творящихъ піюцимъ для душегубнихъ имъ прибітковъ.

Отб вамъ тремъ персонамъ тбе ся звѣщаєтъ,
же за тбе васъ всіхъ гнівъ Божій ождѣаєтъ,
Поневажъ то у вино воду мішаєте
и Бѣгу крѣпко, крѣпко тимъ согрѣшаєте. (¹)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмельныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваєтъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознаєтся, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилошанахъ, збитне (²) трукнѣхъ горільчанихъ заживающихъ и на ўтреняхъ въ церквѣхъ небивающихъ.

Не дивно есть горілку крилошаномъ не въ часъ пїти,
алѣ найдвнїишъ въ цѣркві ўтрѣні не пропустїти.
Бо за слўжбу Божїю не такъ старшїи карають,
а за непрїтѣмность ўтреннюю не пропущають.
Кгда жъ ўтреню подвигомъ великимъ назпвають,
а за лїтургїю, любь большъ важнїиша, пробачають.
Въ часъ слўжби Божой не всякъ человекъ можетъ спати,
а до ўтрѣні, хочъ звонъ чўєтъ, не хочєтъ встати.
Зачїмъ ўтрѣшний подвигъ на свѣтї есть двнїишнїй,
а до слўжби Божой южъ не тако чуднїишнїй.
А такъ, братїє, до ўтрѣнь ся спїнїмо,
хочъ часомъ, ложася спати, и горїлки напїмо,
Бо трукнѣвнїмъ людамъ трўдно и не выпивати,
жебї на гѣлосъ и на весѣлосъ здобувати.
И прибўдетъ охѣти до всего: писецъ сей самъ знаєтъ,
нїжъ то таковїи обїчаї и собї маєтъ.
И дай, Бѣже, помїрно кождимъ заживати,
да не бўдутъ тебї и людамъ проступати.

(¹) Въ рукописи не достаетъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.

(²) Неумѣренно.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженіемъ, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣрученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трупковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И треба всімъ жиламъ добре ся надувати,
 жебї гортань могла гладко и глосно спивати.
 Треба жь часомъ для силн чимъ ся и послити,
 меновити, хочь не въ часъ, горилки ся напїти,
 А за грїхъ той Бггу ся помолїти,
 жебъ онъ пївцєвъ свойхъ (за нємощъ) рачилъ (*) простїти,

Наконецъ, отложивъ всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вахляцкую пѣсню, озаглавивъ ее сїце:

Вїрши похвалїни любячимъ пїво пїти, или тежъ за єднимъ заждомъ и всякъ трупнокъ, кому не шкодить, або не вадитъ.

Котрїв, мовать, человекъ добре выпиваетъ,
 тєдї такому панъ Богъ на пїво даваетъ.
 Хочай-то и такъ правать, же пїво не дїво,
 єднакъ добре, гдї зтрѣха горло промочїло:
 До людєй вправнїше бѣдетъ глаголати,
 и въ цєрквї на криласї глїдшей заспївати.
 Зачаймъ, панове, собї здоровн бувайте,
 а гдє ли кблвекъ пива, — добре потягайте.
 А въ головї, здоровнїи, все не перебрїай,
 да вшелїкнїи напитокъ заровно выпивай.
 Бо въ жбїрна дбрше що вкннї, мовать, то змєле.
 похвалї и ти менє за то, чєстнїи хмєле!
 И сѣржпкъ хто любить, — хлїбъ зъ негб ужпваетъ;
 и просїннїи, овсїннїи — все то кормъ биваетъ;

(*) Благоволнїлъ.

А хто єди́н що́ любить, то́го и держі́ся, —
 хочь шта́пй заста́въ, иди́ у корчму́, напи́ся.
 Ти́лько жь про́шу — п шта́новъ на-ві́къ не покида́й:
 сла́вная то оде́жа, — найско́рйшъ вику́пай.
 А на ме́не за сей ві́ршь, про́шу, не диві́ть,
 да, якъ бу́дете пі́ти, то и мене́ вспомяни́ть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разные явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *лицуновъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отпраплялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохватами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ пзъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школярахъ, дрѣва крадущихъ и о школѣ.

Школа — церковный уголь. Такъ ся называ́еть,
 кгда́жъ церковныхъ набоже́нствъ дѣтѣ́и навча́еть,
 И що́ въ це́рквѣ пра́вятъ, то и въ школѣ́ знаи́дѣть,
 а безчи́ний въ ней жа́днихъ ни́гди не знаи́дѣть.
 Бо мо́вятъ: *Школа́ вся́кимъ стра́ннимъ до́мъ е́сть во́льный;*
 але́ едина́кже пра́ве онъ не сво́яво́льный.
 И причѣ́тникамъ те́жъ шко́ларѣ́ ся имену́ють,
 поне́важъ це́рквѣ́ свято́й щі́ре услу́гують.
 А що́ ча́сомъ вкра́дутъ дрѣ́въ, же́ не ми́ють гдѣ́ взя́ть:
 ми́щанѣ́ и се́лянѣ́ не хотя́тъ купова́ть.
 А зна́ю, же́ бѣ́ тмъ́ ді́ломъ́ лю́де́ не згрѣ́шилъ,
 пжѣ́ би ко́гда́ на я́кій возо́къ ся зложи́ли.
 Годі́ю бѣ́ ся це́рковнымъ́ слуга́мъ то́ вчини́ти,
 абѣ́ зъ двора́ гото́внихъ́ імѣ́ не зборони́ти.
 Мо́гло бѣ́ милости́нею́ и тѣ́е́ ся назва́ти,
 а імѣ́ би ра́чнмъ́ за то́ Богъ́ нагорожа́ти.

Приповість же въ школярѣвъ: *Не окравъ, а лё доставъ.*

А ты, Бѣже, за дрѣва грѣхѣ имъ не поставъ.

А по козѣцкѣй, хочъ вкравъ, то мѣвятъ, же добувъ.

Кѣждий, разумію, козѣкъ о томъ слѣви чувъ.

А вп, панѣве, за сей вѣршь не подивѣте,

и кто егѣ написавъ, п тогѣ простѣте.

Бо едѣнь бѣднѣй школяръ, прозванѣнемъ Трѣсця,

где живъ п где бѣдетъ жѣть, не мѣтъ емѣ щѣста.

А хочѣй онъ, въ свѣтѣ живучѣй, вѣльми ся страждѣетъ,

только жъ, бѣднѣй и вѣльми мѣзѣрнѣй, свою торбу въ скрѣ-
пю ховѣетъ.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, «школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный», то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ «крылошанъ», гдѣ ему не возбранялось «для силы чинѣ ся и послать». Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догѣдку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, наприимѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаётъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣдніе стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисъ Годуновъ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдaшeмъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письменныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденные въ мірянахъ безчестивами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упустили случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктитори и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожь намеки на испорченность ея правовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чинящихъ пакости монастырямъ и церквамъ,

Каменные, звать, сердца въ тихъ людей бивають,
котріе монастырямъ пакость сотворяють.
Люде на обители святіе давають,
а они готвое отъ нихъ отдаляють.
Негодни таковыи ктитори похваля,
алѣ достоини тѣе всякоі неслави,
Же то Християнамъ себе називають,
да, власне басурмане, церкви разграбляють.
Не хочемъ ми ктитореи такыхъ мѣти,
лечъ жебъ съ прислугами ихъ не блб на свѣті.

— —
Алѣ овшемъ пакостить ужѣ перестаньте,
а благотворить церквамъ в обителимъ станьте.
А хочъ на монастыри нищо не давайте,
то принамній⁽¹⁾ готвчихъ речей не отнимайте...

О хулящихъ чинъ духовный.

И той человекъ вѣльми зле поступаетъ,
котрій на чинъ духовный хулу напосадетъ.

(¹) По крайней мѣрѣ.

А йншй зніе слова о духовнихъ говоритъ,
 и многіи чудеса неподбно творитъ⁽¹⁾.
 И абі не постигло зло тихъ чудотворцовъ,
 же хулять священниковъ, своїхъ боломблцовъ.
 Уже жъ хочъ отъ себѣ днѣ въ шайности ихъ мійте,
 и слўшатн ихъ словесъ и въ любвіи мійте хтійте...

О невілїасахъ⁽²⁾, укорїяющихъ тихъ людєй, котріе Писанїемъ Святїмъ викладають что полєзное на пользу ихъ, а они (неразсўднне іолови) злословяють и ненавідяють тихъ труждателєй, на добрие діла писанїемъ научающихъ и спасенїя їмъ желающихъ.

Знїйте и разумїйте таковїе люде,
 что вамъ за тїе рєчи въ послїднїй день бїде.
 Пршў васъ, наставниковъ своихъ не хулїте,
 але повнїцїтесь и Бѣга (за нихъ) молїте...

О писанїи святѣмъ и о учащихъ єго.

— —
 И хто Писанїе Святѣе зневажаєтъ,
 такий вєльми Гѣсподу Бѣгу согрїшаєтъ.
 Бо їншй мѣвить, же зъ письменнихъ все зло биваєтъ;
 нехїй за єго лгїанне на єго обрацаєтъ,
 И обратїтся, же слїпъ держаєтъ вождѣвъ хулїти;
 бїдетъ бо певне єго Богъ за тѣе судїти.
 Изнѣву жъ мѣвять: »Презъ письменнихъ западетъ свїтъ.«
 Щѣбъ той самъ запїлся! а тогѣ и по сей часъ нїтъ.

Замѣчательно, что вообще между письменными и неписьменными существовалъ тогда разладъ. Грамотїи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденїя, что мїръ погябнетъ черезъ письменныхъ. А вотъ стихи Кліментїя о неписьменныхъ.

Яко такожь трєзвому изъ пїянымъ обїтатъ,
 тако и письменному изъ прѣстїмъ пробуватъ;
 Бо въ прѣстого мужикї прѣстїй есть обїчай,
 а въ письменного особнїй, полїтїчний звїчай.
 Зачїмъ перестїнте, простакї, пїсьмѣ блюзїнїти,
 бїсте ся не могли въ прѣблестъ вїчну потопїти...

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мїрянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людеї духовнаго званїя.

(2) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожь, что этотъ *політичний зайчай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣвъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть чловѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и униатамъ, — для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣрученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со времянъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, по которое тогда подчинялся другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значитъ, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невпняное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развивалась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ клеветахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысаясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеллчить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письменнымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ, — изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что вышло. По вѣтомъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, исчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значить народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говорить, что *письменному* толковать съ *неписьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И гдѣ бѣ не священникъ, и церкви бѣ не блго,
не блго бѣ законъ, а ле беззаконіе бѣ блго;
Бо законного браку не мочно бѣ составлять,
поневажъ бы не блго кому шлюбовъ даати;
Также христіанами не могли бѣ ся називать,
кдѣ бѣ раждаемыхъ дѣтей нікому блго крещать.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіанства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщали царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоавшіяся. Миѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уни, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынского монастыря, Гаврилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣждали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Певскаго полка — въ Заудавскій монастырскій дворъ, вломилась въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избивали палками, плетями и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстъ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петръ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасякѣ одинъ улей пчель. Этого не довольно, «аде ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.»

Въ 1728 году войсковою канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Продионъ, послалъ 60 человекъ дьяковъ, пономарей, цваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ «кatedру» и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, отаманы сотни Иванпольской (или Ямпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Чернцы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого пише и померли, и со всеми нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые чернцы, дочувшися, що,

якъ дяды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбывали, и мы похотили такожь служить, напали ночью, вныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправившы въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овци, свини со всеми нащадкомъ до монастыря своего отобрали. Того рады всепокорственно просымо, дабы черницы болшъ насъ не мучылы. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ сель, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-кошюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьничковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣдѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Ѡ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлпнскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали «по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетями товстыми, гораздо, такъ що и кровь крузь сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.»

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году короцкой сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: «Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попомъ.» А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выйти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьничкамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что дѣлали до великой руины іезуиты и униаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не наирасно отаманы Януольской сотни, жалуюсь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацтво смертнымъ боемъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и униатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козацество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посползлыми, и это была первая изъ его уступокъ, которая, какъ извѣстно, окончилась тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыря Печерского, до инокинъ того монастыря въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козацтво не хотячи, до того монастыря работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменѣ Киево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христвѣ того жъ монастыря послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со веннѣ войскомъ не хотимъ отъ монастыривъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дасть Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напоминаемъ, абысте вы вся, которые въ Подгорцахъ найдуетея, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если розказанью и листу нашему хто изъ васъ спротивится, таковой, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашего, горломъ караный будетъ.«

Забываясь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждого гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣико держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человекъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойловича-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіанскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпорацій, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ *gratis* дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себя пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно рассказываетъ Шафонскій (1), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было «тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.» Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, «пошли самовольно, безъ всякія вины, въ козаки», то онъ считалъ себя въ правѣ, въ качествѣ архіпастыря, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: «За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанскаго и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умереть — *не похоронити*; буди имъ безъ обыклаго иѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ иріялъ въ свой

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 33: «... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козацкія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы плутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневныя пища, списываніемъ для собственнаго и другякъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и пужду, охотно и прилежно учатся....» Далѣе, стр. 283: «(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распускаютъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ оконками, духовныя иѣщии поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаваніе получаютъ.... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаванія, снабждаютъ ихъ одѣяніемъ.»

дворъ, съ ними пріобшася и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ.» ⁽¹⁾ Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: «Что дѣлали до великой руины иезуиты и униаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.» Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стаятельнаго братія были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по усилію своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно передали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходѣ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которыми онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О вписующихся въ козаки дурныхъ мужикахъ и вновь вписывающихся хотѣющихъ.

Тожесь, дурній мужіку, бѣрзе неуважній,
 же тѣлько безчѣстишь чинъ козацкій поважній.
 Засягзесь тогѣ чину, алѣ погоржаешь:
 не бѣвши въ вѣйску, южъ вѣступитъ гадаешь.
 Нѣхтѣ ты вписувати, нѣтъ, не приневоляя,
 алѣ самъ ся зъ доброй волѣ естѣсь вписалъ;
 А не хочъ съ козакамъ у вѣйско завітатъ,
 якъось не хотѣтъ предъ тимъ тяглости отбуватъ.
 Прѣто березовимъ піромъ вписувать ты трѣба,
 и худобу, гдѣ маешь, на ратушъ взять потреба,

(1) Этотъ драгоценный документъ сообщилъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копіальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библиотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копіальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Аби есп, яковб козацтво, памяталъ
 и другимъ мужикимъ такъ чинити заказилъ.
 Отб жъ, вдишь не втопился напрбдъ где у воду,
 прийми жъ козацкую, Хорбацъ, нагорбду,
 Бисъ не запбмилъ тоби рѣчи ажъ до смѣрти,
 побкуль ся обвисишь, чи тежъ сѣдитя вмѣрти.

Ненавистью и презрѣниемъ дышуть эти стихи. Католическiй и уни-
 атскiй попъ времяемъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину
 съ ббльшимъ ожесточениемъ. Польское владычество, основанное на по-
 жертвованiи многочисленнѣйшимъ классомъ народа иъ пользу малочис-
 леннаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые
 нѣмъ притязанiе на какое-либо первенство. Вишнее дѣйствiе заразы
 устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глу-
 боко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не
 видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенiя. Чтобы до-
 кончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ кви-
 ги стихотворца Климентiя.

*О волочѣщихся чернцѣхъ и черницѣхъ, по мѣстѣхъ, по школахъ
 и по корчѣмнихъ дворахъ.*

Многне волоцѣги зъ гультайства бвѣаютъ,
 особно черницъ и черницъ такожъ ся пробѣгаютъ.
 Не хотѣтъ въ монастырѣхъ послушанiя мѣти
 и, вѣдлугъ⁽¹⁾ своего спасенiя, терпѣти,
 Да повется нийи къ бису по своей вблi,
 шукѣючи, на згѣбель собi, своявблi.
 А своявблѣ добра, да не пожитѣчна,
 зъ котброй ся раждѣетъ згѣбель доконѣчна,
 А особливе тежъ черницѣ и черницѣ она погублѣетъ,
 а свѣтского также, вимъ, не направлѣетъ.

— —
 Да тудѣ жъ и чернець нийи вандрбвний шалѣетъ
 И людѣи до згоршѣня свѣцкихъ приповѣдѣетъ.

— —
 Такбму не побрѣба милостиню давѣти,
 алѣ всбда гбдию естъ кнѣип частовѣти.

Слово *кнѣип* написано прописными буквами. По видному, это
 языкъ строгаго анахорета. Но у Климентiя строгость идетъ объ руку съ
 поползновенiемъ ко грѣху, которшй онъ совѣтуетъ совершать какъ мож-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по слововицѣ: *семь бѣдъ, а одинъ отвѣтъ.*

Кто бо захочеть часомъ что-кобълекъ згрѣшити,
дѣленье нѣмно одъ людскѣхъ очей хоронити;
Бо мѡвять: «Хочъ видають, да нехай не видять», —
и такъ грѣшникомъ люде не бѣрзо обрѣдять.
Публичний бо грѣхъ душі тяжчайший биваетъ,
и Богъ за публичний грѣхъ горшъ прѣве караетъ.
И что схочешъ сотворитъ велика и мала,
утришь и заирись, жебъ сичъ и совѣ не знала.
И спѣвають зась: «Хмізомъ, нѣзомъ пудъ вербамн»,
жебѣ жадине люде нѣгди не узнали.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентіѣ въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетіѣ Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочающихся чернцахъ.*

И бѣдетъ нѣний чернецъ чрезъ весь вѣкъ ся волочитъ,
а трафляется томъ въ школі-ся и скончитъ,
Абб де нагле луснетъ у корчѣмномъ домѣ;
то ужѣ и не знатъ, що чинитъ томѣ.
Можетъ нерозсѣдною тоѣ шпнкѣрці напѣти,
а що горшъ — и комѣдїѣ якѣхъ начинити (*).

— —
Не хочеть у монастирѣ тоѣ жительствовати
и старшому и братѣмъ ся повинувати,
Да, злий рабъ, яко гультаѣ, завше волочптся,
а въ монастирѣ нѣгдѣ ему жить не хочется,
Бѣлеби по городѣхъ людамъ очи порѡвъ.
Бодаѣ тѣлько егѡ катъ самѡго испорѡвъ!

— —
Бо, напрѡдъ агнѣннѣ, онъ монастирѣ осуждаеть,
же мѡвять: «Жадний менѣ пѣмень не приймаеть.

(*) Скрѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Мўшу ся волочы́ти по тоёй невѣлі.»

А то лжетъ, бѣле бѣ ему́ нашали́ться дово́ли.

И зась брѣшеть, же мѡвить: »Нѣгдѣ мя не прѣймаю́тъ.«

Бывае́тъ то и пра́вда, же нецно́ти⁽¹⁾ его́ знаю́тъ.

— —
Бо що отъ шибенщъ котрѣе втѣкаю́тъ,

и тѣе въ монастырѣхъ-часомъ ся свобождаю́тъ.

— —
Есть же то пра́вда, лѣтъ не едно́й ма́тери дѣти:

ѣныи хочъ страпствуе́тъ, да ста́токъ бу́детъ ми́ти.

Не по́идетъ таковыи́ где въ корчмѣ почова́ти,

але́ до священника́ мо́жетъ ся впроха́ти,

Або́ хочъ и до прѣстихъ та́кже люде́и чѣстныхъ,

а не до корчѣмныхъ котрѣхъ домо́въ безчѣстныхъ.

— —
И азъ, пишущѣи се, тожъ нѣгдѣсь провандрова́лся,

любо́ въ далѣкіе краі, да зле не блува́лся,

И впятъ беззазѡрно ста́лъ въ монастырѣ поспѣша́тъ,

и въ немъ по да́вному, зъ ла́ски Божой и ста́ршихъ, пре-
бува́тъ.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ нвымъ пополозновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваютъ *четверочисленная скорбь человеческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потому мучился немощью воздержанія отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ неприятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе чаще монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, або́ тежъ о собакахъ, и о людѣхъ, любящихъ ихъ и вѣлыми въ нихъ ся коха́ющихъ и въ тихъ бѣс-тіяхъ нечѣстныхъ ажъ ду́ши свои полага́ющихъ.

Хто въ псахъ коха́ется, самъ ему́ ся равнѣетъ⁽²⁾:

жа́денъ невозлюбившии ихъ то́е приза́петъ.

(1) Проказы, дурныя дѣла.

(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не тільки таковій псові есть подобенъ,
 але Ляху той, або дѣмону надобенъ;
 Кудижъ дѣмони, въ постасі (¹) псовъ, къ святимъ хождаше,
 котріе ихъ любіли прѣжде, тихъ прельщаше
 Зію; стужающимъ имъ пакости творіху
 и вся помилшенія злая напосаху.
 Тямъ вірнимъ не достобитъ тихъ бѣстій любіти,
 но добро бѣ, гди бѣ мѣщно и зъ свѣта скореніти.
 А что нинѣ стражами псовъ себѣ називають,
 лечь (²) не вистѣ бідний, пжъ въ томъ вельми ся омилаетъ,
 Почитаючи пса паче самого Бѣга.
 Ахъ, не чиніте тогѣ! прошу васъ для Бѣга.
 Же и ласку Бѣжію той прочъ отгоняють,
 понѣважъ всякъ за злхъ псовъ егѣ проклинають.
 А такъ грѣхъ есть въ бѣстїи збѣтне (³) ся кохати
 и въ ней падію, бѣдто въ Бѣзі, полагаіти.
 — —
 Бѣдуть бо изъ Армѣни тіе часть шити, —
 не тільки они самі, але ихъ и діти....

Слово 2-е о псахъ и о людѣхъ, не любящихъ псовъ и недержачихъ ихъ.

Благословенъ есть той домъ назавше отъ Бѣга
 и отъ людѣй биваетъ похваля премнога, —
 А именно той, котрій въ себѣ псовъ не маєтъ;
 тогѣ безпрестанно самъ Богъ благословляетъ.
 А за что жъ, повѣдъ ми, Богъ благословляетъ?
 за то, же всякъ человекъ егѣ похваляетъ.
 А где въ котромъ дому пси въ кого пробувають,
 тогѣ тамъ вшелякпе люде проклинають:
 »Бодѣи вамъ«, мовятъ, »зъ псами нігди не било добра,
 же не мѣщно промнѣть безъ палици двора!«
 Бо пси и потайніе часомъ въ кого бувають,
 и — щобъ дѣбли побрали ихъ — людѣй кусаютъ,
 И нинѣ пакости на свѣті людямъ творятъ,
 понѣважъ въ розмѣнтныхъ речѣхъ нинѣхъ шкодятъ,
 Яко-то: зъ вѣза въ кого гдѣ-що виволокають,
 а въ огородахъ грядки зъ сѣвбѣю потоптають.
 И для того бѣ псовъ всегда не трѣба держати,
 же бѣ благословенства Бѣжого не прогонѣти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступающихъ зъ роскошей свѣтовѣхъ людѣи богатыхъ во убогое и нищетное житіе иноческое, жебѣ не скорбѣли и не кая-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

лися напоїтимъ, не признавсими зъ потребу свою имінія, сіричъ вещей: и яденія, и питія, и грошей наипаче; идижъ и во иноцихъ безъ имінія трудо и вельми нудно, паче же прѣжде богатство имѹцимъ.

Здається, же пробудеть ні ївши, ні пивши
богатпн, въ чернѣцькое житіє вступивши,
И здається, же бѹдетъ нічого не треба;
разсѹбитися напоїтимъ, ажъ всего потреба!
Бо гдижъ много таковѣхъ богатнхъ бивають,
же ївши всю худѹбу въ монастирь давають.
Емѹ ся видить — бѹдетъ и тогда контентъ мѣть;
ажъ за дубѹвнхъ дверей не бѹдетъ и видить.
А хочапъ дѹвери бѹдутъ и не дубѹвне, —
не бѹдутъ раствѹренни тожъ и соснѹвне.
Пзъ рукъ бѣдннхъ неборакъ бѹдетъ южъ глядѣти,
и не бѹдетъ тогѹ, щѹ прѣжде имѣль, мѣти.
Зачимъ богатннхъ напродъ постерегайся
и, гди хочъ, въ чернѣчество здорѹвъ постригайся.

О чернцѣхъ и охѹтящихъ въ чернѣчество.

Зъ давннхъ часѹвъ свѣтовѣи людъ то повѣдають,
же нікого чернѣчая рѣза не спасають.
И въ чернцѣхъ, если такъже изхѹчетъ грѣшїти.
то дай, Бѹже, жебї душі не згубїти.
И бѣлая рѣза такожъ не погубляють,
ежели хто добрия дѣла отправляють
Тїлько то на кожднй грѣхъ покѹта бивають;
а не треба еї, хто не согрѣшають.
А що зась въ чернѣцкомъ ткнѣтєся тежъ закѹну,
о котромъ не свѣдомо свѣцкомѹ всякомѹ;
Бо гдибъ відалъ, щѹ емѹ въ чернцѣхъ бѹдетъ случать,
нігди бѹ пудъ присягою не хотѣль постригать,
И, навязавши бѹ на ся кѹмень, въ волю втопѣль,
нежели бѹ на вѣчную скорбь въ чернѣчество вступнль.
Бо правда то, же въ чернцѣхъ вѣчная неволя,
а свѣцкимъ во всѣхъ речѣхъ совершенна воля.
И свѣцкимъ здаѣтєця той чннъ за хлѣбъ пшенїчний,
а постригннсь, познѣвши, далъ бы и за жїтннй,
А поневажъ свѣцкнй господарь во всемъ доволенъ
въ своемъ добромъ, а чернѣць южъ нї въ чомъ не воленъ.
И чернѣчество не тїлько млѣдїхъ въ чннъ свой ввѹднть,
алѣ часѹмъ мѹдрихъ и старїхъ въ той завѹднть.
Прѣто, всї свѣтовїе люде, кѹйтєся на насъ (!):

(*) Т. е. глядѣ на наше положенїе, берегнться, щѹбъ не очитнться въ немъ.
Выраженїе народное. Въ пѣспѣ, соблазнєнная и обманутая дѣвѹшка говорить:

Оп хто у борѹ,
Чѹйте новннѹ;
А хто у селї,
Кѹйтєся на менї.

прошú якъ найпокрннй о томъ дїлі всіхъ васъ.

— —
Пійшець же о томъ чїну совершенъ дознавецъ
п надъ всіхъ въ немъ страдальцевъ біднїйшнй страдалецъ.

— —
Сміючп мовпть, же хочъ хто бувъ своявольникъ,
а якъ вступпть въ чернецтво, то будетъ невольникъ.
И зъ басурманскихъ неволь свободни бивають,
а зъ чернецтва до смертнй не освобожаютъ.
Тїлько жъ, гдп хочеть, нехай здравъ въ чинъ той вступаеть:
охочого не внять, — Богъ нехай помагаеть.
Я о томъ дїлі емú не перебиваю,
лечъ, видячи воздёржнсть егб, поражаю.
А невоздёржнпхъ могу отъ того впннїати
и, якъ мбчно, до того пхъ не допуцати....

*О малоюющихъ, яко повїдае: инокомъ не трбї жаднихъ мїти
стяжанїй.*

Бяло нбгдпсь чернцямъ нї щб не надбно,
а теперъ все потреба такожде подобно,
Бо и чернцєві также хочеться що мїти;
хочай то и не жона въ негб п не дїти,
Еднакъ и чернцú встїдно гблему ходїти,
тїлько, якъ нїтъ нїчбго, мусїть хочъ просїти;
Бо чернцбвъ гблпхъ зовуть оппїяками большъ,
абб и нецнотлївпмп, — то ещє и найгбршь.
Мовять, же не дармо той нїчбго не маеть;
а бїдному нїгде взятъ, — опъ тогб не знаеть;
Кгдпжъ въ монаспрїяхъ не вельмп чаето давають
одєжу; а запаснпе лїшней не мають.
Уббгпе чернцї хочъ бблшей п працюють,
тїлько жъ вббгпхъ п тамъ не бързо шауцють.
А маючпхъ, якъ п вмреть, лїчшей помпнають;
а нїщетнпхъ въ скбрпїй часъ и запомпнають.
П якъ свїцнмпъ не добрб на свїті голпшамъ,
такъ же то и чернцямъ сиротамъ, побїдашамъ.
П голпхъ и прпшєльцовъ чаетомъ не прпймають;
хочъ бп п ремєспнкъ бувъ, прочъ впсплїають.
Итакъ, мїлпї Ббже, всїмъ уббгпмп не добрб,
а котрїї много всего мїеть, томú добрб.
П блаженъ п преблаженъ той въ теперешнпї вїкъ,
хто мїеть чєго-кбльвекъ довбльно человекъ.
(Бо и въ лєкцїяхъ пишуть: «Хто богатъ, той всїмъ братъ;
а хто нїчбго не маеть, тогб нїхтб не знаеть»)....

За ьтпмъ слбдуєть характеризующее монастырскую жизнь заглавіе:
О иноцїхъ (насъ южє) послїднїхъ (т. е. о монастырской черни), *терп-
пїащихъ безвиннпхъ и повїннпхъ премногїл зїло напастї и скбрби, и*

гоненія, и оклеветанія и ненависті, и всляческіе озлобленія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоящихъ выписки.

О безжѣнномъ житіи иноческаго.

Свободъ инокъ отъ женъ и дѣтей, повѣдаеть,
 ёднакъ пѣжда, же своѣй господини не маеть;
 А хочъ и всего также инпи мѣжетъ мѣть,
 а въ той рѣчи едно то мѣситъ терпѣть.
 А що мѣвають: »Не жонѣ и не дѣтямъ збиратъ«;
 а ёслиби мѣвъ жонѣ, такожь би могъ зправлати.
 Але женитисъ заковъ той не повелѣваеть,
 тѣлько безъ помощинци самъ-ёдинъ пребѣваеть.
 Мнучни жонѣ, той ся и въ скорбѣхъ утѣшаеть,
 а черницѣ бѣднаго Богъ тѣлько цехай утѣшаеть.

Слѣдующіе стихи дають понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто челоуѣкенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько челоуѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царанать по сердцу другъ друга, и потому предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кѣжди инокъ возмѣжетъ тѣе ціле признати,
 же наединѣ не такъ скорбно пребѣвати;
 А где въ кѣліи соборъ великій пробуваеть,
 тамъ ненависть и вражда часто ся укрдаеть.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бѣдетъ, вѣмъ, другою во всемъ осуждати,
 и ложно зліип діли тогѣ обношати,
 И завше въ ненавистѣ бѣдетъ его мѣти,
 и отнюдъ неправедно тожь ненавидѣти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его пропикнуты разженою мечтою о томъ, на что чело-вѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщи-нахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ ис-правленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ сла-бѣйшей половинѣ челоувѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзія, которою дышуть народныя наши пѣсни. Онъ представ-ляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутит-ельнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ мо-ралиста. Подобныя выходы не новы между его отпавшею отъ жизни бра-тією. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дармо, ся видить, женскъ полъ звиклъ письма учѣти:
могла бѣ цѣрковь п безъ нихъ письма обходить.
Бо токмо мужемъ дагъ Богъ небезпотрѣбно,
а імъ—здаѣтца, ꙗкоби п непотрѣбно.
Женѣ письменна мѣжемъ прѣстимъ погоржаѣтъ
и, якъ простака, цѣле тогѣ вшвѣчаѣтъ.
Овшемъ бо прѣве жѣнамъ письмѣ непрілічно,
тѣлько оно менщїзнамъ потрѣбно п слѣчно;
А жѣнамъ, якъ пѣтого колеса, такъ трѣба,
а мужемъ всякимъ всюда на все то потрѣба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщины на свѣ-тѣ вдвое больше, нежели мужчины, —

Еднѣакъ надъ жѣнамъ Богъ дагъ мужемъ верхъ мѣти,
а імъ не дагъ мѣжескихъ речѣй розумѣти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы бы-ли вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотво-рець характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную по-дозрительности и лукавства.

Подобѣетъ таковій вчннїти совѣтъ намъ,
же підп не даѣти пі въ чемъ віри жѣнамъ;
Жѣнамъ бо завше лѣтво такъ клѣтву сполнїти,
якъ прагнучому чѣсомъ водї ся напїти.
Прѣто, аще бп мѣчно, звїздп зъ нѣба брѣла,
або тежъ прѣдъ собѣю зѣмлю подала,

То уже да не бѣдетъ онимъ віра данна,
хоть би и прекрасная она была панна.

И аще би и мати, ёдиакъ тая жъ жена,
и презъ матерь биваетъ скорбь и гріху вина.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема въ свѣті правди, тілько рідная мати.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Мати наша, мати!
Де жъ намъ тебе взяти?
Хибá тебе, мати,
Да намалювати....
Намалюю матирь
На божничку въ хати.
На божничокъ гліну —
Матирь испоміну;
Назадъ обернуся —
Слѣзѣмп заллюся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *порáдницею*, или *порáдонькою вірною*. Только такой человекъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденія отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повіждь мні, чѣмъ жѣни многи есть неплодни,
любо то и отъ мужей своихъ не свободни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себя представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны...* Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышуть тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живущия въ чистотѣ честныя вдовици
обращутся предъ Богомъ, якъ чистія дівичи,
И судилъ быхъ надъ дівичъ ихъ честнѣйшихъ паче,
звѣща здравихъ и юнихъ, то есть младѣихъ найпаче.
Дѣви бо плѣтскихъ грѣховъ себѣ не познали,
а они и познавши, чистоту заховали.

И не дивно безъ того старимъ вдовамъ жити,
а младимъ, трудно, мовятъ, безъ того прожити.

Даже онъ размышляетъ о *прельщеніяхъ женскихъ* и о *мужескихъ пристрастіяхъ до женъ, злѣща до чуждыхъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо биваетъ до нихъ страстію побѣжденъ,
той не скоро впять будетъ отъ той свободенъ,
Бо изъ ума не будетъ то ему сходить,
аби прельстившися могъ въ тихъ грѣхахъ пожити.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

*О терпѣніи женскимъ, како въ зимѣ студеностей не боятся,
когда во время лютихъ морозовъ на рѣкахъ хвѣсты перуть.*

Подобно, пекельная горячность въ женскомъ тѣлѣ:
дѣзнанна о томъ правда въ людѣи самимъ дѣлѣ.
А котрѣе жъ, повѣждь мнѣ, люде тобо дознали?
Тѣе, котрѣе себи били жени поили.
А кромъ понятія нисть ли мощно тобо дознали?
Не увисть непонявшій. Даи, Боже, и не знати.
А котрѣи хочъ познаетъ, той зѣло согрѣшаетъ;
великая бовимъ въ томъ дѣлѣ тайна биваетъ.
А что жъ то есть за тайна? не биваетъ ли явна?
Бо безженнихъ за то карають здѣвна.
А якіе жъ за тую речъ карности биваютъ?
Тѣе, же часомъ за то здорбвѣя умаляють.
О, понѣважъ такъ, и мнѣ треба жену поити,
жеби могъ невозбранно тоби тайни дознати.
И Бѣже теби свою жонѣ попятъ поможи,
и чада побожниа отъ неѣ вамъ умножи.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною горячностью* женщины Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хлопцемъ и бѣсъ въ ѣдномъ цехѣ ходитъ,
понѣважъ зъ тихъ трехъ персонъ все зѣбе походитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

*О женахъ въ корчѣмницахъ въ градѣхъ, а найпаче иде въ поляхъ
въ корчѣмнихъ гостинницахъ блудно живущихъ...*

Еще выше становится наш моралистъ, когда начинаетъ предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастливъ той, хто жені злой ся не поддаваѣтъ,
и що, якъ бѣстїи, по рѣбрахъ часто даваѣтъ.

— — —
Бо лишъ, мовять, желїзо у водї варїти,
неже, псюю личїну, жену злу учїти.
Ужѣ человекъ бїдний такїи не изучитъ, —
Развї самъ дїяволъ, гдѣ зъ душею розлучитъ.

Все участїе, къ какому способенъ Климентїи, отдаѣтъ онъ сторонѣ болѣе сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за претерпѣвіе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственные слова:

А тепѣрь, человекѣ, мѣсїшь бїду терпїти
и до смѣрти зъ такою не будѣшь добрѣ мїти:
И самъ ты нехай Господь рачитъ свободїти,
а жену твою злїю зъ свѣта скоренїти.
Ты же восходи тѣе отъ ней пострадѣти
за покѣту, — и будѣшь въ небї царствовѣти.
Едкѣкъ жені своїи злой нї въ чемъ не хлїяся,
и кждїи день кїемъ паритъ не лїяся;
А такъ пѣвне одъ Бѣга прїймѣшь нагорбду,
и получишь отъ мѣки вѣчной себѣ свободу.

Вотъ мораль, высуженная въ удаленїи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди сильные!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣтїя завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденїя, но это именно потому, что учителя, подобные Климентїю, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенїя родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня, — Украинскїи народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изуверъ, Украинскїи народъ былъ бы низкїи материалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждїи народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящїи непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствїе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотворенїи: *О женѣхъ близнїята рождаюущихъ, сїрїчѣ по двѣ дїтїи:*

Гдѣбъ котра́я въ годъ по двѣе рождала,
 тако́й била́ бѣ отъ всѣхнхъ козако́въ похва́ла,
 А хочъ бѣ по еднѣому, абѣ ко́ждого ро́ку,
 ижъ бѣ ся за́пасѣла на тебѣ зваро́ку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспалихъ людѣхъ, которые вѣлыми твѣрдо и много надъ міру и не чѣтко сплять, кохачисѣ збитне въ сну велико́мъ*, казалось бы, «*виршописъ*» долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуеѣтъ, къ его услу-гамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жопѣ той не встерегаетъ,
 котра́я жптлѣмъ своѣмъ ошукпваетъ,
 Гдѣжъ мѣжетъ ся таковѣхъ женъ много знаѣдоватъ,
 змежъ котѣрнхъ внѣя ждетъ, абѣ мужъ легль спатъ,
 А самѣ о зломъ дѣлѣ въ той часъ промшлѣетъ,
 и мѣжеві своѣму вірѣ не схранѣетъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастырѣ чѣлости и тебѣ бѣ навчѣнно,
 ꙗко бѣ ты чмѣ-ко́львекъ удо́вжъ процвѣчно;
 Бо хто въ монастырѣ ѣтреню заспѣлетъ,
 той пудъ часъ и покѣранъ знемного биваетъ.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимся столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кро́мѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, бо́лѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ риторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго ослабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напри́мѣръ, въ стихотвореніи: *о женахъ мужннхъ и болшеѣ въ домахъ своихъ безъ мужей пробувающихся*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, ꙗже есть: *грьхъ, немощъ, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при нихъ посредствомъ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мижъ легль спать*; какъ онъ днемъ читаетъ въ крчечинныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпнїемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекельную горѣчность*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *нізомъ, жмізомъ, попидъ вѣрбами*. Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утрись и запрись, жебъ сичъ и совá не знала!*» Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шапнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышашія безчувственною жестокостію и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідáю,
бомъ на свѣтѣ всiквi рѣчи тáкже знáю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ пріобрѣлъ полное на то право:

Пѣвне, бѣдетъ крѣпко Богъ тогó карáти,
же злой женi, якъ шкáпи, не вмiеть (на уздi) держáти.
Отóжъ тоби, глупáче, наўку давáю:
áбась рѣбра крушiлъ злой жонi, поражаю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели порáду мою занехáешь,
не мицѣтся велика бiдá, — самъ дознáешь;
Бо на здорóвье твоѣ жонá твоá ватѣеть
и — чебó не знáешь — смерть тоби готѣеть:
Пiти и iсти тоби потрáви давáеть,
а чáсомъ и трутiзну тоби жъ зготовлiеть.
А такъ, окаянниче, самъ напрóдъ не кúшай, —
нехáй жонá пѣеть першъ и ясть, — мене слúшай.
А гди бъ самá напередъ скúшати не мiла,
то горшкóмъ абó кiемъ коснiсь еi тiла;
Абó цўркою скрутi ея рўки и нóги,
жебi не перелiзла и черезъ два порóги:

Абб, звязавши, посади кь гарічой пѣчи,
щобъ припекліся бнуй шатанскіе плѣчи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься челоуѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ времени Мазепы, — именно: *О иновірной єдиной персоні міжбу мужемъ и женою, то єсть (наприкладъ) кѣди биваєть часомъ мужъ Ляхъ, а жена благочестівая, абб жена неблагочестівая, а мужъ благочестівий, а хочай и оббє благочестівие, да не єднихъ людєй, сѣричъ: мужъ бѣдетъ Москаль, абб Литвинъ, абб Бойко, абб Циганъ, или тежъ зъ Жїйда перѣхристь; или зась жонѣ такоуихъ людєй, а онъ правдївий Руснакъ, Козакъ, Українецъ породи Малороссійской.*

Изъ самого стихотворенія стоятъ привести только слѣдующее мѣсто:

Тбє жъ єсть, гди не єднихъ и людєй породи:
не мїють и такїи межъ соббю згбди;
Жє то влѣскє поросѣ зъ вбвкомъ пробуваєть,
а жалости и скѣрби що-дєнь прибавлєть.
Зачїмъ-то подобаєть людємъ христіянскимъ
не мїть прїчтп кь дѣшамъ инорбднимъ и поганскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что вѣкоторые родители —

. . . безвременно замужъ давають дівици:
въ єднадєсїтихъ лїтєхъ отроковїци.
А въ дванадєсїти лїтъ синбѣв оженїють.

А то, вїмъ, въ Литві малїхъ женїать, злє справѣють,
що несмїслєннимъ дїтямъ свїтѣ тїлько завязѣють.
Въ шєстїнадцатїхъ лїтѣ слѣшно младєнца женїти,
а дївицю въ тринадцать, — їнакѣ не чинїти.
И такїхъ єщє бѣ ввбдштѣ въ тої чпнѣ не подобало,
да на їнїи часѣ до лїтѣ слѣшнихъ откладало;
А слѣшность лїтѣ — въ двадцать рокъ оженїти сїна,
отъ котѣраго мѣжєть бїть въ рокъ и двїтна;
А дочєрѣ прїстѣбно замужъ въ 15 лїтѣ давати,
то мѣжна рєчѣ — до року и мѣтерью стѣти.

Мы представили характеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣлкомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственной ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясъ.

О женахъ, рождающихъ діти въ скоріи часъ по принятію шлюбномъ и по браці въ кѣлько дней минувшихъ, а не въ рокъ.

Козацкій звичай тѣе-то дівці мають,
що зразу по весілю и діти рожають;
Бо на світі такъ мовять: »Козацкому роду
мало когдѣ, абб тежъ немашъ переводу.«
И добре чинять, же то зъ запасомъ приходять,
запаси бо жадною мірою не шкодять.
Где еще девять місяць на тѣе труждаѣти,
а тѣ лишъ въ скоріи часъ приплдонокъ оглядѣти.
И хто-кѣльвекъ межъ людми тѣе похвалѣть,
котрїи где чоловікъ роботу поспішають.
Зачімъ здорови собі живіть и пробуваѣте,
и безъ ліности въ ночь и въ день въ томъ ся труждаѣте.

О дівцяхъ, діти рождающихъ.

Не треба таковихъ дівъ карністю карати,
що стараються въ вѣско людей примножати;
Бо, яко здавна людей войскамъ було треба,
а теперъ, въ нашомъ віку, найпаче потреба;
Гдижъ немого вѣско малу силу маеть,
а великое внівечъ меншихъ обрацѣть.
Зачімъ би то слушна речъ тѣе похвалѣти;
атѣ невольню свого добраго давѣти.
Онї бідни вѣску такъ щіро приють,
а другїи невинно за то зневажають.
Прѣто нехай каранни тїи то бивають,
котрїи дітѣи своїхъ дурно погубляють.
Еднакъ же онї держѣтъ звичай той козацкїи;
хочъ добре, хочъ не добре, все то по козацкїи.
А ви, дівкї, за тѣе менѣ похвалѣте,
да кварту и другюю горїлки купіте;
Бо я сеѣ написавъ, вамъ то на похвалу,
а при васъ и козакамъ-друзімъ чиню славу.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, расставаясь съ личностью Климентія, какова бы она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ попа-двоенца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попадяхъ, замужъ идучихъ по смертехъ поповъ своихъ.

И той рѣчи можемъ ми вѣльми задивити,
же невольню въ другій разъ попамъ ся женити.
Хто той законъ взаконилъ, ми не знаѣмъ,
тільки тому ся крѣпко, крѣпко удивляемъ.
За священника-вдовца отвігъ сотворити
можеть тотъ, кто законъ сей дерзнулъ положити.
Кгди попъ-вдовецъ въ грѣхъ блудний упадѣтся,
ажъ и законъ давшему концѣ не минѣтся.

— — —
Бодай би онъ пзъ своимъ закономъ и не сился,
же, неразумный, Христу Спасу спротивился!
Азъ, віршописъ, виділемъ двоженца прощѣнна
и до служебъ Божихъ ціле припущѣнна.
Въ Каневі отѣць Андрѣй, въ четверопрестобльнхъ
патріархъ бившій ⁽¹⁾, принѣслъ патѣнтъ верховннхъ
Зъ Іерусалима, зъ Александріи и Антиохіи
и Константинаграда письма неплохій;
И, вѣдлугъ письмъ, Ясинскій служить благословилъ
и жадною річню ні въ чемъ не спротивилъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* ⁽²⁾ *1712, мѣсяца юня, числа 21, на Ивана Предтечи, великая бързе бұра великая була, котбрая церкви Божие ламала и по дубровахъ великіе сосни и б...* ⁽³⁾

⁽¹⁾ Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

⁽²⁾ До какой степени немощный человекъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие* — *векие*.

⁽³⁾ Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Ужé що ся въ сей книзі писало, то писало;
хочь троха и каюся, такъ ся тебе стало.
А прѣдсяжъ и пользы въ ней немало набудешъ,
якъ ся собі добудешъ и читать будешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаряхъ рѣзнихъ, то есть именно, що книжи готовие препісують, и видають зъ голови якіе новие річи, и о писаряхъ тежъ градскихъ и монастирскихъ, грамоти, або зась листи пишущихъ и всякие крѣпкие правѣ.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И часомъ ся случаетъ писати такъ трудно,
же ажъ, не напившися горілка, то нудно....
И сей віршопісъ маєть къ писарямъ горлівость (*),
бо и самъ тимъ биль, — знаеть тую долегливость (**).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, переѣхнулъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любить вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожь, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(*) Усердіе. — (**) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предрержанія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражаало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатиру на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовствѣ, що кумі брати кумові не благословляють, або тежъ дочкѣ кумині. А иди хто пересолить добре таллрами, або чирвоними золотими архіереєві котрѣму, то и грѣхъ прочь откладать, и благословляють, и беззаконіе на законъ прекладать.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не тільки самѣму куму взять збороняють,
але еще и синѣмъ также возбраняють.
А гди владікамъ бчп добре засліпляютъ,
то обимѣ рукамі тихъ благословляютъ.
И нехай би владіки нічого не брали,
да даремно, безъ всякихъ дачъ благословляли.
Але за грѣхъ собі великий почитаютъ,
а хто подсунеть добре, и грѣхъ прочь откладать.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человѣкъ самъ собѣю власти не приймаеть:
тільки ему отъ Бога посланна биваетъ,
И хочъ часомъ панъ який на урядѣ промовалъ (*),
еднакъ найпаче самъ то Господь Богъ керовалъ (**);
Бо всяка власть въ Божихъ рукахъ жительствоеть,
еяже кому хочеть, гѣдному дарствуетъ.

Въ стихотвореніи: *О веселості двѣрской и о смущенні,* онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если часомъ весель панъ, и слуги веселятся;
а ежели панъ смутенъ, и слуги смутятся.
Смутна жъ была вся тварь, гди Христа распято,
повѣважъ зъ свѣта всяку радость бліо отнято;

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Pamiętników*, на котораго Мазепа нагаль королю и отъ котораго получилъ въ королевской приемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (*Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152 — 156.*)

(2) Вызывался, старался получить. — (3) Управлялъ, направлялъ.

А когдѣ такожде впять Христось изъ мѣртвихъ восталъ,
тогда новое міру веселіе даровалъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Климентій осмѣлювается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Що то, панове, у васъ есть такіи за звичай,
же то оскорбляете слугъ своїхъ надъ звичай.
А найпачей слугъ вірнихъ и южь заслуженнихъ,
и жадною мірою въ чемъ не подозреannah!
Кгди жъ мѣрскимъ клеветникомъ віру имѣете,
ажъ они лгутъ, яко пси, ви и не знаѣете.
Наветъ кажить тымъ лгарімъ доводъ доводати,
а собі тогъ часу всяко розсуждати;
А не міли би слѣшнихъ доводовъ давати,
то звольте кнѣми такіхъ частовати.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостыжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убогихъ людѣхъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо богачъ судямъ очи мздою забиваеть,
и тобою до конца бнихъ осліпляетъ.
А убогий неборакъ хочъ трѣхи споткнѣтся,—
пѣвне побѣденному дармо не мнѣтся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни,— видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Шафаръ повиненъ писать всякіе росходи,
также якіе тежъ есть и приходи.

И на сумнѣннѣ панства скѣрби вручають,
нехай же и до пановъ шафарі щѣрость мають.

Якъ то видимъ, такіи трафунѣи бивають:
якъ лічби не здають, своимъ докладаютъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ пановъ великихъ свіцкихъ и духовныхъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ дворскихъ слугъ.

Всякий пань, якъ вірного слугу вподобієть,
 то тѣдн великій скарбъ такому вручаєть,
 И розкажеть нинь пань, же до вбѣгихъ мѣнъ взглядъ
 и въ своємъ послушенствіи во всемъ добръ доглядъ:
 Жебї ма не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
 и жебъ мнї отъ двѣрскихъ слугъ не доношанно,
 Же по гѣдности въ свой часъ кому знаючи дай,
 а згѣла хто бунтовникъ гѣрдий, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворекіе слуги во многомъ, если не во всемъ, завистли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большемъ ходу. При независимости личной, право сильного до такой степени развилось въ гетманство Мазеши, что пань называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше; и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О влѣстелехъ, каряющихъ людїи, абѣ и слугъ своихъ домоваихъ безъ доводовъ слїшнихъ*, въ которомъ однакожь ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кїями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовати кїями* ябедниковъ. Въ стихотворенїи: *О оскудїнняхъ въ сїе время грошовїихъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства — заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровати кїями* (1), 2) отбїрать *худѣбу*, 3) *мордовати* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣлкомъ.

Скѣдно вельми на грѣшн стѣло въ нашемъ вїку,
 же трѣдно о нихъ згѣла пендзю (2) человеку.
 Хочъ заробитъ, лихїи грошїи заплачїють,
 а и лихїи еще особъ укривають.
 А добрие все собї богачї позбїрали:
 жебъ билѣ що на той свїгъ братъ, въ зѣмлю поскривали.
 И лехїи же и въ зѣмлю грѣшн сокривають,
 абѣ хочъ ложкаи пхъ въ стравахъ поядїють,
 Тїлько жебъ глѣдкми наветъ не браковали,
 и шафаровъ своихъ на то не научали.

(1) Слово *кїями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

(2) Убогому.

Людямъ вбогнмъ чехи зн по чеху давають,
 а отъ нпхъ по осмаку въ кўпяхъ отбирають,
 Билеби якъ несїтства свой насптїтп
 п всї шкатули презъ верхъ самїи наполнїти.
 Уже жъ, еслї пбїнпте, добре наполнїйте,¹
 да припїмнїи поспблству браковать зборонїйте.
 Пехай по-Запорозкїи би не перебирали,
 да и глїдкми грошми не браковали.
 Еслї бїсте ви, влїстї, тихъ браковъ зборонїли,
 добре бїсте нарбду крїпко учнїили.
 А тб, на васъ глїдячи, и самї бракують,
 да ненависть п скорбъ межъ собою справўють.
 А спбсбъ би вамъ такїи слўшнє билъ на тбє:
 гдї бїсте кїмпи шмаровали за тбє,
 Абб тежъ на худббахъ мужпкбвъ карали,
 илї роббтою въ двбрахъ свбпхъ пїпскпхъ мордовали.
 Илї тежъ самї бїсте престали браковать,
 и по городїхъ людбмъ презъ пїсьма прїказаать;
 А иначей не мбцїю вамъ браковъ скорешїти,
 и самї не бўдете знать, що зъ тямъ чпнїїти.

Это стихотворенїе гармонїруетъ съ извѣстнымъ представленїемъ
 Мазепы о чехахъ, нарочно вычєканиенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго чєловѣка ошєсана у Клементїа ходячїими,
 избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *вла-*
стєля соединяется непремѣнно богатая нажива:

Бо гдї влїстєль, то вспбмнїть свой висбкїи титуль
 п предъ конїшнємъ мнбго зъ скбрббмъ ўзрїть шкатуль.

За пашами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень
 подражательной аристократїи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлав-
 шись урядовымъ чєловѣкомъ, назывался уже паномъ, илї, на Клемен-
 тїевомъ языкѣ, властєлемъ, в мбгъ, умирая, узрѣтъ передъ собою *мно-*
го зъ скбрббмъ шкатуль. Мѣра его обогащенїа завистєля не столько
 отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ
 равнодушїа къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ
 людямъ ⁽¹⁾. Мазєпа, выигравшїи такъ много во мнѣнїи потомства своими
 бѣдствїями, былъ, во время своего благоденствїа, верховнымъ покрови-
 телемъ и образцомъ хпщичества въ Украинѣ. Онъ обогащаль своихъ
 родственниковъ; онъ предоставляль каждому свободу обогащаться по-По-

⁽¹⁾ См. приложенїа ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 318.

луботковски (1); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братіи. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не припималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ караѣ козаконъ за жестокое обращеніе съ безземельными поселенцами (2). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ непоствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его волесковъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, неіоднихъ похвалій, меновите о тихъ змихъ и окаяннихъ синѣхъ и не-отѣцькихъ дѣтяхъ, котѳриє у вѳиско идѳутъ,

(1) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: «Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличныя обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣмъ чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинъ, которые у нихъ называются генеральныя, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.»

(2) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникъ Украинскихъ пѣсень*, князя Цергелева:

Якъ я пѣзъ гѳорода съ Ширѣтца, панѳове, виѣзѣавъ,

....близькихъ сусѣдѣвъ хлѣба ѣ солн безневѣнно збавлявъ,
Дѣтн малій, вдѳовн старій стрѣмлявъ въ грѣдн товѣавъ.

Въ вариантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря Архипа Никонѣнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тѳ ще ми, братѣ, не добре вчнѣяли—
По ѳлицяхъ добримн кѣньми гуляли,
Дѣтн малѣнькі кѣньми розбивали,
Кровь хрѣстїянську безневѣнно проливали....

См. еще вариантъ въ *Малор. и Червогор. народннхъ Думѣхъ и Пѣсннхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людей, на путяхъ идучихъ, або идучихъ, обдирають, или щокольвекъ насильствомъ рабуючи, пакості сотворяють.

Вельми тіе козаки зле собі поступають,
 же, идучи у войско, людей где обдирають.
 Подобало бы имъ тогда милостню дати,
 а не такъ на погибель имъ вичну сотворити.
 Запаятали то, знати, въ таковыхъ злихъ души,
 же показують бису вгдине анимуши (!).
 И нехай тое собі злие раби бдутъ знати,
 же съ помстою своею Христосъ не бдетъ (ихъ) мичати,
 И воскресі таковыхъ мжетъ вкоренити,
 и пачать ихъ со шумомъ на-вики погубити.
 — —
 Побийотъ бо слези на вкь отъ нихъ оскорбленнихъ
 и вскихъ хочай мало отъ нихъ озлобленнихъ,
 И у войска пошедши, ку домомъ не возвратятъ,
 але бдутъ ганебно головами накладати....

Не все козаки пользовались правомъ сильного; не всехъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословию онъ очень благоволяетъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т.е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

...гриситъ Богу, хто даеть козакамъ зневагу.
 Простий чоловікъ завше у дому пробуваеть,
 а козакъ, шедши въ войско, весь домъ свой оставляеть.
 — —
 Зачимъ не тилько ховай, Бже, пагану давати
 козакамъ, але треба ихъ, якъ святихъ, шанувати.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Треба бы ганити подобно такихъ чловиковъ,
 же кладутся пни въ поляхъ зъ давнихъ виковъ,
 Кди освященнымъ мѣцемъ церковнымъ взгоржуютъ,
 а на могилахъ себе власти повелѣвають.
 Хто бо подъ церковню главу покладаетъ,
 о томъ большъ церковь Бога о покои благаетъ.
 — —
 Бо мовить: *зде лежачихъ*, а не: *на могили*,
 хочъ то и тихъ могильныхъ вспомниеть по хвилі,
 Кгда речеть: *и повсюду Християнъ православнихъ*,

(!) Характеръ, духъ.

та́же вспо́мни́аєть п̄ вл̄астѣи́ козако́въ сла́внихъ.
 Ино въ доро́зі́ любѣ въ во́йску легті́и и въ по́лі,
 же цѣркви нема́шь; му́сѣть то быти по невѣлі;
 Ато́ зъ до́му нести́ся въ по́ле изво́ляєть,
 где вовкъ, абѣ тежѣ и́ппѣи́ звірь ся похожа́єть,
 А на свяще́нномъ мѣ́сту не хо́четь покла́дати,
 лечь зъ до́брой во́лі хо́четь отъ цѣркви отдалѣ́ти.

— —
 Звичайі́ коза́цкине въ тихъ ри́чахъ бува́ють:
 же въ по́ліхъ кла́дуться и мо́гили виспи́ають,
 Того́ ра́ди, же въ во́йскахъ бива́ли и въ по́лю,
 и зъ непри́телями на поті́чкахъ въ бо́ю,
 Жебѣ́ и по сме́ртѣхъ щі́роствѣ́ ихъ не запо́мни́аєна,
 даби́ хвале́бно лю́дьми чѣ́стними вспо́мни́аєна.
 А му́жика́м не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ти
 да гди не пудѣ́ цѣрква́ми, то въ гѣ́миахъ пудѣ́ грѣ́шами по-
 кла́дати,
 Жеби́ жо́нки ихъ гробо́въ ча́сто нави́жа́ли,
 а на мѣ́стахъ ихъ дру́гихъ му́жико́въ приво́жа́ли.
 Уже́ жъ, коза́ки, собѣ́ ви здо́рови бува́йте,
 а му́жика́м прѣ́стимъ сла́ви коза́цко́и на пота́лу не попу-
 ща́йте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покажутся не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремесла, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословіи.

*О кухмістерахъ, абѣ тежѣ о кухаряхъ, що готують на-
 намъ їсти мѣдро, абѣ хочъ часомъ и не мѣдро.*

Кухмі́стра, мѣ́вятъ, пудѣ́ поро́гомъ положе́ти,
 ежели́ би́ го́лодомъ мѣ́въ себе́ уморѣ́ти.

— —
 И́ труди́тися не тѣ́лько бѣ́ себе́ не зморѣ́лъ,
 лечь би́ не згрѣ́шилъ, гди́ бѣ́ и шѣ́го поживѣ́лъ
 (Ежели́ при́ доста́ткахъ мно́гихъ клопо́тѣ́тся,
 коло́ огню́, якъ мѣ́ха въ укро́пі, верті́тся).
 Па́нь би́ за то вели́ка гнѣ́ву не положе́лъ,
 и Бо́гъ би́ сме́ртельна́ грѣ́ха не постано́вилъ.
 По́длугъ Пи́сьма́, труди́нкомъ прѣ́жде подо́баєть вку́сити,
 и потѣ́мъ до сто́ловъ па́нскихъ чѣ́стно по́сити.
 И́ по́нева́жъ тежѣ́ кѣ́хмі́стръ въ тру́дахъ своѣ́хъ клопо́тѣ́нь,
 тре́ба и е́му́ того́ жъ вво́рвати́, жебѣ́ не билъ го́лоде́нь.
 Бо́ пудѣ́ ча́сть на пу́мѣ́скахъ не тѣ́лько не оста́петъ,
 алѣ́ бива́єть то, же́ ино́гда и не ста́нетъ....

О докторяхъ и о цілюрикахъ.

Вѣльмп и докторство есть потрібно на свѣті,
 же кождий би доктора хотілъ собі міти;
 А же о їхъ вужно, же мало їхъ биваєть,
 кромъ великъ сепаторъ где доктора тримаєть.
 И не тільки оскѣдно о докторовъ мѣдрихъ,
 але и о прѣстихъ цілюриковъ немѣдрихъ.

Тільки жъ на ліченомъ не наїздиться коні:
 трафлілось тихъ лікарствъ заживати и мні....

О гафаряхъ (¹).

И гафарство — чѣстное ремесло на свѣті,
 и імъ бо далъ Богъ рѣчи мѣдріе уміти.
 И хочъ оні и цѣху у себѣ не маіють,
 а поважніе штѣки до церквей зрѣблюють,
 Яко-то: поясі, покрѣвці и воздѣшки,
 а панѣмъ кульбакн гафтѣють и подѣшки,
 И до сагайдачча оздобн придавають,
 и нїіе чѣстніе діла вироблюють....

О золотаряхъ.

Золотаря треба би ангеломъ равнати,
 же можеъ небесніи сосѣди зрѣблюти;
 А то въ такій цель тоє не пнѣкъ ставѣєть,
 ижъ всѣкий щарозлѣтннн посудъ небо маєть;
 Напрікладъ, якъ-то: мїтрян плі патерїци:
 тамъ бо царскіи вїнци, сцѣптри въ Божой деснїци,
 И прѣчее можеъ все зась знавѣвати,
 котрбе звїкло zde въ насъ на землі бивати;
 Меновіте — вельможннхъ гетмановъ булавн,
 до котѣрихъ потреба хотѣщимъ головн.
 И йннн войскѣвне ділають кнѣшнѣтн
 и прилїчннне вбннамъ рѣзннне примїѣтн.
 И поясі ділають срібрнне мѣдрн,
 и евангелєскн блѣхн рѣблють премѣдрн,
 А особъ капнтѣламъ ділають печѣтн,
 о котѣрихъ ажъ не знѣають, якъ рещї почѣтн.
 Такожъ и властѣльскн лїснн (²) оздоблѣють,
 якъ імъ повелѣвають, тако потрафлѣють.
 И позлѣцѣннн тежъ зъ срібрѣ рѣблють кѣбкн,
 и всѣкнн до столѣвъ пѣнскнхъ втожъ посѣдкн.

(¹) Гафаръ — шмуклеръ, занимающїйся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кн-стей, спурковъ и т. п.

(²) Палицы.

II до блтарей святіхъ річи престбльни,
 и многіи потреби также церковни.
 II паннымъ перстени златіи изробляють,
 и каменны драгіми оніхъ украшають.
 Додавають же кштáлтовъ и на сагайдаки,
 и на сагайдачнне остра и кульбаки.
 II шаблі драгоцінно срібрѡмъ осажають,
 же ажъ зріщні на тихъ вельми ся удивляють.
 II гўзіки робять и окладають ножна,
 и всего неотмѡвни, все бо пмъ возможна.
 II справляють тако жъ премўдри ножі,
 котріхъ держать собі богáтні мужі.
 А що есть кадіянци и срібрні лхтарі,
 и лїмпи, — все то тѡе робять золотарі.
 II до образѡвъ вінці, рўчки и корѡни.
 Приймї до своей їхъ, Бѡже, оборѡни!
 II що-кѡльвекъ на землі світъ сей потребуєтъ,
 все то золотарь своїмъ рѡзумомъ готуєтъ....

*О довбшиахъ, що въ бўбни бўбнятъ и о тренбачахъ, що въ
 труби трублятъ и въ сўрми сўрмятъ.*

Дѡвбшиі войсковїи їгри отпраляють,
 также и тренбачі, гди въ трѡбни витрубляють.
 II потреба їмъ обѡмъ братъ за брата жїти,
 же довбшишъ бўдетъ бубнїтъ, а тренбачъ трубїти,
 II їгри їхъ слухачѡвъ часѡмъ ввеселяють,
 а вногдѡ на жалѡсть велику возбуждають,
 Гди, слїшащи, мѡщно судъ Бжїиї памятати
 и архангельскую тежъ трубу вспаматати.
 II до умилѡніи слїшащихъ привѡдитъ,
 понѡже чѡловіку и смерть въ памать вѡднѡтъ.
 А часѡмъ при банкетѡхъ весело слухають,
 когдѡ мїрно на пирѡхъ пнтїй ужпвають.
 А особно засѡ довбшишъ въ раду впубнѡетъ,
 и въ похѡдѡ войсковїиї тѡе жъ сотворѡетъ.
 II по побѡдахъ также зъ бўбни, витрубляють,
 коли южъ вѡйска собї триумфъ составляють.
 II предъ врати бўбнятъ, трублятъ панѡвъ вельможнїхъ
 и въ Запорѡзкой Сїчи вѡйскъ славнохъ и побѡжнїхъ.
 Бўбнятъ въ Сїчи у вѡчѡрь, вѡйску ва похвалу
 и рано, гди въ то врѡмя и Бѡгу твѡрять хвалу.
 Прѡто и войсковїимъ музїкамъ добръ прїѡемъ
 и, ѡко чѡстїнхъ вѡйску слугъ, щїро похваляемъ.

О музїкахъ, менѡвите о цимбалїстахъ и скрїпнїкахъ.

Весѡлое ремѡсло музїцтво, повїдають,
 же їграми своїми смўтнїхъ пудвеселяють,
 А весѡлне паче весѡлнми бивають,
 когдѡ музїки въ скрїпку и въ цимбали играють.

П чéстно тáкже собі на світі пробувають,
 кдн жъ и самóму Бóгу похвалу отдавають,
 Понéважъ, якъ йнпе ремéсники цехъ мають,
 такъ и онѣ, спасётъ ихъ Богъ, въ цеху зоставають,
 П вéдлугъ церковного уклáду поражають,
 и до церквѣи Божнѣхъ свѣчи чáсто справляють.
 А гдн бъ хто мóвнивъ, же лéгкимъ хлѣбомъ забавляють,
 такѣи имъ хлѣбъ Господь далъ, — нехáй не подивляють,
 И хлѣба дарéмного нѣгдѣ не уживають,
 тѣлько егó всякне презъ працу заробляють.
 П прéто, хто ремеслá научáетъ,
 таковѣи меншъ прбстою роботою труждаетъ.
 Ремеслó свѣто дѣло на свѣтѣ ся знайдуетъ,
 котрѣи зъ пѣльною егó охбтою патруетъ.
 П хто ремеслá своего зáвше чáсто пильнуетъ,
 томú до егó праці и самъ Богъ пособствуетъ.
 Нехáй же безъ лѣности и музѣики играють
 и веселости молодѣимъ людемъ додавають.
 А найгрáвшпся, пехáй грóха и спочпвáють,
 да по пóвной клáвнѣи горѣлки выпивáють.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или вольтыжниковъ; но, у Климента была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударяхъ, що въ дуди играють, онъ пишетъ такъ:*

Мерзѣная то игра дудá зоставаетъ,
 и шѣпцу всѣмъ грѣшнымъ людемъ предназначетъ (*);
 Надимáють бо ся, йко горднѣи дмется,
 побукъ ревѣтѣи п густѣи зъ бѣдою начнѣтся.
 Повѣдають, же та игра нечестѣива,
 лечъ, гдн не отъ Бóга, то отнюдó злочестѣива.
 А гдѣи начнѣтъ дударѣи дуди надимати,
 въ той часъ шпетне, же губѣи стáнутъ отдимати.
 А пжъ не отъ Христѣи правѣ явилася на свѣтѣ,
 не годѣло бъ ся ей Христѣиномъ пмѣть.
 П не тѣлько дудъ, алé хочъ би и игра жáднѣхъ,
 бо будятъ блáднугу мисль въ челоуѣцехъ жáднѣхъ.
 Мóжно бъ и безъ игра въ славу Бóга повеселѣть,
 а всѣи душеврѣдпне йгри искорѣнѣть.
 Рáзвѣ военнѣхъ игра, що звѣкли въ войскахъ держать,
 котрѣими въ войскахъ на бранѣи на триумфъ гласѣть.
 За войсковѣи йгри грѣхъ не положѣнно
 въ кнѣгахъ, алé и по сей день не отречѣнно.
 Мóгутъ ихъ войска́ по день послѣднѣи тримати
 и къ звѣчáйнымъ потребамъ бнѣхъ уживати.

(*) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

II безгрішно єсть въ трѣнби и въ доміхъ трубѣти,
 звѣща въ великихъ властѣи, и въ котлі бѣти,
 II зъ огненнихъ оружіи часомъ випаляти,
 абѣ тежъ, простійше мѡвлячи, стрѣляти.
 II, на хвалу Христову, и днесь заживають,
 понѣважъ въ Великъ-день на радость стрѣляють.
 Вспоминаючи триумфъ Христовъ, всегда що-рѡку,
 и, на умѣльность дѡшамъ, чинить то знарѡку,
 II на Богоявлѣнскій прѣздникъ такожъ стрѣляють,
 очищеніе отъ грѣхъ мѣру извѣщають.
 А корчѣмше ѣгри похвалы не годни,
 бо тѣлько своявольнымъ людѣмъ онѣ вгодни.
 А бѣрзѣй дудѣ, здавна подобно проклята,
 щобъ отъ благословѣннихъ она била огнята!
 Проклятому рѡду ю тримать подобаєтъ,
 котѡрий Христа Бѡга во віки не знаєтъ.
 II бодѣи загинула дудѣ на всі віки,
 жебъ большъ не видѣли ю вірне чоловіки!
 II научившимся людѣмъ въ неѣ играти
 трѣба за тѡе крѣпко отъ сѣрдца каяти;
 А еѣ до всіхъ дѣбловъ у воду втопѣти,
 абѣ огнѣмъ великимъ у гноѣ спалѣти....

Точно такъ возстаєтъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *нізомиъ*, *хмізомиъ*, *понідъ вѣрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

II тепѣрь танцовъ много на свѣті биваєтъ,
 кѡждий чоловікъ правду на тѡе прѣзнаєтъ,
 Яко-то: на ѣгрищахъ и на тихъ позбрахъ,
 и по корчѣмнихъ вездѣ своявольнихъ двбрахъ;
 II па весѣлляхъ брачннхъ также танци бивають,
 и многовертѣнимъ плясаннемъ Бѡгу згрѣшають.
 Мѡцно бѣ браку законну обѣтѣи и безъ тѡго,
 имено безъ плясання проклятого....

О сідлярахъ, абѣ тежъ о кульбачникахъ, що кульбаки робятъ.

Дѡбре то вѣгадано кульбакѣ робѣти,
 жебъ, іздячи хто вѣрхи, па такъ ся могѣ збѣти.
 II чѣстине то річи кульбакѣ, и важние,
 бо іздятъ осѡби високоповажнне....

О шабельникѡхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премѡдрне шаблі изробляють* и что маляры изображають съ мечемъ святыхъ.

О сагайдачникахъ, що сагайдаки (або тежъ по-простіи мовлячи) лукі роблять козацкіе.

И сагайдачники, що лукі пзробляють,
та́кже, знаю, козака́мъ потрібни бивають,
Бо кгдажъ до стрі́ль и луко́въ особно потреба,
а тативу́ и самъ мо́жетъ зді́латъ, якъ тре́ба.
А що самі́е, мовлю, бине-то лукі́
учо́бне ма́стерове робля́ть ремесни́ккі,
Бо козаку́ и луку́ — приви́лєнн, або кле́внєнн,
абб тежъ, ві́мъ, коза́цка оздо́ба и при́мо́ть....

О стрі́льни́кахъ, що стрі́ли коза́цкіе робля́ть и о коза́кахъ по-хва́льное.

И стрі́льни́ккі коза́камъ потрібни бивають,
понева́ж до воєни́хъ справъ стрі́ли зробо́ляють;
Бо и стрі́люю мо́жно та́кже порази́ти
и якъ о́гненною стрі́льбою умертви́ти.
И дивна́я рі́чь стрі́ли, гди ихъ ви́тагають
вгору́: и ви́соко та́к нічи́мъ не досяга́ють.
Же котро́ри зна́йдеться коза́к здо́рови́х рукъ,
то та́кий крѣ́пко мо́жно и до́бре тя́гнєть лу́къ,
Же ажъ мо́жетъ на версту́ во́здухъ заче́пѣти
и хму́ри во́зду́шниє стрі́люю про́біти.
И то по пра́вді́ то́му та́ко би́ти мо́жно,
кгда и блѣ́о на сві́ті́ то́е-то не мо́жно,
И́жъ нігди́сь стрі́ла, вгору́ коза́комъ пу́щенна
су́ха, а зъ висоті́ вь до́ль мо́бра во́звращє́нна.
Зна́ть то, же скро́зь до́ждє́вну хму́ру стрі́ла про́йшла,
ті́лько що щось о́блако́въ небє́сни́хъ не до́йшла.
Билѣ́ то на Сі́вері, вь пи́сцѣ́ се́го ві́ку,
при лю́дєхъ мно́гихъ, а не при єди́номъ чело́вику.
И то́гда жъ хму́ри ча́стка на зе́млю пзна́ла,
вели́чествомъ, я́ко чело́вичая гла́ва,
Вь подо́бї́ лє́да, и тамъ же и пзта́йла,
и во́дою сві́тлою на зе́млі́ зоста́ла.
Прє́то диво́ватнє́ и зась стрі́ла́мъ тре́ба,
же ма́ло само́го не досяга́ють пє́ба.
А вв, коза́ккі, лу́къ, здо́рови, потяга́йте
и зъ о́гненни́хъ ору́жїи́ смі́е впала́йте....

О солі́трани́кахъ.

И солі́трани́цтво — якъ реме́ство подо́бно,
же солі́три на пі́рохъ вєта́вї́чно надбо́но.

А вь солі́тру вели́кпй ко́штъ у́кладають,
гди господа́рі́ собі ма́йданъ закла́дають;

И великъ крѣпко заводъ трѣба на той розходъ,
покуль узрять солітру п въз неѣ приходъ....

О пороховникáхъ.

Такожъ людамъ потрібни п пороховникі,
яко тежъ п інше всюда ремесникі.
Прохъ бо потрібенъ, гди звирей, птицъ стріляють,
п въ день Богоявленський, гди воду освящають.

— —
И пороховникү дай, Ббже, мить пожитокъ,
п, за працу его, въ домъ великпй прибѣтокъ....

*О роговникáхъ, що роги козакамъ робятъ носіти при боку,
для держання пороховою.*

И козакамъ потріба также майстеръ рбзний, —
розглядівшися, трохá не ремесникъ кождий,
А особливїше тежъ той-то п роговникъ,
яко п іншій майстеръ, абб зась ремесникъ;
Бо козакамъ трѣба всякого привїлля,
тїлько не бáрзо трѣба шевського копїлля,
А роговъ на порохї завше потребують,
п въ шпхъ, пдучї въ вбйско, порохї готують.
И добрий въ козаковъ члнъ — зъ рогáми ходїти
въ вбйску, бо въ рогáхъ порохъ не мбжетъ змочїти,
Не замбкнетъ натрáвка п впять ладовнїца,
а безъ бїстра пистолетъ змбкнетъ п ручнїца.
И роговникъ же нехáй козакамъ ся прислугуетъ,
п отъ шпхъ похвалї п лáски заслугуетъ.

*О иконописцáхъ, сїрїчъ о малярáхъ п о чѣстномъ рукоділї
бнихъ, п о богомáзцáхъ.*

Рбзние мўдростї самъ Богъ на свїтъ давъ
первого віку, когда сеї свїтъ п миръ создалъ;
Всякихъ бо рукоділїй презъ Духъ Святъ научїлъ,
п малярскую мўдрость тогда жъ людемъ открїлъ,
Жебъ на чемъ-кбльвекъ его тварь изображали,
такожде п всїхъ святїхъ тварп малювали.
И ещѣ икбнь творцї знайдують штихарї,
п другїе чѣстїне жъ люде золотарї.
П котрїй маляръ чїсто вікъ свої провбждаетъ,
то чудбвна отъ него икона биваетъ;
А богомáзкїе чудъ образкї не мають,
бо тїлько Ббгу своїмъ ремеслбмъ наругають,
Кгди жáдної на иконахъ їхъ немáшь оздбнї
п малярской тежъ якбн-кбльвекъ подббнї,
Алѣ отнюдь вклепáлись въ тбе рукоділля,
п великое тежъ зъ нихъ на свїтї безділля,

И їмя нмъ богомази, же малярства не дойшли,
 же безпутьное діло самі собі знайшли.
 И не хощуть учітисъ цілого малярства,
 жебъ свой вѣкъемне покидали малярства.
 И до спхъ богомазства часъ не скорепіють,
 бо многне глупакі въ науку ставіють,
 И, научившися, начнѹтъ по сѣлахъ носіти,
 тѣкже и по містахъ по дворахъ пси дражніти....

О друкяряхъ, що книжи друкѹють.

Пишѹ вірши друкярѣмъ, ремѣсникамъ славнимъ,
 которне друкѹють книжи православному
 Людѣмъ; бо всімъ діло нхъ свѣто естъ и чѣстно,
 а бѣрзій тимъ, котріе жиють благочѣстно.
 Друкѹють же всѣкне церкѣвнѣ обрѣдки
 и всі христіянскне рѣзние порядки.

— —
 Чѣрство же ся знайдѹеть оныхъ то ремесло,
 алѣ ускрѹтно оно вѣльми и тяжестно,
 А особліве ногѣмъ, очамъ неспокойно,
 и не обрѣтається въ работѣ покойно;
 Поневажъ бо, якъ начнѹтъ потагати прѣсп,
 ажъ на главѣхъ їхъ вскорі мѣрки стануть вѣаси;
 Зачѣвши бо, мѹсѣть ся до пѣту трукѣти,
 ажъ рѣзвѣ въ ноцѣ мѣгутъ нѣмало поспѣти;
 И въ великій работѣ прѣзденнкъ оставліють,
 а тимъ часомъ спѣсоби опѣтъ приготовліють.
 И научилъ такъ Богъ їхъ рѣхло друкѣти, —
 що за день, то не мѣшно за рокъ препѣсати....

О интролігаторахъ.

Интролігаторъ книжи новн устраяеть,
 а часомъ и старіхъ якъ лѹчить оправлѣеть,
 И рабѣтаеть въ церкѣвѣ діло палѣжное
 и въ домѣ письменнихъ приналѣжное.

О папірникахъ, що папѣри у папірняхъ рѣбѣтъ.

— —
 На всѣкні бо рѣчи папіровъ требѹють,
 на которихъ рѣзние рѣчи записѹють,
 Якъ-то: продажамъ, кѹплямъ пѣмѣтъ покладѣють
 и на гѣнори прѣва крѣпкне ствержѣють,
 И книжи тежъ рѣзние пишѹтъ и друкѹють,
 котріи многн лѣта у спрѣтахъ вѣкѹють,
 И якобъ на папѣрахъ много витискѣють,
 и въ церкѣвахъ и тежъ въ домахъ къ стѣнамъ приплѣліють.

О виноградни и о винограднихъ.

Если въ літі труді есть въ чемъ такъ безпрестанно,
 якъ коло винограду отиудъ непрестанно,
 П правда, же безпречъ ся въ немъ трудъ полагаѣтъ,
 гди работающий въ немъ, нітъ, не спочиваѣтъ.

— —
 И тимъ вино добраго, бо, німъ до рукъ прійдетъ,
 а кошту въ десятеро за літо розійдетъ.

— —
 Тільки то охочні егб распложаютъ,
 а не великий зъ негб, вімъ, пожитокъ мають....

*О винникахъ, или о винокурахъ, або тежъ о горільчаникахъ,
 що горілки робятъ у винницяхъ. (По-Венгерскій ся називаѣтъ
 винница — виноградний огородъ, або тежъ левада, а по-Рускій
 будинокъ той винницею ся зовѣтъ, въ котрѣмъ курятъ горілку.)*

И винники на світі достѣйни поваги;
 а не треба, крий Бѣже, даватъ імъ зневаги;
 Потрѣбний бо они, вімъ, трѣнокъ виробляють,
 котрѣго и монархи силъние вживають;
 А хочъ часомъ и на зло той трѣнокъ привождаетъ,
 єднакъ въ томъ винникъ вини жадної не маѣтъ;
 Бо гдижъ вино невинно, виненъ злий обѣчай,
 же презъ міру хто пїетъ, а не такъ, якъ звѣчай....

*О муровицкахъ, що церкви мурують, или полаци мурованние,
 або тежъ фортеци, замки и проч., а по-Московскій о ка-
 менцикахъ.*

И тѣслі церкви робятъ, тільки не такъ славно
 діло ихъ древяное и не такъ тривало.
 А мурн вічностю ся здавна називають,
 котрихъ много и поднесъ везді заставають,
 Вѣдлугъ присловья: »Хто праве що муруѣ,
 то той тільки будинки крѣпкие будѣ;
 А хто-кѣльвекъ древяни виставѣтъ кѣтцѣ,
 тѣе латво до гурн вшендзѣ бгнѣмъ лѣтцѣ»...

О пивоварахъ.

И броварниковъ, або пивоваровъ, треба.

— —
 И хочъ то мовятъ: »Не той пиво пѣетъ, хто варить«,
 єднакъ и онъ напѣется, гди надъ тимъ часъ травитъ.
 Не перепѣтъ пивоваръ господарска пѣва,
 и не жаденъ господаръ позрять за то скрѣва.

Бо не тільки що п'ява м'усімь скоштовати,
але и медь ситачй, также спробовати....

О солодовникахъ.

И солодовника людъ многий потребуеть,
котрий солюдь на пиво пзъ збѣжа готуеть.

— —
И хочай тежъ и то есть великое дѣво,
же бблша часть въ горілку идеть збѣжа и въ пиво,
Зъ того пивоваровъ и винниковъ вимовляемъ
и на-віки отъ вини бишхъ визволяемъ.
Итъ ихъ вишъ въ борошеннихъ затратахъ,
абѣ зась мѣвлю — въ хлѣбнихъ на свѣті утратахъ.

— —
И гдѣбъ на двѣ тихъ річи зтратъ хлѣбнихъ не билѣ,
ні по чомъ би борошно и збѣжа всяко билѣ;
И игде би борошенъ людямы и дѣвати,
и вищетние такъ не могли бѣ погибати;
И дровъ би во всѣхъ краяхъ пребывало много,
атѣ крѣпко оскудно инди дровъ для того.
Ужѣ жъ не щѣ мѣеть всякъ тымъ річамъ чинѣти,
не мѣжетъ ніхтѣ по-вікъ тогѣ скоренѣти,
Жеби пивовъ и медѣвъ не билѣ варенно,
йжби и горілки зъ свѣта скорененно....

О котляряхъ.

— —
Рѣбятъ бо казанй, трѣби, корці и лйкки,
притрѣбники, лѣнбикк, мідни и кварти, и кондійки,
А попрѣсту мѣвчичи: що вхѣтять, то врѣбятъ....

О юнтаряхъ що кюнти рѣбятъ.

— —
вирѣбляють бо гѣнту — церкви побивати.
И на побѣтти домѣвъ панѣвъ тежъ вельможнихъ
и до прѣствихъ будинковъ людей промѣжнихъ....

О цегельникахъ.

— —
Ихъ руководіне иногдѣ зарѣбтно,
хочъ то, правда, потяжко и по часті клопѣтно.
Еднакъ же мѣжетъ зъ свою потребу зарѣбити,
а зарѣбивши грѣшей, да хочъ и ожепѣти.
А имѣщие жѣнв, тѣе горшъ пропивають,
а жѣни такйхъ въ домѣхъ хлѣба зъ дѣтьми не мають.
Правда, же и цегельникъ йнвий есть осторѣжний,
смирѣнный, тихий, людзский и до Бѣга побѣжний....

*О вапєнникахъ, що вапно палють съ крейди, а часомъ и зъ ка-
міннл.*

Ещё одного відравъ ремєспнкіа,
що вапно рбнть, тогб вапєннкіа.

— —
Вапно бо трєба на цєркбвное мурованнл
я потбмъ зась на потннкованнл....

*О садовннчнхъ, що садї садлть и щєплть, для розвбдоваь бвоц-
ннхъ дрєвъ.*

Хто хбчеть собї нбвнї садъ распложать,
той садовннчнхъ мўснть потребовать,
Жєбъ бвоцннє дрєвѧ въ зємлю сажалъ
и отъ тнхъ же дрєвъ до нпнхъ прнщєпллль,
П жєбї дрєво кбждое отрєбллль
и въ веснлннї часъ гнонмн оснпалъ,
А въ лїтї жєбъ нлль траву пудкошатн,
жєбъ чїсто бнлб бвоцн збнратн....

О гончарлхъ слбво вїршовбє похвѧльнбє.

Пєрвнї на свїтї гончаръ ремєспнкъ труждѧтель —
самъ Господь Богъ. Адѧма и Евнн создѧтель,
Котбрнї далъ людѧмъ всї хїтростї умїтн
и всѧку премўдрость хотїщнмъ разумїтн.
Прєто мбщно гончарство свлтїмъ дїломъ назвѧть,
понєважъ Богъ Адѧма звбпллль зъ глїнн создѧть.
П гончарлмъ чловїка мбщно бъ зъ глїнн зрбїть,
тїлькб не возмбжно зрбївшн, душї влїпїть.
Еднлкъ сосудн рблтьл напїткн влїнвѧть
и всѧкнє тежъ горшкї, що їстн готовѧть.
Тѧкже кафлєвнє пѧчн впстлвўютъ
и рбзннє на кѧфлѧхъ оздбн мудрўютъ.
А бѧрзїл, що покбщувлнннн назнвлўютъ,
гдє фѧрблн всѧкбл красїл додлвѧють,
Именно же — мнбгбє шнмїльцлмн кллдўть цвїтн
и вѧльмл премўдрнє ноллгѧють квїтн.
Ажъ бн бєспрєчъ хотїль на тўю днвлїтнєя
пїчь я грїтнєя; до тлкбї мїлб прнтулїтнєя....

*О ткачѧхъ и о жѧнлхъ нхъ и о ннннхъ жѧнлхъ, ткѧтн нмъ дѧ-
лўцнхъ.*

Мєжъ ннннхъ ремєспнковъ и ткачъ умїшлвєя
и тлкъ же, якъ нннє, ремєспнкомъ назвѧвєя.
Моглѧ бъ Россїѧ нѧшл и бєзъ ннхъ прожїтн:
ннбє въ Тўрскнхъ стрѧнлхъ мѧтєрнї рбїтн.

А въ насъ и жбни тбе ремесло отправають,
 и большъ таковѣхъ женъ есть, що ихъ и не требують;
 Бо, якъ зхотѣтъ, заразь мбгутъ ся научити
 и не бѣдетъ основи южь до ткачѣи носѣти.
 А въ Литвѣ всѣкпе жбни ткачовъ и не знають, —
 развѣ козацкпе ѣппе потворство мають,
 Же то ѣная бѣдетъ не прѣха и не ткаха,
 а въ таковѣи мбжетъ бити ткачѣви знаха.
 А що жъ бѣдутъ ткачѣ въ такоѣ собѣ брѣти,
 гдѣ не бѣдетъ основи и потканнѣ давати?
 П ткацкпе тежь жбни не всѣ хотѣтъ прѣсти,
 абѣ бѣ готовпе шѣтки моглѣ въ бѣрда класти,
 П часомъ отъ робѣти втку не маю зостанеть,
 а до того и прѣжи ещѣ въ кого достѣпетъ,
 Ажъ полотно зъ тихъ рѣчѣи мбжетъ ѣзпорѣдити,
 да кошѣль и ѣппихъ справъ мбго мбчно пожити.
 П пѣсьмѣннѣи людъ ткачѣ — всѣкъ пѣхѣи разумѣтъ —
 же старѣи и молодѣи *Отче нашъ* въ нихъ умѣтъ;
 А ѣппѣи ремесникъ и моѣтѣи не зпѣеть,
 и пѣхѣи же не ганьбитъ ткачовъ — тое собѣ зпѣеть....

О бѣрдникахъ.

Бѣрдникъ не зпѣеть, кому онъ билъ би потребень,
 развѣ тѣлько тимъ ткачамъ и жонкамъ потребень,
 Бо не мбжетъ ткачъ и тежь жбнка безъ бѣрда ткаѣти,
 ѣдно мѣсятъ бѣрдника собѣ потребовѣти.
 Зачѣмъ-то и бѣрдниковъ не трѣба зневажѣтъ, —
 пѣхѣи зробѣлютъ бѣрда, жеби бѣло чѣмъ ткаѣти!

О кравцѣяхъ.

Кѣждѣи ремесникъ своѣи начѣи не мбжетъ забрѣтъ,
 а кравѣць и зъ начѣинымъ всѣмъ мбжетъ повѣндровѣтъ.
 Всѣкъ ремесникъ кромѣ вбзомъ бѣдетъ начѣи возѣти,
 а кравѣць мбжетъ все своѣ за надрѣи вложѣти,
 А збктемъ⁽¹⁾ пдѣчи мбжетъ ся пудпратѣи
 и въ дорѣгу, гдѣ емѣи трѣба, поспѣшатѣи.
 А начѣиине кравѣцево менѣвите такѣ:
 прасъ⁽²⁾, нѣжнѣи, напѣрстокъ, ѣглока, а не пѣбе....

О шевцѣяхъ и о чѣстномъ ихъ ремеслѣ.

Повѣажное ремесло и шѣвство зоставѣтъ,
 гдѣи жъ чѣстное брѣтство и ктѣиторство зъ нихъ бѣвѣтъ.
 П *шевци-святѣи*, такѣ ся то онѣи назѣвѣють,
 и зъ своѣго титулу ажъ самѣи ся втѣшають.

(1) Родъ аршина, въ три четверти. — (2) Утюгъ.

И щірше онп есть щевці люде на світі,
 и жонп іхъ добрпе, п іхъ шевскне діти,
 Бо підп онп жадпхъ шалвірствъ не заживають,
 але п учневъ своїхъ людскости навчають,
 П особливе рбзпой тежъ своѣй політїкп
 п зъ книгп зрзппці шевской чѣстной грамматики.
 И копїлля зъ правїллямъ, п вся верстатъ іхъ слава:
 знаю о томъ добре, п люде мовятъ здавна.
 А якъ сїдетъ робїтп на своѣй верстатї,
 почнѣтъ своѣ всякое пачїнне роскладати,
 Яко-то: копїла, правїла, дратнїці, стрепїці,
 лоппнкї, цвїшки, смольнїкї, п`ручки п кравпїці,
 Такъ тежъ: стїрачі, молоткї, винптакї, тїпки п клесачкп,
 обцалкї, смблп, воскъ, вїхти, клѣїстра, писачкп,
 Затпрачкп, клпнці, гнїпп, дратви, цпкнїсарї п щетїни,
 шїла, чернїла, пожї, скобелькї, стругї, скїски, бѣлехп
 п смольшїнп,
 Вѣтошь, вїтки, завегї, кобїлпці, хлїппц, хўтра п стрпхольці,
 рѣмїпъ, вїду до шпованнїя, лўбья, дѣготъ п патягачї, п
 ковці.
 А якъ пїдетъ до шкуръ, дубъ товчѣтъ, шкўри переспїаѣтъ,
 а їнне шкўри у збу хўру закладѣтъ,
 П їнне тежъ на кобїлпці шерсть оббрїаѣтъ,
 а потїмъ, надївшп шўствагъ п хвартухъ, бѣлехомъ мез-
 дрў пудроблїаѣтъ,
 П, позаговавшп, въ Бїжпї часѣ укладѣтъ въ квась,
 п чекѣтъ, пбкўль бўдетъ переспїаѣтъ вїятъ часѣ,
 П на крїслі по царскпї (!) сїдїтъ, якъ на маестатї,
 п прѣспїтъ Бїга, жєбї на роботу рїно устатп.
 А устївшп усїнегъ лучпїкъ, п желїзо причеплїаѣтъ,
 п лучїну зъ пеньковъ смблїннхъ зъ огнѣмъ роскладѣтъ,
 А розложївшп огнїю, зїраязъ перешпваѣтъ,
 пїтп, пбкўль ажъ ся емў подобѣтъ.
 Якъ перешпваючп втїмнїтєся, то шкўри стрпхўѣтъ
 п на роспусканнїя на чботп, кїлькї зъ котрїї паръ вїї-
 детъ, готўѣтъ.
 А потїмъ, покїнувшп все, пїдетъ бїтп збрїатъ
 бо потреба козїнп пзъ бїтою впчпнїаѣтъ,
 П пїдетъ до гарбївкп у чївнї хптатп,
 козїнп п барїпцп хочъ п габелькп окрашїтп.
 А нахптївшпєя ещѣ п їстп захїчетъ,
 п дастъ емў шевчїха, чогї псхїчетъ.
 А якъ прїдетъ емў часѣ п прость рѣмїпъ впправлїаѣтъ,
 стїпаѣтъ крїпко працюаѣтъ п, якъ повїсмо, тої мїаѣтъ.
 П їзїаѣтъ у лугъ дўбу п пїпелу готувїтп,
 п мїсїтъ бїднїшъ добре на зїму працюаѣтп,

(!) Это слово зачеркнуто другими чернилами, п вмѣсто него написано сверху: *по-власгельскїй*.

А особній мусіть по материнку п по листокъ ходіти,
 же ажъ и въ свѣто ма́ло мѡжетъ когда зночіти.
 П сівши на роботі, то до полночи не бѣдетъ спати,
 а часомъ до са́мого свѣта бѣдетъ перешпвати,
 Абѡ иногда роботу бѣде старюю якую крѣпѣти,
 или тежъ инюю хорбшюю новюю робѣти.
 А якъ схѡчетъ шевчѣху побѣти, ни що, чпмъ бити, не шукаеть:
 бслп чѡботъ клеуеть, тобою жѣ клеуачкою поторкаеть.
 П не дай, Бѡже, на свѣті жонкамъ гѡршоі мѣки,
 якъ попасти якому часомъ шевцу у рѣки,
 Бо шиломъ укѡлетъ п дрѣтвою звѣжетъ,
 нездорѡва зѣ нмъ (хочъ не зхѡчетъ) спати не ляжетъ⁽¹⁾....

О кожемѣнкахъ, що ткѣри вичиняють.

Кожемѣці потреба зѣ шевцемъ за брата жить,
 а хочъ би и гѡлову вкѣпи зѣ нмъ положить;
 Кожемѣка бо шкѣри шевцу вичиняеть,
 а швецъ на чѡботи їхъ людемъ поробляеть.
 П шевці ине уміють шкѣри чинѣти,
 а кожемѣки чѡботъ не вмѣють шѣти.
 П не вѣмъ, кому бѣ шкѣри чппѣти належно;
 подобно бѣ, самімъ шевцамъ слѣшне прпналежно.
 Абѡ тежъ кожемѣкамъ п чѡботи шѣти,
 да и шкѣри за єднимъ би цѣхомъ чпнѣти.
 А то ремесло єдно пѣдвое порѡали:
 неслѣшнѣи нѣкпкпсь люде чинѣ подали....

О бондарѣхъ.

— —
 Кгдаибъ не онѣ, ні въ чемъ би напѣтковъ хранѣти,
 ні въ чемъ бнло бѣ жонкамъ и водѣ носѣти.
 А що обрѣзки шевці п кравці поквѣдають,
 а бѡндари обрѣзковъ своѣхъ не вкпкѣдають;
 Якъ-то: трѣскѣи, котрѣми мѡжемъ въ печѣ палѣти,
 тѣвже зѣсь особлѣвѣ и їстѣ наварѣти.
 П не бѣдетъ дрѣмѣти, же то стѣки-грѣки,
 а къ томѣ напѣче, якъ потѣгне табѣки.
 П не кохѣется въ сну, же робѣтъ въ ночі
 абѡ трѡсть, альбѡ кругѣи, или стружеть обручѣи....

(1) Последніе четыре стиха переделаны изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Онъ не дай, Бѡже, гѣршоі мѣки,
 Якъ попадѣся шевцевѣи въ рѣки:
 Шиломъ укѡле, дрѣтвою звѣже,
 Постѣле шкѣру, та и спѣти ляже,

*О тесляхъ, або тежъ о плотникахъ по-Московскій, а о дегили-
дахъ по-Литовскій.*

— —
И чѣстное такъже ихъ и чѣрствое ремесло,
алѣ и працюито онѣ, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будінокъ якій будовати,
треба кождому противъ себе пудиймати,
И тудѣ и сюдѣ дѣрево обертати,
и ещѣ шлягю и тѣбель забивати....

О звонникахъ и о комисаряхъ.

— —
Также и гарматные штѣки отливають,
котѣрными въ приступахъ стѣны добувають.

— —
Также не безпотребни, вимъ, и комисарі,
що робять до церквей сосуди и лихтары,
И кѣлюхи, и звѣзды, и всякне кресті,
въ котрихъ часомъ случаетъ попомъ и тайни вѣстї;
И робять дѣскосы, лѣжници и мпрїици,
а для соблюданія агнцовъ и гробници;
Также и янполки до церквей выливають,
що на всенѣщнихъ вино и елѣй ставляють;
И робять фляшп, кѣблп, пулимьски и збанї,
тарїлкі, кварти, чѣши, чарки и роструханї....

О коваляхъ.

— —
И найчастїй ковалї кождий трѣбовать будеть,
а якъ-кѣльвекъ безъ янипхъ ремѣснниковъ пробудеть⁽¹⁾...

О сницаряхъ и о слюсаряхъ.

— —
Свїцарї бо церкѣвиши дѣйсусь отризаютъ,
а слюсарї рѣзние тежъ штѣки работаютъ.

— —
Рѣзние бо мѣдростї слюсарь показуеть,
и сницарь безъ числѣ штукъ давнихъ виставуеть;
Прѣто слѣшне бѣ имъ двоимъ братами ся називати,
же то премѣдростей навѣклип заживати....

(1) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ котѣромъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мѣльникахъ або тежъ о мѣрочникахъ.

И мѣрочництва чѣстни ремесла бивають,
котримъ и безъ жпвѣ оніи хлѣбъ заробляють.

— —
Товкуть бо и мѣлють все и пзѣ рукъ здавають,
всякимъ людемъ ремесломъ своимъ угождають.

*О самихъ господаряхъ, владѣющихъ млинами и держащихъ ихъ,
и о млинахъ.*

Хочъ то млинъ корчмю ся въ людѣи називаетъ,
еднакъ же онъ нѣ въ чемъ ся корчмѣ не равняетъ:
Млинъ — чѣстна хранина; не жиетъ въ немъ свавольность,
лечъ влходитъ зъ него людемъ хлѣба довольность.

А хочъ пзѣ корчмѣи пѣну биваетъ пожитокъ
и господарѣи корчмѣному ужитокъ,

А млинъ не едному пѣну догажаетъ,
гди на всю околѣичность хлѣба настатчааетъ.

Тѣлько жъ и млинъ — якъ кому въ щастю поведѣтса,
то той тѣлько зъ него хлѣба не отгребѣтса.

И хто и плугомъ пашетъ, мѣльнику ся равняетъ,
и кѣшту своего, якъ мѣльникъ, не страчатъ.

А мѣльнику много приборовъ въ млинъ потреба,
залѣдво якои рѣчи чего не потреба:

А треба каминни, желѣза безпрестанно,
сталѣ, деревнѣ, лѣю, — мѣблю то негѣанно,

А особливѣ часомъ людѣи — греблю гатѣтъ
и бондарѣи — сосуди въ млинъ на розміри робѣтъ.

А особниѣ — требуетъ ѣиниѣи и мѣрного,
гди знаѣдетъ человека доброго и вѣрного.

Зачѣмъ здало бъ ся шкурка за чиньбу не стане,
ѣднакъ хто що звикъ держатъ, то не перестане....

*О каменносѣчцахъ, що зъ горъ камянѣхъ вибивають, або тежъ
виробляють млиновѣе до млиновѣе на молоття каминни и
крести надгробниѣе, и деки и слупи до муровѣе и до фортецѣе
каменнихъ.*

— —
А камень потребнѣишиѣи въ млинъ, — такъ треба судѣтъ;
бо безъ камня хлѣба не мѣжно сотворѣтъ....

О шаповалахъ и о коповалахъ.

— —
Коповаѣѣ едно тѣлько діло изправляетъ,
же то конямъ и шкапамъ оправу давѣетъ;

А шаповаѣѣ всякне всімъ вигѣди творптъ,
кдѣжъ рѣзние потреби людемъ зѣвше робѣтъ,

А сосуди всякше скляніе п збані,
 зь котрихъ випивають п великіе пані.
 П видно напітокъ скрозь, якъ чегб, чп много,
 нліі тежъ чегб-кбльвекъ часомъ чп немного.
 А во ішихъ не відають, якъ-то въ черепінихъ,
 такъ тежъ особъ не відно п у деревінихъ,
 П не відно въ ціновихъ, желізнихъ п въ міднихъ,
 п не досмотрітиса особній п въ срібнихъ,
 П мослижъ прозріти скрозь, п злбта не мбжно,
 тілько презъ скляніе все відіти возмбжно.

— —
 Ужб жъ гутиніамъ списахъ велику похвалу,
 п оболбнникамъ хочъ малу створихъ хвалу,
 Світовідисе ўбо ділають залбни,
 якъ меновіте всякі оболбнп.
 Інїе прбстїе ділають дравініе,
 а інїе мўдарне п оловніе....

О сїтникахъ п о рещтникахъ.

Мерзено здавало бъ ся то ремесло п брїдко:
 зь конскихъ огбновъ сїта робяють, — вспбмніть гїдко.

— —
 Рещета да пудсїтки зь лпкъ бивають истїанни,
 а у Волбхъ рещета въ ременахъ пробїяни....

О копающихъ колодязі глубкіе, а по-лядзкий студні или по-славєнскїи студенці.

— —
 П есть смілихъ, же бъ до дна адска прокопани,
 іще бъ жрбдла водніе імъ не прешкажали.
 Моглі бъ живи въ тіліхъ пєкла досмотріти,
 п, узрївши тамъ зле, снаднїи каялись би на світї.
 А особно п тбє ещє уважаю,
 же могли бъ п сабого дохбднн раю,
 Если бъ не за сробкгмип, повїдаеть, горамн
 п за пўцями зь гадн, п за морскїими водамн.

— —
 П признають, гднбъ прїве хто до раю п дойшблз,
 то развї ся бъ насмотрїлз звнї, а внутрз би не ввойшблз,
 Гднжъ окблб оружнемъ пламеннимъ обварованно
 п пламенемъ огнєпнимъ вкругъ оцїрклеванно....

О оліїникахъ.

— —
 П зь работїю роббта імъ прихбднть,
 пбкуль готбвий олії нзъ гнїздї вхбднть;
 Пєршей бо сїма въ стўпахъ толкўть п просївають,
 потбмъ въ тєплой водї мїсять п зхвалєвають,

То ж на сковрадахъ смажати и въ гніздо вкладають,
 а послі таравамп кління забивають,
 И зачымъ витиснется яка макуха,
 а імъ отъ таравовъ ажъ запираются дұха.
 П покуль фўри вїйдуть, крішко навлопотїтся,
 покуль тежъ зовсімъ-провсімъ добре увольнїтся....

О воскобойникахъ.

А воскобойникъ вїрпть воскъ и закладають
 въ гніздб, п колодами клінне забивають.
 Изъ гнізда въ судїну на сподъ воскъ встїкають,
 п на захолоду тежъ въ сосуди выпвають....

О калачникахъ.

Многo есть вельмъ всякихъ вїмисловъ на свїті:
 калачники не ремесники, а змїслили цехъ мїтв.
 Ремеслї їхъ мощно ся навчїть за годїну,
 не старїхъ тїлько, алє навчївъ би дитїну.
 И самї ремеслъ своїхъ рїдко работають,
 алє все своихъ бабъ робїти заставляють,
 Якъ-то: мукў сїяти, и мїсїти тїсто,
 и пектї, и вїбратъ, и продаватъ нестї въ мїсто.

— —
 Кдї жъ ремеслб їхъ жадной трїднoсти не маеть:
 поплетши сюдї-тудї тїсто, въ пїчъ сажаетъ,
 Прето и самї дармо въ цехъ тої упелїся,
 власне якъ старецькї цехї повелїся.
 Еднїкъ въ старцовъ наўка есть — язїкї ся вчїти
 и якъ би мїлостини, абб хлїба просїти.
 Тїлько жъ не треба барзо и тихъ цеховъ зневажати,
 ежели бїдутъ до церквї свїчи поставлїти,
 Абб къ прїзидникамъ котрїмъ канўни справлїти
 и на церквї зъ дохдовъ тихъ ся укладати....

О токаряхъ.

— —
 — —ложкї впточають,
 котрїм и панове часомъ ужпвають;
 Такъ тежъ оздобнїе точатъ и тарїлки,
 зъ которїхъ дїятъ и пьють, зварївши горїлки;
 А особно зроблїють великї ящї,
 що зпрїтують въ дорбгу печенне ящї;
 И въ церквї точатъ слупї, а малюють маларї,
 и точатъ до церквї балїси я лїхтарї;
 И точатъ на жертвнїкъ хорбшне кўбки,
 що священникъ ховаеть, потреблїши дарї, гўбки;
 И до уббїтхъ церквї на престолъ гробнїца,
 и до монастїрскихъ трапезъ точатъ сольнїца;

П тїе виточують тертки, що передь тругь,
 и тїе макогонн, що кухарки макъ мнугь;
 П тїе брязкальца, що дїтїй забавляють,
 и веретена, що жонкї вїтки впрядяють;
 П посоховъ властельскихъ много впточають,
 и тїе качалки, що жонкї хустн качають;
 П овчарские точатъ зъ дѣрева сопілки,
 и козацкие, що зъ лукѡвъ, витягають стрїлки....

О пастухахъ, скоти и бидла (и свинїя) пасущихъ, паче же о овчаряхъ.

— —
 Алє еще на свїдъ себї овци пудкрадаеть,
 а господарямъ речеть, яко волкъ зьядаеть;
 А особливє млебо пзъ овецъ здохеть
 и господарямъ овчпмъ пакостї створяеть.
 А љнихъ овецъ жезлѡмъ нещадно ударяеть,
 же ажъ умерщвлїтися ѡпнмъ втожъ сотворяеть,
 И много творятъ фїглі п незпчлївостї....

— —
 а той п вгоняеть зъ гнївомъ пзъ ограда.
 П заблужденной овци не тщательнѡ љщеть,
 и зъ нерадївїемъ љщущи, въ сопілку свїщеть....

О кушнерахъ.

Кѡжи бо овчїе онъ въ квасу виробляеть,
 — —
 и на зїмнєе часп кожухп зрѡбляеть,
 И требующимъ людѡмъ въ градїхъ продаваеть,
 а котрїе приносятъ старїхъ, поправляеть....

Стихотворенїе: *О гребенникахъ, що гребенці зъ роїавъ (скотскихъ, абѡ тежъ бидлячихъ) робятъ до чесаннїя голѡвъ, состоятъ изъ самаго безцвѣтнаго пустословія.*

О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що соли господарские вярятъ.

Торяникї велику працу подпїмають,
 паче коломпнцовъ, що гускї виробляють.
 Сѡтце бо вїдерь вкїнетъ на бѡчку соли водї,
 и, дрѡва въ пїчь вергая, патерпїтся бїдї.
 А безпрестанно треба п не доспїлїтп
 и, жебъ не прогорїла (скѡро) сковрада, ппльноватп.
 Потѡмъ въ садовїцу соль зъ сковради вкпдїаеть
 и на дрўгїй садъ воду, пошѡдшп, наклїдаеть.

И потреба изъ саблю бочку втрусіти
 и всего, що ведеться тамъ, пильно досмотріти.
 И зъ подлимъ здоровьемъ нічого тамъ пудимати:
 хочъ мало знемощнеть, мусіть варить престати,
 Или тежъ товарища прѣсвятъ допильновать,
 а самъ, пришедши къ собі, мусіть также отвдичать.
 А особно и тѣ бурлакамъ вельми нудно,
 же о солодкую воду непомалу трудно.
 Мусіть тоей же соли господарской частку отложити,
 жѣбн, вмѣсто водѣ, браги ся испити.
 А впать же — не машъ тамъ женъ въ Багмѣти, нікому кошѣль
 прати;
 мусіть, вайвши новѣю, носить, покуль зодрати.

Тутъ же и то мовлю, же соль есть рѣзна на свѣти.

Якъ-то: Запорѣзкая есть, Крѣмка и ледянка,
 а не бѣдетъ зъ такю (вѣмъ) працею (и коштомъ), якъ
 Торѣнка.

Зачимъ бурлакамъ (Тѣрскимъ) вѣрши сіе покладѣю
 и працу ихъ и пильни дозоръ похваляю....

О будникахъ, що потамъ робять.

Да и тѣ будники въ нашой землѣ бувають,
 що потамъ Туркамъ сѣкна фарбовать виробляють.

И сяхъ часъ есть будищъ много, где буди бували:
 давние люде бѣ тѣе и нинѣ прпзнали.

И прислухайся кождий, що старій мовить на глумъ,
 а молодій цехай береть добре собі на умъ⁽¹⁾....

О старцахъ.

Старѣцки во вѣкѣ не наблишишь сѣкп.
 бо то дѣравне въ нихъ наидѣются тлѣмки.

Есть и такіхъ много на свѣти знаидѣеть
 лѣжниковъ, котріе, въ миру хѣдячи, плутѣють.
 Бѣдетъ ѣиний здоровимъ, да не хѣчетъ робить, —
 потреба бѣ такогѣо сімъ разъ на день кѣмъ бить.

И добре мовять: »Въ старці пѣгою не впаати,
 а съ старцѣвъ — хочъ калачѣмъ сталъ би пудманѣти«....

О линникахъ⁽²⁾.

Кодѣли бо мѣдрне людемъ изробляють
 и трѣбующимъ онихъ зѣбелъ надавають,

⁽¹⁾ Ср. *Зап. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.

⁽²⁾ Веревочникахъ.

Пменно жь до кладязей надобни глубокыхъ
 и до капуровъ теслимъ до первей високыхъ,
 Также и до неводовъ озёрныхъ тягёння,
 когда где биваетъ южь рибное ловёння,
 И до многыхъ ричней зась кодоль потребують,
 также и до будинковъ панскихъ, ган будують.
 Кодолами дёрево на гору встгають,
 а ивди и порожі чрезь ріки тягають.

— —
 Также и нарітники, шлєі и ужіща,
 котрими припинають у полїхъ конїща.
 Также оброті, вожки и пуги зробляють,
 що коней идучи где-кольвекъ зативають,
 И до дзедаровъ робять втожь шиўри на ваги....

О рудникахъ, що зь рудї желїза робять въ рудняхъ.

— —
 Бо хочь водою млати въ рудняхъ ударяють,
 ёднакъ безъ великої праці не бивають;
 Гдїжъ при болотахъ трєба и зємлю копати
 да рудї зь великою пильностю пскати,
 А знайшедши где руду, особно копати
 и, въ кошницї беручї, въ водї полюскати;
 Потомъ на уголя дровъ въ дуброву рубати
 и вишей хлѡпа въ костёръ довгий тасовати;
 Напотомъ дернь рїзати костёръ той вкривати
 и смотрїть, жебъ поломья не могло псовати....

О римаряхъ.

— —
 Шкурї бо возовїе и лїйци зробляють,
 и хомутї, и ўзди, що коней нудяють,
 Такъ тежъ шбри и шлєі, и бичї на волї,
 и для людєй убѡгнхъ зь ремєню жь постолї.
 И рѡзани до коней панскихъ и кантарї.
 — —
 И попрўги до кульбакъ оні жь зась зробляють,
 котрими кульбаками коней люде сїдлають;
 И пуга ремїнне робять, и тринѡги,
 що злимъ проклїтнмъ конямъ тринѡжати часомъ ноги;
 И нагаїки, абѡ тежъ канчुकї сплїтають,
 котрими людзкости жошъ часомъ прицвїчають.
 А ежели удаеться часомъ злїя прочваря,
 не наўчатъ такѡі и толстая барбара....

О косаряхъ, що сїно косятъ.

— —
 И, хочь би не радъ, мўсїтъ косарѡвъ затягати,
 по пять чєховъ и по три шагї на дець давати.

А косарі-сподарі идуть къ нему съ косити
и косять трави весь день и въ порану зъ росами....

О требцахъ сіннихъ.

И жєнщина мѡжетъ такъже сіно згромажать,
алє не мѡжетъ такъ, якъ музчїзна, ухажать,
Бо звичайно то діло музчїзнамъ робїти,
гребті сіно и копїць сїпнихъ волочїти,
Абб тежъ у копїці и у стїрти клѡсти,
а жонкамъ рѡзвї тїлько у гребенї прїсти.

Нехѡй жѡни у домѡхъ діла росправўють:
прядуть, ткутъ и їсти вамъ, мужнїкамъ, готўють....

О женцахъ.

Тїлько, хочъ бїлѡ бѣ їмъ часомъ третїна,
алє хїлячись заболїтъ и спїна....

*О мїльнїкахъ, що мїла роблять, бѡрскїе дѡбрїе и прѡстїе
пѡдне.*

Не знѡю, по мїльнїкахъ хто бѣ ся чи зафразовѡлъ,
хочъ бї и не єдїнъ ся на свїтї не обрїгѡлъ;
Бо рїдко хто на свїтї мїломъ ся вїмнївѡетъ,
алє бѡльшей водѡю тваръ собї омпвѡетъ....

О колеснїкахъ.

И колеснїкъ ремєснїкъ твѡрїтъ тожъ чудесѡ,
зроблѡетъ бо до возѡвъ и пѡнскихъ колесѡ,
А їменно їко-то: панѡмъ на рїдвѡни,
въ котрїхъ и вельмѡжнїе їздятъ гетмѡни;
И до карецъ колїсь трѡба и на лектїни,
въ котрїхъ славѡтнїе тежъ їздятъ полїтїки.
Къ палубѡмъ и къ колясамъ и къ возѡмъ глѡбчѡстїмъ
такъже колїсь потрѡба, и къ тїмъ драбнїчѡстїмъ....

О стаднїкахъ кѡнскихъ.

И стаднїкї тожъ лўдїямъ вельми вїгожѡють,
же стадъ кѡнскихъ у полѡхъ у дозбрѡхъ мѡють,
И у полѡхъ при кѡняхъ зѡвше и ночўють....

О догтарѡхъ и столпрѡхъ.

Трѡба правѡда, где зъ него⁽¹⁾ сажу цѡлятъ при друкѡрнїяхъ,
на чернїлѡ кнїжнїе, — по-московскїи при печѡтнїяхъ....

(1) Изъ смолѡвого, соснового дегтя.

О неводничихъ, що вѣжуть неводи и сіті, и ѣше пѣсудки до ловлѣння риби.

— —
А хочъ же и самъ ѣнпй рѣби не имѣеть,
ѣжелн-то спѣсобу до тѣго не мѣеть;
То, рѣблячи пѣсудъ тѣбѣ, мѣжеть продавати.

— —
И часомъ той пѣсудъ и въ панѣвъ бивѣеть,
котѣрий панъ озѣра свої собѣ мѣеть.
Такѣй не тѣлько пѣсудъ той бѣдетъ держати,
алѣ и рѣболѣвовъ мѣжеть затыгати
Для домѣшнихъ пожѣтковъ рѣби умѣлати,
жебѣ не все поспѣлавъ въ гѣродъ купувати....

О рѣблячихъ сѣдна водние великие и малые, то есть морские и рѣчные.

— —
А рѣблять окрѣнти, кораблі и гѣмлі,
кѣторги, обшивні, стругі и шугалі.
Также особно рѣблять ліпи и байдакі,
шкуті, дубі и лѣді и човні, и плавничкі....

О партѣсахъ, и учащихся ихъ.

— —
... . же конпѣнѣють глѣси для Бѣжней хвалі:
А хочъ бѣльшей тихъ, що гѣтовѣе спѣвають,
еднѣкъ и тѣе хвалу Бѣгу отдавѣють.

— —
И при великихъ властѣхъ за спѣваковъ бивѣють,
и за то пудъ часъ людѣмъ на свѣті ставѣють.

— —
Хочъ би поѣтнкъ кто былъ, — не почнѣтъ спѣвати;
ѣсли не вмѣеть партѣсѣ, не бѣдетъ ихъ знѣти, —
И не партѣсѣ тѣлько, алѣ и прѣмѣля,
а партѣси далѣко труднѣй отъ прѣмѣля....

О костѣряхъ.

— —
... . и на тѣе гдѣ хто щѣастѣ бѣдетъ мѣти,
запомѣжеться той самъ и егѣ діти.
Лѣчь бивѣеть на малѣй часъ то вспоможенѣя,
же не втѣрпѣти, проигрѣеть, ажъ и обнищенѣя.

— —
гдѣ проигрѣвшисѣ ничѣго дѣтъ, пѣрста одсѣцѣють,
А часомъ отрѣзуютъ устѣ абѣ гѣуби
и ввѣдѣтъ злѣе рабѣ злѣихъ рабѣвъ до згѣуби.
А подѣ часъ за пѣрста ногъ висѣтъ⁽¹⁾ и щѣзѣють⁽²⁾
и нагѣле зъ свѣта сѣгѣ на той взхождѣють....

(1) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (2) Т. е. и повѣшенныя такимъ образомъ погибають.

О свічкаряхъ, що лоевіе свічки роблять.

— —
 где ко́львекъ лоевіхъ свічъ начnúть робіти,
 тамъ стáнуть за полверсты ажъ смрѣди сходити,
 А найбáрзій, где лю́де въ судіппи мочáють,
 а тамъ не такъ, где въ трубка́хъ же́лізнихъ зроби́ють.

— —
 мýсїть мнѳгий наро́дъ свічъ тихъ купова́ти,
 же воскови́хъ не мо́щно грѳшей настатча́ти,
 Бо въ ка́мень вбску́ осмь копъ по́требно вложі́ти,
 а лю́ю ка́менній сімъ за то мо́щно купи́ти....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны приостановило все свободныя отправления ремесла и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнительно лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными аренами исчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаряхъ.*

И убогий чоловікъ хті́тъ бы рандирѣмъ бить,
 еслиби то стѳлько мѣлъ грѳшей рáту платі́ти;
 Ті́лько, же и богáтїи не всякїи то мо́жетъ:
 рідко якїи на тѳе суму́ вложі́ти змѳжетъ;
 А хочъ пїи и богáчъ есть, тогѳ не достўпптѳ
 рандáрскаго урѳду, ажъ большъ рáти постўпптѳ;
 И достўппвши, гди ся пощасті́тъ, хлѣбъ ма́етъ,
 але посполі́тїмъ южъ лю́демъ перешкажа́етъ.
 Не вѳльно продава́ти горі́лки пѳкбму,
 ті́лько то рандарѣ́и ужѳ еднїбму;
 Та́кже и тютю́ну южъ не вѳльно продава́ть,
 ті́лько до него́ мýсїятъ ході́ти купова́ть;

А если и доготи вкѹпи заарендѹеть,
 то и догтемъ нхтѹ вже бѹльшей не шинкѹеть;
 А йпди въ аренди и брага биваетъ, —
 хто не чувалъ съ вѹку, той вѹльми ся удивляетъ.
 А се жь, мѹвить, якѹе вигадали кадуковѹе?
 наши не чували зь вѹку себѹ и продковѹе!
 А еслибъ рандовали ещѹ медъ пѹво,
 бѹло бь южъ всемѹ свѹту наибѹльшее дѹво....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояннн лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеннй между жителями и безпрнютность большнхъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, нмѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— —
 ... по ѳннхъ городѹхъ и хлѹба не знайтѹ
 нечѹного. Мусѹтъ такъ ѳхать абѹ пойтѹ,
 А не тѹлько, же бь ся могль стравѹю пожевѹтъ,
 да и безъ хлѹба пойдеть, хочъ мѹсѹтъ подивѹтъ.
 И зле тамъ, где стравали гостѹмъ (¹) не вигожѹють,
 а щѹ гѹршей, же и хлѹба не продаваѹють.
 Звѹчай то въ такѹхъ мѹстахъ назвѹтъ (²) непотрѣбнн

— —
 Рѹзвнн бн то гостѹ мѹсѹлъ бн въ ннхъ хлѹбъ куповѹти
 и, якъ слѹшно, плѹтою ѹннхъ не вкривжати.
 Зачѹмъ въ невинѹдннхъ мѹстахъ бѹдѹтъ не буваѹтъ
 гостѹмъ, же новнлѹвшн мѹсѹтъ и поѹжжѹтъ.
 И, поѹхавшн, нхъ звнчаѹю не похваляѹтъ
 и въ далѹкомъ краѹю похваляѹю не прославляѹтъ.
 А то на Вкраѹнн туть (Мѹлороссѹйской) не всѹ мѹста винѹднн,
 же, побувавшн гостѹ, и пойдуть голоднн.
 Ежели у кѹго есть щѹ за харчѹ у вѹзѹ,
 то якъ-кѹльвекъ такѹму надѹя у Бѹзѹ.
 А въ Лѹдскнхъ и въ Лнтѹвскнхъ краѹхъ продаваѹють
 хлѹбъ и стравн, и кѹрчнн по шляхѹхъ зь всѹмн винѹдами
 маѹють,
 Ажъ гѹстѹвѹ биваетъ вщѹлякалѹ винѹда:
 кѹнямъ харчѹ и самнмъ пѹвомъ и мѹдомъ охолѹда.
 А туть въ насъ рѹзвѹ звнчай той по мѹстахъ валѹчннхъ,
 якъ-то городѹхъ столѹчннхъ;
 А въ малѹмъ мѹстѹ гѹстѹю не пнтѹтъ поживѹти,
 гдѹбъ ся замѹшкаль, то могль бн дѹшу умѹрѹтн.

Въ сборннкъ свой Климентѹй ввелъ на лнсткѹ 18, стихотвореннѹ:
О неготовѹщнхъ трукдѹтнсл чѹстннмъ трукдомъ, то есть о злѹ-

(¹) Т. е. торговымъ людамъ. — (²) Краѹне.

діляхъ. При тогдaшнeмъ устрoйствѣ Малороссiи и равнодушiи гетманскаго правительства ко всему, что не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбой и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говорить:

... въ сей нашої страні єсть такіхъ много зiлб.

А теперъ нампобило всюда душъ безббжнихъ,
бо не мiють кáриостей отъ людѣи поббжпихъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говорить о *драпіжцахъ, нікогда ненасищѣннихъ или тежъ о видірцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдaшнюю ієрархію: иначе — не пицалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны панюгодливого стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Речѣ приповість: »Волкъ, що споткає, то зъядє:
такъ и чоловікъ драпіжний нікому не дадє,
Тільки радъ кѣю-побо персону лупіти,
жеби могъ якожъ-кбльвекъ шкатулу набіти.
Кому жь, речемъ, подббень драпіжъ, тбкмо вблку?

Далѣ онъ указываетъ на самовластіє старшинъ, не смѣя, однакожъ, явно назвать ихъ.

Кромъ ціле ся наречѣть самъ всiмъ господіномъ,
вдiй жь самъ ся постановвлъ на то властєліномъ.

Прєто и мiто добрб бъ вибирать помiрно,
а не згбла оскорблять бiдний людъ безмiрно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдaшняго времени. Общее впечатлѣніє наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація взнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бѣ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбежно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.

С. Петербургъ.

II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшей не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ виѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ пеходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патріотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, опредѣляющей, что вынесетъ народъ изъ своего прошлаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивилловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружилась попытка къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человечества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славяннина. Ляхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религиозными и общественными убъжденіями. Прощедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ протпводѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдалились въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполттой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши непрехотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественного устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрехшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* ⁽¹⁾ и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ прижкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшей — къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи челоувѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ звѣстной доселѣ цивилизаціи....

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носятъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

(1) *Лугъ* въ народномъ языкѣ значитъ низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Оп не шумі, луже,
Дібровою луже.

янского народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климентія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ посполства привиллегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климентія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго посполства послѣ развязки вѣжинской *черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усялилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, следовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже продавною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увпяваясь вокругъ нихъ, живились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторією расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подосядками, которыхъ еще Мазепинскій панъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бутовниками на своихъ пановъ*.

Да, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлопамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократія украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ Іезуитовъ. Пераборчливый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ вопиющей части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мѣтніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передано множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, яли, что почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства⁽¹⁾. Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во вѣншихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и невольможныхъ представителей. Вотъ почему разиг-

(1) Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

ралась въ іезуитскомъ вкусѣ лѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ расчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собою гетманства, подарилъ часть своей родины князю Меншикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на примежеванныхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это все не было противно господствовавшему въ Гетманщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ паневъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меншикова и преслили бы себѣ Шептаковскую волость по-меншиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Кошкинаго и сочиненной Кошкинымъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, но которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (1). Безъ совершенной отрошенности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивилловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетманщинѣ отъ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Кошкинъ, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ прадедовъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что куплено столь дорогою цѣною.

(1) См. акты изъ архива П. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 318.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные пэз козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? *Chłopska wiara!* говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. *Psia krew!* говорили паны XVIII вѣка о своихъ подданныхъ. *Chłopi iostescie!* отвѣчали радные паны на требованія правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, повожожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ пмъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель письменнаго сословія, іеромонахъ Климентій, нашася, что *письменному* человѣку быть вмѣстѣ съ *простымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ простого мужика простій есть обѣчай,
а въ письменного особпий, політичпий, звѣчай.

Этотъ *політичпий звѣчай*, развиваясь по началамъ мазенинскоі арстократіи, естественно долженъ былъ дойти до полного отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податнаго сословія наравнѣ съ повозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *мужицк* сдѣлалось словомъ укора (1). Нелюбое, смѣшное, странное и неслѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлають*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Пѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работающему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

(1) Впрочемъ еще въ 1724 году Продионъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-ѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *мужицкии сынами и внуками*. (Архивъ Н. А. Маркевича).

долою на своей обширной фабрикѣ и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвѣченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панами, и наследованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому—признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простаго поселянина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлится отъ другихъ сословіи чѣмъ только возможно — сдѣлалось задачей нобилизованнаго украинскаго панства, и только люди отстаые, захолустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классныя чины, донашивали наследственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податнаго званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такія образцы двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показали одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Что касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохотъ отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждою старомодными, сохранными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны нанудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ роднаго края показался имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохотъ ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ или просто.людиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлшки безъ дальнихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надуть онъ, обобразъ и запрегъ въ свое ярмо. Жестокій и безмысленный смѣхъ! Но судьба казнить этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорой и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманяли себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Усиѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости — казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офрануженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, захватъ, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи, враже, якъ намъ каже!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры.*)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змією Сѣчевники, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который дастъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской Блѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотреншнскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не осталась дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по пынѣшимъ живымъ обращкамъ дворянъ-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ,—полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разскащикъ ex professo. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представлялъ, въ монастырѣ, на богомольи, обращикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленіемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей челоуѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розуміхи пзъ сс.ла Лемешѣи (2), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Ниоземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сѣятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружающихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниговскаго Памѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »[о 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малоросійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четверомѣстныхъ, а прочіе въ половничатыхъ коляскахъ. Ницѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтить.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.

(2) Черниг. губ. Козелецкаго уѣзда.

перемоніи при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себя представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелися у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ паискихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ негѣпостью, и гушалося фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ непристойностью. Вывелися у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего *честный родъ*, на мѣсто котораго поставленъ, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный ⁽¹⁾. Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсь. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли *смердомъ*, и въ то время, когда его стали называть *хлопомъ*, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ *мужика*. На родной его почвѣ, подъ вліяніемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлился изъ него людъ, возгнушавшіеся коренными его нравами и обычаями. Но въ первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся слѣдъ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ и важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ вліяніемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти папы каррикатурнаго, смѣшнаго, и негѣпаго въ худшихъ обрачкахъ простолюдина.

(1) Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ униженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочеріи жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

Котляревскій былъ человѣкъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавшій столько бѣды въ нашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на свои дѣянія и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраненныя преданіемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревскаго, во многихъ случаяхъ отпичаются идилическою мягкостію; но эта мягкость относилась не ко вѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго вниманія тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянія. Онъ дорожилъ мнѣніемъ себя подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепріимства и дружелюбія къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участіе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданію, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводитъ онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ пріятелей — и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна поражать его въ простолюдинахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинаріи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ арміи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Полтавѣ. Его воспитаніе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, — протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. Но преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелцывывать *Енеиду* Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступая въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль — написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, сѣвшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись егоначала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхотались и дѣ *Енеидою* не хуже офи-

перою; расхотались надъ нею и пль лабен, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрозины дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскіяхъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не сѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семлиаріи и народныя училища увѣряли каждаго школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россіи, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его «великихъ дѣлъ пошла вселенна», а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не вѣдми покажетъ признанный ради его поности, «въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.» Что оставалось дѣлать талантливому человѣку, владеющему только языкомъ простонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по сгѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ простонароднаго быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій видѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Раумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлаться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣлясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорить, пока челоуѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погнѣвъ во мнѣ-

ни своих приверженцев: они еще чувствуют в нем силы, вызывающие противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда слычите первыя три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается нелюбкимъ и смѣшивается съ кипичнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едва ли не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почувялъ незаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованья о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вѣчной пѣмѣти, бувало
У насъ въ Гетьманщині колісь,
Тѣкъ просто вѣсько шиковало,
Не знавши: стій, не шевелісь!
Такъ славіні полкѣ козѣцькѣ:
Лубенськпй, Гадяцькпй, Полтавськпй,
Въ шапкѣхъ було, якъ макъ цвітуть...
Якъ грѣпуть, сѣтнями удѣрять,
Передъ себѣ списѣ наставлять,
То мовъ метлюю все метуть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его *Енеида* служитъ для насъ призмой, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, засло-

шла передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи создателемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями гениальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: *Віють вітри*, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышню и ихъ прислугу, въ городскій и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространилъ и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуешь, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсень народныхъ, которыми безконечно изыщше по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотникомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпинна, Котляревскій написалъ для его домашнего театра двѣ пьесы: *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника*. Обѣ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившей всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Доброправовыхъ, Правдолюбныхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами пѣз народныхъ пѣсень!... Въ ихъ пѣняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Всѣ таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Евгенѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника* выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освобождаясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Дѣ, Котляревскій служить печальнымъ доказательствомъ, въ какой

нѣрѣ каждый природный талантъ зависить не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сентиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россѣ, о подвигѣ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, приучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполне отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-каррикатурное и идиллически-сентиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбежно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаленіе отъ народа, обуславливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этих читателей, при всей своей литературной образованности, слишком мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяють его по направленію своихъ радіусовъ въ массы грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущныя побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ *общество*, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (по какай!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Енеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень, белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не тóвптесть!* и т. п. (1). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Вонный и Супрунь, а серьёзныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинства убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочувствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьёзнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго челоука въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитанѣвъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Статьи помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати :

Гей, Орфію небораче!
 Де ти змандрувавъ відъ насъ?
 Якъ би тільки ти, козаче,
 Мні підъ сей згодівся часъ!
 Кажуть про тебе пздівна,
 Що у тебе кобза гарна,
 Кобза дівная така,
 Що якъ забрпнчишь рукамп,
 То и гóри зъ байракамп
 Ставуть бити гоцака.

Глянь, Орфію, глянь пзъ неба,
 Дай кобзурп мні своєю:
 Мні играти пісню трéба,
 Пісню гарную на пей,
 Трéба гóлосъ піднімати,
 Зъ пбнимъ гóдомъ поздравліти

(1) Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываемъ болтовня, которая потеряла свое забавное значеніе съ пережбною взгляда на вещи.

Папа милого того,
 Що п папомъ бугъ уміе,
 П, якъ батько, не жаліе
 Животá для насъ свого.

Алексію, любий папе!
 Я про тебе річъ почавъ,
 Да боюсь, якъ словъ не стане,
 Щобъ ти мні не накричавъ,
 Бо я напередъ признаюсь,
 Що я зъ мұзами не знаюсь,
 Тільки трбхи чувъ про нихъ.
 Да и мұзи лобъ нагріють,
 Щобъ проспівать успіють
 Половіну діль твоїхъ.

Я про те мовчати бұду,
 Що стрічками скрұченъ ти,
 Що на тобі, мовъ на чұду,
 Де не глянешъ, все хресті;
 Що не вьзі зглянуть очами
 На жупанъ твої за звїздами,
 Якъ на сонце середъ дня,
 Що одъ стрічокъ шїя гнётца,
 Що иззаду ключъ товчётца.
 Все, мабұдъ, се не брїднї!
 Не Чернігївъ, не Полтава
 Сєе все тобі дала:
 Знать, давнó, про тебе слава
 Вь Петербұрсі загула;
 Знать, ти добре тамъ труждався,
 Не по запечку валився,
 Що попавъ царю підъ ладъ.
 Знавъ и царь, сь кимъ подружити,
 На когó ярмо зложити;
 Ажъ теперъ и самъ вїшъ радъ.
 Радъ вїшъ, що ярмо ти тїгнешъ,
 Не гнучїсь, якъ добрий вїлъ;
 День и нїчъ відъ поту мїкнешъ,
 Добре рбїшъ, скїлько силъ.
 Радъ сказати правду-матку,
 Що крутєнькую загадку
 Нашимъ ти задавъ панамъ;
 Бо, щобъ мали чїстї дұши,
 Щобъ держали стрбго ұши,
 Ти соббї ихъ учпшъ самъ.

И до-віку не забұду,
 Якъ разъ я къ тобі прїпїшбвъ....

Ахъ, мій Бже, скільки люду
 Всікого я тутъ найшовъ!
 Півні сипп, півна хата
 Нашого пабіта брата,
 Ажъ нельзя пропхи́тись мні,
 А попівъ, купцівъ да панства
 И жидівъ, тобъ плюгавства,
 Мовъ на ярмарку въ Ромпі!
 Всі жъ не зъ балами стояли,
 Всі були по ділу тутъ,
 Папіркі въ рука́хъ держали,
 Хто багачко, хто лоску́тъ;
 Хто чоломъ бивъ на сусіда,
 Хто на пана-людоіда,
 А по-прбсту — на суддю,
 Що за цукоръ да за грбши
 Пзробивъ судъ нехорбши,
 Цілу розоривъ семью.
 И такихъ було доблі,
 Що прохали на папівъ,
 Що пани, по їхъ зліи во́лі,
 Не дають пахати пивъ;
 Що козацькими землями,
 Сінокбсомъ и полями
 Вередують, мовъ своїмъ.
 Судъ у правду не вивкае,
 За панами потакае,
 Щобъ було єму и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
 На нескладну річъ мою,
 Що я говорити смію,
 Про писарню ще твою.
 Разъ мні бути тамъ довелось...
 Оле жъ, скільки тамъ товклося
 За столами писарівъ!
 Тамъ паперівъ кучи, кучи,
 Писарівъ тамъ тучи, тучи,
 Мовъ въ Петрівку косарівъ.
 Пішуть, пішуть, да и несутця,
 Щобъ ти подививсь, чи такъ.
 Треба жъ тутъ тобі надутьця,
 Треба знать, підправитъ якъ;
 Треба всякую папіру
 Привесті якъ разъ до шпіру,
 Підвесті все підъ закбп!
 Ніколи борщю сєрбнўти,
 Ніколи у-смакъ заспути, —
 Ти забўвъ на хлїбъ, на сонъ.

А про жінку да про діти
 Думати тобі колі,
 Щобь обути и одіти
 И не голодні булі?
 Ні, про се ти не згадбешъ:
 Жінку ти другую маєшь,
 Дочки синь тобою забуть.
 Жінка у тебе — Полтава,
 Синь — Чернігівъ, честь же, слава —
 Дочки; отъ весь рідъ твій тутъ!
 Мовъ тобі чернець одъ міру,
 Одцуравсь ти одъ двора:
 Знай въ Полтаві мнешъ папіру,
 А додому не порá.
 Що жъ тобі изъ той Полтава?
 Ти и такъ добівся слави,
 Да якби — гай, гай, гай!
 Одпочій же, пане, трохи:
 Ти уже притупавъ ноги, —
 Тупае другий нехай.
 Пáнство здай своє другому
 И здорóвья не терай,
 Попилнуй підъ старість дому,
 Бо у тебе дома рай.
 Тутъ всі, якъ на бáтька діти,
 Бúдутъ на тебе гледіти,
 Да ще чи не лóчшъ, мзбóтъ:
 Тутъ, по правді якъ сказати,
 Всі тобі, якъ Бóгу, раді,
 Всі тебе, якъ Бóга, ждуть.
 Да бідá моá! я бáчу,
 Сей не по тобі совіть.
 Ти такі свою удачу
 И на той потáгнешъ світь.
 Пóки вибьесся изъ сáли,
 Пóки пійдешъ до могíли,
 Бúдешъ хлóпцемъ на другíхъ.
 Уродівся ти на правду,
 Улюбівся такъ у славу,
 Якъ у дівчипу женихъ.

Ну, коли жъ такій ти, пане,
 Що для слави лишъ живешъ,
 То къ тобі смерть не пристáне,
 Ти ніколи не умрешъ.
 Хоть попі не забурмóчуть,
 Хоть співáти не захóчуть
 Вічну пáмять по тобі,
 То прохáти їхъ не трéба,

Бо и такъ підъ саме небо
 Памать ти зробивъ собі.
 Сее не умре піколп,
 Що ти робишь всімъ добрѣ,
 Да и робишь зъ доброй волі,
 Не за грѣши и сріблѣ.
 Скільки удовамъ ти біднимъ,
 Скільки сиротамъ посліднімъ,
 Скільки, скільки слізъ утеръ!
 Скільки взявъ людей ти зъ грѣзи
 И, якъ кажуть, ажъ у князі,
 Ажъ у князі їхъ уперъ!

Не умре, хотъ побожѣтьця,
 Слава не умре твоѣ:
 Слава съ тіломъ не ложѣтца
 У могилу нічѣ.
 Хотъ же смерть къ тобі прискѣче,
 Слави въ зѣмлю не спитѣче:
 Загудѣ вона якъ громъ.
 Тутъ и правда візьме сілу,
 Прийде на твою могилу
 И напише такъ перѣмъ:
 »Диво тутъ попі зробѣли,
 Диво дивнее пзъ днѣвъ:
 Въ зѣмлю мертвецѣ зарѣли,
 А мертвецъ той и ожѣвъ.
 Бачця, добре заривѣли,
 Бачця, грѣмко всі спѣвали
 Памать вічною надъ нимъ;
 Оглянульсь небораки,
 Ажъ князь Алексій Курѣкинъ
 Все живъ по діламъ своїмъ!«

Піки жъ сее диво бѣде,
 Поживѣ хотъ стѣлько ти,
 Скільки живъ, якъ кажуть люде,
 Въ свѣті Маѣусѣль святѣй.
 Будь здоровъ пзъ новимъ гѣдомъ,
 И надъ нашимъ ще нарѣдомъ,
 Ще хотъ трѣхи попауѣй.
 Трѣхи!...оѣ колибъ багѣцько!
 Бо ти нашъ и нанъ и бѣтько.
 А на бѣльше не зднѣуѣи.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что и для безвѣстно исчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тнородныхъ впршахъ высказывается, однакожь, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потопкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подъ Эборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судопроизводства и получение закулисными средствами арендъ съ полумилліонными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наследованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному челоѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (*dwozanin*), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршрка двору* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собствєнныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разказы*. Котляревскому *хотлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подлучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *лукѹ*«. Но сыночекъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *лукѹ*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.»

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ мало-російскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснить его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснить эту суровость и придирчивость рутинною тогдашняго воспитанія и наследственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, официальная хроника гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), брилліантовымъ перстнемъ и пенсією въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальные оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкой за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угодать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратитъ на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подѣ ствiю козачества и продолжавшаго живиться отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкой, то она объясняется двойною пенсією, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченія старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтический даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлои средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденіями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатирѣ уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинство во сатирѣ. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ перепачкалъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи бачишь, якъ ми обідралсь!
Убрання, постолі порвалсь....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благопріятную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея композма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библиографическою рѣдкостью. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенко-Захарченка или г. Карпенка: все они — воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народопсии, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юродивость рѣчи, которою проникнута вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаниемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленіемъ видимъ, какъ чуждо представлялась Котляревскому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (!)! Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣеть, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

(¹) Напримѣръ:

Свннйчу гблову до хрину
 П локшину на перемину,
 Потімъ съ підлевою пидякъ.
 На закуску (!) кулішъ и кашу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженія чисто великорусскія (1). По главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Опъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное сродство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (2), между мужчинами и женщинами (3), между бога-

(1) Напримеръ: *Барановъ* тьма була варѣннихъ,
Курѣй, гусѣй, качокъ печѣннихъ,
До сѣта, щобъ було всімъ льсть.

Или: Коли жъ вінъ буде я ще *мьшкати*,
То дамъ себѣ ёму я знати. (Ч. I.)

Или еще: По городу тогді *гуляла*,
Колі Тройницівъ *поєстрѣчала*. (Ч. I.)

(2) Какая пародія и каррикатура можетъ дозволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго отѣць опрагса,
Якъ чиклдіхп обіжрався.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И нѣнечка моя ріднѣшка
У чорта десь тепѣрь гуля,
А мѣже спить ужѣ п'янѣшка,
Абѣ съ хлопцятами гапа.
Тепѣрь я, бачу, не до сѣла:
Ужѣ, підтїкавши десь полі,
Фурцює добре нависпа.
Колі самá съ кимъ не ночує,
То для когось ужѣ свашкує:
Для сѣго тїжко поспїшпа! (Ч. II.)

(3) Котляревскій описываетъ Дидону такъ:

Розумна пані п моторпа....
Трудїща, дуже працѣвіта....

ми и смертными (1), въ какомъ бы словѣ общества, въ какой бы нелѣпой национальности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Енеиды*. Котляревскій, обоидясь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлъ смѣшного и впалъ въ карикатурно-безобразное. А вѣдь пародія — не каррикатура, да и сама каррикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленіи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: *Наталка-Полтавка* и *Москаль - Чарівникъ*, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцева, спрашиваетъ:

Відкіль такі се гольтипакі?...
Якій васъ врагъ сюді направивъ?...
Яка жь ватага розбишаків!

и потомъ та же *розумна* и *процвіта пани*, черезъ нѣсколько стиховъ, говоритъ оборвпшамъ-розбишакамъ:

Колібъ молодці
Енєя вѣшого злппала,
Ужє бѣ тоді весєла стала,
Тоді бѣ велікѣ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ип съ того, ип съ сего выражаетъ передъ бродягамъ желаніе злппать лхъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Енєй павівъ на пасъ малу? (Ч. I.)

(1) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклїтий стариганію!
На зємлю зѣ пєба не зпркиєшь? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которою онъ постоянно былъ окруженъ. Всѣ же слѣдуетъ сказать, что общій гогось жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ человѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ гениемъ нашего народа, или, что все равно, съ гениемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.
С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА

и

МѢСТНЫЯ НАЗВАНИЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ⁽¹⁾.

*Писать не мудрствуя лукаво, но лже
слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей
и лже видѣхомъ очима своими.*

Котошпихнѣ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Россіи*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

(¹) Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ. Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ (²), и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по распросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительнымъ къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ «Основѣ». Я желаю только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достигъ подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

(²) Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венгріи* сплошною массою занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угочскую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаршской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ третъ населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно: *Гетманьці* — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ Литвиновъ.

Степовики — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Україньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украинною.

Польщаки — жители Подольской губерніи, называемой у просто-народья *Польшею* (1).

Поліщукі — жители Полѣсья.

Патлачі — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получилъ по длиннымъ волосамъ (*пáтлi*), ими носимыхъ.

Пинчукі — жители Пинскаго уѣзда Гроденской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцѣли — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиды). — По венгерски *гуцуль* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унию. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцуль* стало пераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

(1) Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польшею* Волинь и Украинну, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живущіе въ горахъ Русины называются *Лишакáми*, а въ долинахъ — *Лимакáми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишь* и *лемъ*.

Сотакѣ, живущіе въ Шарьшской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичами называются Русины-католики, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ чрезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая (*яломѣкъ, мадѣрка, мардѣлка*) войлочная, у мужчины, бѣлый платокъ (но не *намітка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлага, вслушайтесь въ говоръ — и вы непременно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣлая, съ окнами продолговатымъ четырехъ-угольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣлая, окна квадратные, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хоть изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близъ Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлые, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтитесь на ней хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ — бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дѣканье начинаетъ исчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же вѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочные шапки обратились въ извошчыи поярковыя шляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараньими шапками происходят тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступаютъ знаменитымъ персидскимъ. Головные повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Руссинокъ (въ Черниговской губерніи, близъ Десны) головныя повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860 .

Село Майорское, на Телигуѣ.

РІЗДВ'ЯННІ СВЯТКІ.

ПИСЬМО 1-е.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІА.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о «Різдвяннихъ Святкахъ», что подъ словомъ «святкі», праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуеть, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Баіату Кутю, Святій Вѣчірь, Святкі* вообще, *Щѣдриій Вѣчірь, Посипання, Голѣдку Кутю* и *Ордань*.— Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннымъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.— Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвянні святкі, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охайтьця* и *причепуритьця* ⁽¹⁾.

(1) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непременно вынесетъ изъ хаты все, что безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені, дниця мотовила, гребінки, веретѣна, мичкі, починки, клубки* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верстать* ⁽¹⁾, если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мужчины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, плетъ и *мазання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — какъ возлѣ нея *ничкамыця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-чепурѹхи: тутъ и *черинь набивають* (перекладываютъ подъ печи), если онъ *вѣбився*; *шпарѹють* ⁽²⁾ и *білять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *стѣлю* (потолокъ), *пичь, коминь, челюсти, підпичья, припечки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валькѹють* (замазываютъ вывалившіяся, или готовые вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *вальками*); выводятъ красною или желтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *лавами* (лавками), подъ *поліцями* (полки подъ потолкомъ) и *вобругъ мисниківъ* и *сѹдниківъ* (посудниковъ), — что все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невістка* молодая, или дочка-щеголша; *вистрѹють діля* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудю* глиною, а гдѣ нужно и *накладають* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *мазанкою свѣтлиць, кимнать, пекáрень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ (*верхи трѹсать*).

За мазаньемъ слѣдуетъ *вимивання, перемивання, вичищання, шарування* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что только можетъ

(1) Ткацкій станокъ

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шляри*).

подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моются и чистятся столы, лавы, *ослони* (скамьи), а гдѣ есть, *помости* (деревяные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвоцанками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвоцемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *віхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенноти изъ тряпокъ) *образи помости, полиці, сѣдники, мисники, стільчики* (маленькія скамейки), *кочерги, ухвати* (или *хвѣтки*), а гдѣ есть — коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — »На двірѣ, на двірѣ її! кипячівѣ, кипячівѣ!« (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, »Щобъ и дѣху блощичого⁽¹⁾ не булѣ!«; тутъ моются и *вишарѣвуютця* віхтиками горшки, *золінники, широканчики* (виды горшковъ), *миски, полумиски, макітрі, риночки*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвоцанкою или віхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся щемъ, съ выбившимся изъ-подъ *очінки* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *підтікавшись, підсмікавшись*, хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорнаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Різдяними свѣтками, всеобщее мазанія, вымиванія, перемыванія, шарованія, земляки моп биваютъ, по видимому, очень недовольны, ворчать, бранятся даже: »Оце, чѣпурка!« говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: »Пробі—зъ хати!... не можна, бачъ, було подождать до Великодня!« и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то, что думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, *на холоді та на лихій годіні*, за непмѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что и въ ихъ

(1) Блощія — клошъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чѣпурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышатъ брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Ничого вже вамъ, татусю, мабуть, оце балакатъ! Идїть же, идїть, кажѹ, зъ хати!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Идї жь мені, кажѹ, зъ хати! за добра ума! Ато онъ бачъ — кочерга?« И татусь, или мужъ, или братъ, идутъ съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-нѹ! ти мені, знаєшь?.. не тее!« или: »Кочерга!.. Гмъ, та въ кочерги два кінці!« А какъ выйдутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двору тїкай! Маруся такє мазання підняла, що й віконь не відно!«, а кумъ или свать, съ своего двора или огорода: »та й моя Ганна теежъ — и шапки нїгде положить!..« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другою кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлялись другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свѣкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну. — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично ⁽¹⁾.

Рядомъ съ мазаньямъ идетъ и *праття* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

(1) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Рїздвяннимъ святкамъ, относятся и приготовленіе или закупка *теремків*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *пїкуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и хуторовъ подгороднихъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями пзъ бумаги, хаты убираются чаще на *Велїкоднї* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Рїздвянні святкі, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Велїкоднї — пожалуй расскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: рассказывать о нихъ я буду тогда, когда буду рассказывать о вечерѣ на Богату кутю.

этих выпачканных дѣгтемъ чумаковъ! вотъ что встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!» — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки - землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Швабські* полѣтна теперь туда не попадаютъ, а если и попадаютъ — не на что купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *десятки*, *дванадцятки*, а много-много *чотирнадцатки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть четырнадцатку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *отѣцького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего съ лаютъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и *граблями* на плечахъ спѣшавшихъ утромъ въ юнѣскій понедѣльникъ, на гробовицу, — вы бы сказали — »батистъ!.. снѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что за *прагтя* бываетъ у насъ предъ Різдвянными сватками, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочки на виданню!* (невѣсты), или два-три неженатые *сині сокол!*... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ приемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или пестрадевые, и *напѣрники* съ подушекъ (наволоки) и *рядна*, и *рушники*, и *намітки*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очіпки*, и *хустки* и т. д., — словомъ, все, что только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *віхтика*, которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику невымытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *абі якъ-небудь переходить до святкокъ.* — Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники. надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда, — пѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напирѣтъ, на второй день послѣ Нового года, или даже и на четвертый день праздничковъ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непременно увеличитъ къ такому празднику, какъ Різдва́ннїи святкіи, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була нова сорочка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣетъ своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время празднества.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какіе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совѣсмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣннимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но что въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *гробшей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по $4\frac{1}{4}$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значить я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — кто поможетъ мнѣ косовицу отбить безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесятъ коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присінаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!!.. А серпы *зубить*, *сокиру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугъ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и *наша-жь душа* не зъ лопуцька ⁽¹⁾ и хоче того, що й людська, — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Нѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Різдва́ннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телічку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придетъ

(1) *Лопуцькѣ* — очищенный, облу́пленный, стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козельцевъ*.

ся откупать тебя. сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное — куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасбі! вибачайте!*... (1)

Мы бѣдны и знаемъ, что «такъ горнѣются, якъ одягнѣтьца», но въ то же время любимъ, чтобы одѣжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свято* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что такъ дорого нашей душѣ — *звичайністю, охайністю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одѣжки, старенькую — *про будень*, а новенькую — *про свято*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жплетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *будня*, ни *свята*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керѣю* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаскі* — тотчасъ ихъ въ *скриню* (сундукъ) или въ *хѣжу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ *свято*, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ *свято*, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, *святу*. Если средства намъ позволяютъ, мы даже тѣкъ поступаемъ съ одѣжею: во мѣсто двухъ ея перемѣнъ, мы имѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у много наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну — для будня, которая поновѣе — для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая — для такихъ праздниковъ, какъ Різдво или Великдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому *святу*.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромоглись*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдвяннымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходити*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спроміся* на *линтварі* (овецьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *починивъ* ихъ, кожуха жея я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плѣчі нічого накінуть*, а сдѣлаю къ Різдвяннымъ святкамъ, а до того пусть *якъ-*

(1) Богъ дастъ! Пзвините!

нібудь проходить, — въ моемъ кожухѣ, въ дочкинѣ, что-ли. Такъ поступаю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримеръ, сынъ мой Иванъ *проходивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанѣхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ женномъ кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материнныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожушанка* — что называется «лата на латѣ»: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежду изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ женномъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Різдвянныхъ святокъ, никто не посмѣется — мы все хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хіврі нема очіпка...* (1) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычайному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: «скачі, вряже, якъ п'янь каже», «нуждѣ законъ змінѣ», «сѣго не знімуть, кращого не дадуть» и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдву и къ Великодню, вполне согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотба, главная доставка хлѣба въ винокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ глѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробину* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравцями* и *шевцями*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пуста* снѣгъ и попортить дороги и *токі*, когда ни молотить, ни тѣдить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевіси*, и за *каптанкі*, и

(1) «У Февроньи пѣтъ повоинника». Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговорки: «Знаю, що въ Кузьми є гробші, та и т. д.»: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за *карсѣти*, а хто спроможеться—и за жупани и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня), на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возиться некогда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обихода и для первой продажи,—тогда можно пріняться и за платье—этакъ къ Різду, около средины *Пиліпівки* (Филиппова поста).

Къ Риздвяннымъ святкамъ преимущественно приготавлиются кожухи, *керѣи*, свити женскія и мужскія, *кожушанки*, *чоботи*, *кажанки* (кожанокъ—баранья куртка; называется также и тужурокъ) и такъ далѣе, словомъ, то, что носятъ, по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова: »Есть такой товаръ, противъ котораго не устоятъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-змѣйки и серги-польки... за которыя Малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе«, — слова, сказанныя авторомъ »Исслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Риздвянны святки (по крайней мѣрѣ что касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ сватѣбъ,—столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мѣже, и вінъ пришло сватівъ!*... А злодѣи-щетинники и коробѣйники, то и дѣло, спуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачі* у нихъ такіе, и *намиста* (монета), и кольца-змѣйки, и серги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багатої кути, самые важные, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготвленія *куті* и *узвѣра*. Какъ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ рассказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготвленія.

Для куты ей нужна непременно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *куклію* и всякаго сору, перемытая, обыкновенно *тогорочня*, (т. е. пахатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножані ступі* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе чело-вѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутею, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кута должна быть непременно изъ пшеничной крупы, — между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панками* и *полупанками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *бідота*, у которой нѣтъ ни *жмѣні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *куті*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутею*. Такого же обычая, — готовить кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготавливая крупу для куты, хозяйка у насъ заботится еще и о мѣдѣ. По стародавнему обычаю, мѣдъ для куты непременно долженъ быть въ *сцільникахъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляники* (1), а иногда и нарочно вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непременно

(1) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму. — Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Италіянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для куты, починаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтно уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патоцѣ — покупать ея въ городахъ, или у мѣстныхъ постѣчниковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ монахъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной и крушы, то гдѣ же ему взять мѣду!... Ъдять въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдять.... Я вамъ расскажу, какъ иногда ѣдять мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Бхалъ я однажды на Богату кутю изъ школь домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сѣ, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутю пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-моль! »Святощівъ не продають (того, что свято, не продають)!« законически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ такъ дай, спасиби тоби!« — »Такъ — можна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Даси імъ, старá, якъ будемо істи, на брата, по грѣдоцці (¹), та й по півложки ситї, и по ложці узвару!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: »Будь ласковъ, дідусю!« — »Нѣтъ куты! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе!« »Вотъ,« говорятъ, »какъ привель Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: »Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихтарню* (фонарь), да не вымывай миски, что ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *капанецъ* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Черезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поїйте,« говорятъ, »хоть оцѣго замѣсть узвару, — старі люди такъ насъ вчили, при нуждѣ (поѣжьте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мѣду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанячились, панами помазались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортѣли, забѣли Бога, превернулись изъ людей въ чорзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскіе звичаі* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рѣжу* (рису), тѣ, кромѣ рису, запасаются иногда и *родзинками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кутю и узвара, занимаетъ приготовленіе *мясива* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телицю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *користи*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солить и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣтъ *дробиню*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торіахъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе — довольствуется одною-другою *кускою*, или *кѹркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *порося*, непременно у него будутъ откормлены и заколоты къ *Різду*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективѣ сало, колбасы, *кѣндюхъ* ⁽¹⁾, начиненный *рудниною*, кішки гречневья или шпінныя, печонка и зацекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торохтати* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядіть же, мамо, розбуди́ть мене́ завтра, якъ будуть кабанá смалять!.. Чи розбудете? га?.. Розбуди́ть же... «—»И мене́, и мене́!.. «— »Добре, добре, спить вже!« и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко засыпають, убаюкиваемыя радостною мыслию, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалять... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣчки, и смалятъ *кованомъ* или *біломъ*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подалее, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣкой слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинаеть алѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украишцевъ, готовящихся къ Різдвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горілці*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. беруть горилку и бочками, и бочечками и ведрами, и *пиввідрами* или *пятириками*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Різдвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украионецъ, даже нешьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною, обязанностию, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучныя съ ними *добридни* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ свадьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частию въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается зацастись къ Різдвяннымъ святкамъ разными настойками и *запиканками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закушоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутѣлі* и —

(1) Брюшнякъ.

постарается запастись любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *каланівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпунтами* или *шпунтушамы*, какъ называются у насъ пушни запашными любителями этой заморщины, запасаются въ это время и *двойною*.

Білі васильки, ладонь и воскъ. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонь и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время; здѣсь же мы должны только показать, какъ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *кмараріевъ*, или городскихъ, на *красныхъ торгахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки растутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не выросли, то навѣрное выросли у *сусіди*, у кумы, или у свахи: *сѣю два у насъ — аби хить!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ—Украпнокъ воскъ и мѣдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мѣдъ приобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога приобрѣтать все, лишь бы только приобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *гродшеі* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мѣдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей пасѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемого труда, *беруть* воскъ и мѣдъ, и особенно воскъ, на *півмитка*, на *лѣтокъ*, на *сорѣчку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напярсть шивмитка или лѣтокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мѣдъ или воскъ), и берутъ за это известное количество кусочковъ воску, или известную мѣру мѣду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорятъ, »мигъ воску, или мѣду, на півмитка или на сорѣчку!« Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовать другой обычай, существующій у моихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Божі матері, Спасителеві*, угодишкамъ

святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственно-ручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску — куры не клюють, хоть пусть *гадюки тутъ си-чять* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта.... потому что вѣрують мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто ламае слово, той віру ламае, той дѣшу ламае, той Бѳга ламае!...«

Такъ достають себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достають ихъ предъ Різдянними святками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ празникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣють свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *півнітки* и на *сорочки* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Різдян-нимъ святкамъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Бога-той куть.*

М. Н о м п с ь .

1858 г.

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

... Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худоби не годюють и зовсімъ не жалиють!« говорилъ онъ: »бий, гонй, да й тільки! імъ абі більшъ вѣробить, — и одпочінку нема!... О, якъ би менѣ настановили оттѣмъ!« (и онъ особенно ударялъ на *оттѣмъ*.) »Я бѣ на одной гиллюці всѣхъ жидівъ перевѣшавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскиихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ѣжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жидовскими *будками*, которыя не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Звертай, звертай, жидова проклята! ато голови поздиймаю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчьи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затяжці* и *коліі* напутствовали сыновъ Израйля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы такъ простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидовá* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидовá, не встóишь!« говорили они беспокойнымъ лошадямъ. Или: »Засáпалась, жидовá!... Кивáешь головою, жидовá!...« А этотъ:

»О, якъ-бѣ я бувъ проїзжающимъ!... я запрігъ би жѣда вомісто худóби, да й прогнавъ би цілу верству!...« И потомъ, подумавъ, поправляя себя: »Ні, не верству, а пять верстовъ, щобъ знавъ мучить худóбу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половинну, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и миллионъ, какъ хороше здоровье! Переночуйте: *czerstwiej* и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготовить намъ что-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потравку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовить намъ *потравку*. Подана потравка... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь подкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствый*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!.. авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, по лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ вилку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія—отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей жепщины-путешественницы 10 копеекъ серебромъ за непрошенный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что долженъ ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжанья пчелъ, шмелей и пѣнія птицъ! Сладкій сонъ! завидноя ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убрать такимъ образомъ!... Почему?... Каждый знаетъ, почему.

Новгородъ-Волыньскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ пропелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, — нужды нѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, — наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на снѣгѣ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ снѣгѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домоладцами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды то выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, то снова исчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ, точно въ противоположность съ сумятицею здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, аukanье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *миотанье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣніе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣніемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастной. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закуполены въ нашемъ тарантасѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бьетъ, и льетъ совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: »Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемъ въ теплѣ, на станціи.«

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду шару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. »Нельзя ли прополонить?« спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встщить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантасѣ. Гляжу въ щель — идетъ сгорбленный старикъ и тащить на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было птти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что старикъ несетъ и куда идетъ? »Ужъ не къ жиду ли въ корчму«, думаю, »въ такую погоду?«

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

»Крикни ему, что нѣтъ переправы!«

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы. Молчать.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплеть въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему придется итти. Кричи!

»Ать!«

— Да что ты, на него сердитъ, что ли?

»А за что жь мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидить, что нѣтъ пробаду, и воротится.«

— Да подумай, еслюбъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индифферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ящикъ поворотился на козлахъ въ противную сторону отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыты хлопьями снѣга. Ящикъ поставилъ стоймя воротникъ своего сѣраго армяка и приподнял вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же человѣка мучить?«

— Еслюбъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что жь!

»Да вѣдь мы, христіяне, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жида или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчить самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырками. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырѣя, въ четверть длны и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходить и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ каминна дымъ съ золой и искрами. Что-то адское представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно приютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примоститься; стулъ и скамейку едва выпросили; столъ отвратительный;

два ослона служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ кашпирное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а купить — негдѣ. Что ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зъ касырие*. А тутъ еще зашелъ шабашъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вбѣгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣпилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколотъ и обвитъ проволокой.

Грустно было взглянуть сквозь разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Что могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Что въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему приютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, кошлатое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодяки подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большаго униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперекъ. Вся она была усыяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертая насквозь, полувпячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной похвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣну всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дѣтяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это — пана, который приставилъ его въ безсмѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ-Евреемъ; подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: ввѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества челоуѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жидамъ ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нечего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистая исхудалая руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсъ морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Миѣ постоянно казалось, что у него лежить на сердцѣ такая мысль:

Заховаю змійю люту,
Кѣло свого сѣрця,
Щобъ ворочі не бачили,
Якъ лихо сміѣтця...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сильныхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постола, обитые отъ долговременнаго употребленія, — лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступить мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющитъ, такъ и чвѣкаетъ. Шаровары на немъ распозались, такъ что *холоши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатѣ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замісць червоної стѣнжки козацької!*... Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшоюся горляночкой, какъ не сходились содранные съ жидовъ каптанки на широконечныхъ гайдамакахъ.

— Що ти, Остапе, спрашиваю: — багато жалованья получаешь?

•Ні, я жалованья не получаю: я при корчмі сторожемъ.»

— Такъ ти нічого й не робишь?

•Ні, роблю усѣ. Ізджу въ лѣсъ по дрѣва, отопляю корчму, дивлюсь за кіньми, за коровами, воду ношу, такъ куди пошлѣ жидъ — идю; на броварню за пивомъ... у ночі, хто приде... я й за дворомъ дивлюсь.»

— Ну, що жъ вінъ-такі, якъ празникъ, тобі дає що-небудь?

•Ні, другій годъ служу, а ні одної копійки, ані полудшки, нічого,

нічого. Я тільки повинен отопліти корчмѣ; а він мені и до коней, и до всього. »Ти«, каже, »долженъ при корцмі все дѣлать.« А я, дурний, пану не жаюсь. Другіи жидаи ще не такі удивні були, а сеі такъ и бігае, чи не давъ мнѣ хто пагá. Такъ ёму и кортїть. Оце, наши почують, поставлють на варту... коло экипáжа вартую.... Уговорюся за два злоти, або за три, въ нічь: що жъ? жидъ и одберé! »Ти«, каже, »при корцмі состоїсь, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обїдаешъ, Остапе? съ жидáми, чи самъ собі вáришь?

»Я хожу за верству; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ така хуртовина, якъ сёгодня, то я и вечерять не хожу. Кавáлокъ хлѣба сухого зымъ, да и годі! А воші нічого не дадутъ; отъ служу въ іхъ другій годъ, — чárки горілки не піднесли.«

— А положи намъ, Остапе, дровъ у грѣбку.

»Напакую, напакую!« отвѣчаль добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оце, чи ночуе у насъ хто, то такъ жидъ и стережé: »сцо-зъ тоби нашъ давъ?« Оце ви поспитáли, чи нема пшонá... Тенёръ шáбашъ жидівскій; жидівка не сміе нічого давати; бїжить вслїдъ за миюю: »Дай«, каже, »дай, Остапе, псонá панáмъ, а я тоби зáвтра се псонó верну́, а грóси самá зъ іхъ полуцу.«

Мы ничего жидовскаго їсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготавливаютъ для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ всё запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготвили себѣ кое-что; но какъ їсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшіи господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догналъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шпырляли не только по столу, но и подъ столомъ. Такъ ему хотѣлось узнать, что принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверныя, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасаютъ бо съ Жидове къ Самаряноу*. Уѣзжая, мы подарили всѣ купленные вещи Остану, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди жъ, Остапе, не отдавай жидамъ посуди. Сю посуди ми въ ихъ купили за такі гроші, що можно бѣ купити настоищу павську. То ти се знай; отъ, ми передъ самими жидами тобі говоримо, щобъ не сказади вони, що се ихъ посуди и щобъ не одняли въ тебе.

Жиды въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не снятъ, не вьдять, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воемъ на разные голоса подъ нашею дверью, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воемъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За сѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатою едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жиды всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возлились: что-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что-то непонятное. Дверь непрерывно визжала и деренчала. Шумъ пьянаго народу на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ *твори!* не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клокочущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за ишено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ ишено. На это жидъ говоритъ намъ: »Ну, отъ зе вінъ зъ мене буде править.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *править* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотѣ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ парому, и стоялъ на берегу въ ожиданіи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы посмотрѣлись на жидовскія козип! Крестьянниъ чего-нибудь

не хочетъ продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнiю, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ шшено, штки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты пошей до того, что жидъ приходитъ, осмотритъ у него все въ мѣшечкахъ и даже за паухой и, что ему правится, беретъ, не спрашивая мужика, что стоять. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантаѣ и все это наблюдала. Тарантаѣ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченiемъ *крилами*. Для переноски вещей, явились все-таки жидаы, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шпешкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: »Ему опасно, опасно ввѣрить вещи!«. Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ загнанныхъ волынскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступить къ намъ; но жидаы рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волыни! Вотъ кѣмъ порабощена страна, прозванная Волынью отъ *воли* (свободы), которою она славилась когда-то въ Русскомъ мiрѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отъыцаемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владея страпою и ея населенiемъ, не желаютъ процвѣтанiя ни той, ни другому: они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображенную ими Волынью, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, — не болѣе. Страшная любовь!... Последнiе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленiю и негодованiю всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути, мѣсяца черезъ три, мы остановились на догѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была середина

лѣта. Остапъ явился къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которыя произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Остапе, посуда? спросили мы.

•Э! однійъ диявольскій жидъ!•

— На що жъ ти оддавъ?

•А що ти зъ нимъ вдієшь? Мой да й мой!•

— Ми жъ тобі казали, що за її великі гроші заплачені!

•То що! хибá жидова сѣго не чула?•

— Да якъ же ти оддавъ?

•А що жъ я зъ ними вдію! Я одинъ, а ихъ — сіла!•

— Ти пану пожалівся бъ.

•Що панъ?• отвѣчавъ Остапъ, понуривъ голову.

— Вінъ би заступивъ за тебе.

•Эгѣ!... Жидъ ёму нужніший. Жиди на світі пана держать!•

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а грошей у тебе не одняли?

•Про гроші я не признавсь. Шукали по кишёняхъ, такъ — зась! я взявъ, да й заховавъ підъ колодку на дрóвитні.•

— Що жъ ти собі купивъ, або-що, за ті гроші?

•А що мнѣ треба? Я про смерть держу, щобъ було за що поховати; да якъ говівъ, то съ копу попу да дякамъ роздавъ, да бублпкивъ за пятака купивъ, людямъ роздавъ, щобъ на тимъ світі побачитыця зъ своїми.•

— Отъ же тобі, Остапе, сорочка й штани... Чи не одніме сѣго жидъ?

— Ні вже, сѣго не здерѣ зъ мене: я заразъ надіну. Моѣ попададось, то отсѣ, спасібі вамъ, — тепѣрь зніму, віперу, да й полатāju.•

— Атó въ тебе нема й переміни?

•Була переміна, да вразька жидівка зняла зъ горіща, да й подрала на ганчіркі до пѣчи....•

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоёмъ существованіи?

А Н Н А Б А Р В И Н О К Ъ .

ВОСПОМНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Андреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда. — Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получалъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонѣ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ борономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, чтó продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему приобрести много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепьянистомъ. Въ его чуткой талантиливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этия двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элеи* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія*; потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., П. А. женился въ Малороссіи и, послѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи*, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріаловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно заниматься статистикою и этнографіею, и напечаталъ слѣдующія брошюры: 1) *О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности*; 2) *объ овцеводствѣ въ Малороссіи*; 3) *рыбки Полтавской губерніи*; 4) *о народонаселеніи Полтавской губерніи*; 5) *обычаи, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ*.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку (1); сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусскаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую бібліотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Николая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андреевичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ »розумнимъ паномъ«.

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. »Зачѣмъ это ты куришь«, замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: »вѣдъ ты можешъ ежечъ *клуно*«. — »А коли я можу спалитъ, такъ и ви, пане, спалите«. — »Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клуни«, возразилъ Н. А.— »И то правда, пане«, отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растений и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербе-лемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и выростилъ. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большое общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, П. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвцами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепьяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратить на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, П. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядкахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепьяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, большую часть времени хозяинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцашии звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памяты тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, остротъ и удовольствій выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что могъ бы внести въ неѣ по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ-

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеаль лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было такъ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человека уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отроду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимаго сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту преждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. М А К А Р О В Ъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, непріятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ счастью, количество ихъ небольшое); но еще неспоспѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и рассказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ необычномъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томика сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ Украйны».

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описаніи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха «Козаковъ и Стеней» и «Слобожанъ», о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведеній пера, такъ смѣло глумившагося надъ нашей исторіей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнія; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнію, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ рассказовъ изъ «Украины» и даже съ первыхъ приемовъ, вы видите претензію на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ рассказамъ Основьяненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскіе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшій разрядъ бельетристички. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгаетъ юмористическаго направленія, давшагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю »Чумаковъ«, въ свою очередь, захотѣлось поюморничать: »я-де малороссъ«, вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, »и мнѣ прирождена эта способность«, и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь поохотатъ подъ неотесаннымъ *хололомъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить однѣ смѣшныя вещи. Но какой же образованный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и лица, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагами въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобныя пріемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужихъ фантазій, разгуливающихъ по Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и рассказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Поричать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: »la critique est aisée, mais l'art est difficile«, находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ пріемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналѣ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и выикнуть въ подро-

бности, ускользящія отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу указывать вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подкрѣпленія, на печатные источники, — безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе рассказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью «Чумаки». Мнѣ хотѣлось взглянуть — вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась ли здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливавшая въ «Козакахъ и Степяхъ», гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увя, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народные памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудревато описалъ быть чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предпославъ вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, быть которыхъ такъ своеобразенъ и занимателенъ. Не стану говорить о риторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ «Слобожанъ» того же автора, — но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что извѣздилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключеніями, ограничивается одною Харьковскою губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но я имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчіи, между жителями сосѣднихъ губерній: зная, напримѣръ, быть въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изучивъ обычаи, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношскаго. Отъ бельетриста невозможно требовать многого въ этомъ отношеніи: но если бельетристъ постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтистыми описаніями природы. Добросовѣстный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначить границы своихъ наблюдений, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: «я дескать поѣздилъ—таки по свѣту.»

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуетъ предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтический колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолилъ, что пазывается. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сѣлъ, всѣ обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положи руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалитъ, то хвалитъ не стѣсняясь; если же выставитъ какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно нѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худобу* и возвращались домой съ *батогами*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цифру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придергиваться чарки. Пользуясь статьею самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значить 50 паръ стоятъ 3.750 р. — капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолюдинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человекъ не менѣе десяти, и сколько времени пужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево, — не будемъ принимать его въ расчетъ, — а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упоить многочисленную публику, — значить издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему пужно пьянствовать круглый годъ безъ просыпу и безъ оглядки, чтобы пропить такую сумму денегъ. Неужели же чумакъ г. Данилевскаго больше года кутить, пропивая свое состояніе, и какъ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это спльно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ роднѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ «Козакахъ и Степахъ», искажая народныя легенды, вы передѣляли извѣстную пѣсню о «Сагайдачномъ» и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горьлѣкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой разсказывается о чумакъ, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолюдина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумакъ, если занимается чумачествомъ по наследству, ничѣмъ не разнится въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и разсказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боптается жены и угождаетъ ей, а только весной дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумакъ г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюдений всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, разсказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдывался изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и правовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно, — до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хуторъ« и »хуторянинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значитъ выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой разсказъ.

»Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченною у Гоголя, въ его повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюденій, но въ Малороссіи, на *святъ-вечірѣ* (канунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узварь*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаямъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святчныя гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и штыя рубахи (стр. 96).«

Опять не знаю, чѣмъ освѣщаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія псклоченія, тамъ гдѣ растеть сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *каганцѣмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ молдавской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр. 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумакъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормитъ имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украинѣ въ каждомъ кабацѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надписью и т. д. (стр. 106).«

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабацѣ, но врядь ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамая съ надписью: »Хоть дивился на мене« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большою рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, рассказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластенницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111).«

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣль онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станеть отъ жары и мошекъ скотъ *майтся* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120).«

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дрѣчится*, а не *майтся*.) въ июльскіе жары. Чтѣ же касается до веснянокъ, то онѣ давно уже пропѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ — позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмысленной, а въ народѣ, по моему, это — художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Онъ подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣеть;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣть...
Онъ подъ мостомъ, мостомъ,
Плеснула рыбка;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все расту не шибко...
Пусти меня, мать, изъ хаты
Я не *заплутаюсь* (?);
Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь.

А вотъ и подлинникъ:

Онъ підъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленіе,

А за добримъ чоловікомъ
Жінка молодіе.
Ой підъ мостомъ, мостомъ
Травá посихае,
За лядачимъ чоловікомъ
Жінка пропадае.
Пусті менé, мамо,
У степь погуляти,
Буду трави прогортати,
Дбленьки шукати.
Пусті менé, мамо,
У ставъ покупатись,
Буду плавать, пурпнати,
Дбленьки шукати...
Ой ні, моá мамо,
Де я ни ходила,
Та не знайшла тіі дбі.
Що ти загубила.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ вариантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣтьте, дѣло идетъ о концѣ мая); «школяры несутъ учителю-дьячку «сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершенно непонятная. Что значитъ *опроставшіяся* сѣнокось? По моему крайнему разумѣнію, это—пространство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрья 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрья скотъ ходитъ гдѣ угодно, даже по веходамъ, а на Юрья, когда священникъ освятитъ, съ процессією, поля, пастухъ долженъ гонять стадо уже на толоку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освященіе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрьѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрья скотъ пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенные поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время «подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрыка не особенная, а сырная лепешка, которая печется только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздить чумаки, а соль везутъ на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонь.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздить на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это разсказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ турпестомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсона — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ Копаней, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонь, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовые лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козачьихъ-Лагѣряхъ, которое не далеко отъ Херсона.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливкою и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когда жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожелаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ воли фантазіи. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Чужбинскій.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРОБѢ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не одиѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссіяня), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обрабатываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержать еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведется въ такомъ же количествѣ, какъ вола, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочаго рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочаго рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на непрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочаго скота не только разстраиваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для приобрѣ-

тени вождѣнной пары воловъ; пріобрѣта ихъ, — лѣзеть, бережетъ, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хвороба!* (этими именемъ насываютъ Малороссіане чуму); *хвороба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долготѣнныхъ трудовъ, сбереженій, разомъ погибаютъ, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендуемыя противъ чумы мѣры предосторожности, оцѣпленіе, отдѣленіе большихъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженныя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроенномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать полевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, какъ прекратить заразу, какъ ее лѣчить, какъ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо постороннихъ причинъ, отъ которыхъ зависятъ болѣшая или меньшая степень воспріимчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія специалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не специалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старыя годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія (1). Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновеніе — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледника* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. (57½ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(1) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, рассказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; между тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичъ, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постоянно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, (1) употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не производила опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотской чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе плодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Б ъ л у х а - К о х а н о в с к і й,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.
Полтава.

(1) Поваренная соль стоить теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка — 1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ допустить мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, во первыхъ потому, что скоть, будучи весьма жаденъ на соль, съѣстъ ее втрое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать (ледянку онъ только лижетъ), что выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянка, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма важное различіе отъ повареной. Она имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; а извѣстно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ есть пораженіе желудочныхъ органовъ. М. Б.-К.

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ I.

Не двуйтесь, добродію, що десь на хуторі довідались уже, що ви тамъ собі у століцяхъ думаєте-гадаєте. Чутка про вашу *Оснóву* пройшла въ насъ по хуторахъ уже давненько. Спасібі вамъ за те, що ви нашого мановця українського не кїдаєте; а вже намъ битий верстовий шляхъ очортівъ за сто рóківъ. Прямуйте жъ, добродію, куди задумали, не хїблючи, та й про насъ, хуторянъ, дбайте не по-городянській. Всі бо письменні люде, окрїчъ двохъ, абó трєхъ, котóрихъ гóлосъ до насъ доходить, рають намъ своє хуторянське життя на міщанське мінати, бо, отъ, кажутъ, ви въ прóстихъ свїтахъ та сорочкахъ ходите, а той битий п вїмятий людь по городáхъ — одягний, náче пánство, п гóрниці въ ёго на помóсті, п вїкна въ ёго великі, п лáсо вінъ ість, п сóлодко вінъ пье, п зáбавки въ ёго благородні, п до книжокъ вінъ берётця охóчо, п незабаромъ зрівнятця освітою съ панами п зъ Жидáми; а ви остаетесь у всїхъ позаду....

Колибъ мали волю сі добродіі, то вже бъ давнó наші хутори поспїсували, росцїніли всякий ступінь землі, позаводили бъ на всякий хутирь по трахтірю зъ катерінкою, п було бъ у насъ такъ гáрно та любо, якъ у нихъ оттамъ де-небудь на Крестовському, або въ Сокольнікахъ, чи що. Родившись у городáхъ, зрїши въ висóкихъ пала́тахъ, вони нічо́го кра́нцого й не вїдумаютъ надъ своєю пánську, чи, якъ тамъ кажутъ, комфортабельну жизнь. А нашъ братъ, хуторянїнъ, попáвшись у ту камяву Москву, абó

въ той безодній бурхъ, дивитця, ей же Бѳгу, зъ великимъ жальемъ на той одягній та ласий людъ, дивитця та й дѳмае собі: »Бѳже мій, Бѳже мій! якъ тутъ отсі панї, у сїй тїснотї, бїдѳють! Зѳлотомъ сеяе, у карѳтї їде, а якимъ вѳздухомъ дїше!.. Такъ отсе вони, тїі роскѳш?... Абѳ, мѳже, отся грукотнїя, отсей гѳмїнь, гѳласть, гукъ, свистъ,—чп не се та повѳба, котѳрою насъ мѳвнѳть изъ тїхнїхъ хуторївъ спївѳчнїхъ до тѳї мїзѳрної цївїлїзѳцїї?... Абѳ, мѳже, отся дорожнѳта, що чоловїкъ не прохарчїтця и гнїлѳтїною за тї грѳши, що гїркою прѳцею загорїе,—мѳже, се вона, та крѳща дѳля одъ нашої убѳгої, та не голодної дѳлї?»

Промѳнтѳчились городѳне на свої що-тїжня новїї мѳди; проїлись на свої лѳсоци, процїндрили бѳтькївщїну на дорогїї зѳбавкї; пївшлѳ половїна въ старцї черезъ той дурнїй нѳтовпъ, черезъ ту навїснѳ дорожнѳту; то вже тепѳръ нашого брѳта, хуторянїна, до себе, до гѳрту, да громади, до спїльности закљпкѳють. Змїлѳсѳрдїлись, бѳтче, якъ тамъ кѳжуть, гумѳннї людѳе, комфортабельнї чоловїколѳбцї, що скїлько-то нарѳду по хуторѳхъ не знѳе великнїхъ благъ цївїлїзѳцїї, якъ отъ на Крѳстовсьѳому ѳстровї мужїкнї знѳють, що мѳти, мужїчка въ пѳнськїй шлѳпцї, черѳезъ нѳжду, абѳ черѳезъ лѳдѳчу свою воспїтанность, рїдну дочкѳ продаѳе; змїлѳсѳрдїлись надъ нашою темнѳтою, що ми, опрїчъ рїлї своѳї та пѳсїки, та чумѳцтва, абѳ прѳстого шѳвства, кравѳцтва, рїмарства, кушнїрства, ткѳцтва, ковѳльства, то щѳ такѳе, нїчѳго въ свїтї не знѳємо, щѳ по чїмъ купѳетця и продаѳетця: скїлько одступнѳго взѳти грїшми, абѳ чпмъ нѳшпмъ, за рїдного бѳтька, мѳтїръ, брѳта, сестрѳу абѳ нї дїтїну, якъ чѳсто (огѳ, якъ чѳсто!) бувѳе по тїхъ цївїлїзѳованнїхъ стѳронахъ. Болїть у нпхъ сѳрце, у тїхъ нпсьмѳнннїхъ и друкѳваннїхъ городѳнъ, що ми наѳкъ їхъ и словѳсности писаної не знѳємо; а про те сї добрѳдїї нї забѳли, що на однѳу сѳтню рѳкївъ по пѳть разъ вони одъ старѳї наѳкнї нї словѳсности одцѳрувалпсь, и самї ще не знѳють, якѳї вїри и якѳго смакѳ бѳдуть перѳдъ смѳртю. Ми жѳ, людѳе прѳстї, якъ навчїлись на варѳязкїй чи на лїтовськїй, абѳ польськїй пѳнщїнї за плѳгомъ дѳбре ходїти и недолѳдкївъ годувѳти, то нї дѳсї себѳ самїхъ и бїлѳрукнїхъ городѳнъ хлїбомъ годѳємо. Се, здаѳтця, не лѳкава наѳка; а въ васъ, городѳнъ, естѳ и ехїднї наѳкп: е въ васъ такї наѳкнї, щѳбъ до вїку вїчнѳго тїлько самїмъ у зѳлотї кулѳтїсь; е въ васъ и такї наѳкп, що хто когѳ проведѳ та

звеняцька насяде, того великимъ чоловікомъ велчають. А въ насъ такіхъ добродіївъ зовуть по-просту п'явками та людодами; ми одъ такихъ, полі одрізавши, мусимо втікати, аніжъ свій розумъ и душу їхъ лукавою дорогою пускати. Може, скаже хто, що не втечемо, ховаючись по своїхъ закапелкахъ, що доберутця вони до насъ колісь, якъ уже вйссуть усяку свіжу сілу округи себе, и що, заставши насъ невмілми своєї всемірної науки, якъ-разъ підгорнуть підъ свою кормігу, и буде зъ нами те, що зъ лондонською и прландською бідотою: тимъ би то лүчче тої долі лихї запобігаючи, самимъ намъ заворушитись у своїхъ хуторахъ по-городянські и заздалегідь уже городянського дүху и розуму набратись, бо, кажуть: *воронь ворону очей не виклюе!* Такъ насъ лякають и такъ намъ рають тіи вожаки городянъ, що відумали премудрость щче мудріишу одъ Христової! А ми спроста, якъ намъ Богъ положивъ на душу, одвітуємо: »То ще на-двоє баба ворожила, чи будемо ми въ городянъ підъ кормігою, чи ні, а жидовити намъ... ні, се не по нашій натурі! Коли жъ уже справді така наша доля, щобъ намъ до-віку не було просвітку, то лүчче намъ усімъ одно на одному повмірати, аніжъ изъ своєї праведної віри та въ жидівську, городянськимъ рббомъ, поперевертатись?»

Отó жъ нічого намъ, панóве городяне, сміть дорекати, що ми, мужикуючи по хуторахъ и селахъ, не такъ-то квапимось до всякої нóвої всемірної науки, остаючись у панівъ и въ жидівъ позаду. Дүмаєте, може, що ми цураємось освіти? що въ обскурантизмі, якъ мовляете, ми закохалися? що розумъ нашъ лєжнемъ звикъ изъ давніхъ давенъ лежати?... Ой, ой, ой! Якъ-то вонó здалеку хмєрно вамъ усé здаєтця! Хтó жъ виненъ тому обскурантизмові, коли ви тільки городі знали освітою забезпечувати, а намъ не дали воли, безъ свого городянського порядку, хоть найменшу шкóлку, по громадському розуму, у себе на селі завести? Розумъ нашъ лєжнемъ звикъ лежали? Якъ же бъ вонó инше сталося, коли дитину для науки треба изъ семіи виврати и міжъ такі люде заслати, котóрихъ не знаєшь и не відаєшь, якїмъ вони дүхомъ дйшуть и щó сь твоєї дитини зрблять? Зновъ же й кошть на ёго положи такий, за ту городянську науку, що, може, тільки сь тисячи въ одного господаря знайдетця на те й достáтокъ. Уже жъ вонó, учившись тамъ міжъ городянськими дить-

ми, п одъ прѣстої свѣтїни, и одъ прѣстнхъ звичаївъ та й одъ рїдної мѣви своєї одвїкне. Якїй же зъ єго бѣде семъянїнъ у прѣстїї хатї, мїжъ прѣстнми селянами? Лѣчче жъ ємѹ въ бѣтка та въ мѣтерп прѣстого госнодѣрства навчїтнсь, апїжъ чужїмъ у рїдну сѣмью сь тнми науками вернѹтнсь. Отъ вонѡ, якъ у насъ рѡзумъ нашъ лѣжпемъ лежїть. Про се ви, городяне, не турбѹїтесъ. Мѡже, колїсь наша громада впѡрастця зъ дїломъ та полѡгодпть дѣ-що, що ви жъ намъ, набїгаючи до насъ, для порядку попсовѡли, та тодї вже своєю волею п своїмъ рѡзумомъ розберѣ, до якої науки трѣба дїтокъ изъ-мѡлку вправлїти, — тїлько такъ, щобъ п въ науку дитїна вбївалась, и одъ лѣдачого товариства городяньского не псовѡлася. Бо, по нашому прѣстому рѡзуму, то ще не велїке дїло, якъ однѡ знайтї, а дрѹге втерѡтї. Спасїбї вамъ за тнхъ високовоспїтанннхъ козачннхъ, абѡ мужїчпнхъ, дїтѣй, що зъ пашнмъ братомъ не вмїе вже й заговорїтї! Спасїбї вамъ и за тнхъ рѡзѹмннхъ людѣй, що якъ понаїзджають пзъ городївъ до насъ у гѡстї, то въ мѣтери сѣрце не на мїстї за своїхъ простовѡтпнхъ, неполоханпнхъ ищѣ, цїрпнхъ душѣю дѡчокъ, пѡкп панпчѡ сь хѹтора, абѡ зъ госпѡди не збѹде! Спасїбї вамъ за тнхъ вївляеннхъ женпхївъ, що своїми грїшпн вѡблять до сѣбе найдорѡжшїй цвїть хѹторянокъ и селянокъ! Не хѡчемо мп нїякнхъ благъ цивїлїзацїї, колї, за сї бѡга, дїти нашї не вмїтпмуть пзъ нами, пїдъ нашу стѡрїсть, розмовлѡтї, колї вонї насъ, а мп їхъ, черезъ їхъ велїку освїту, не розумїтпмемъ! Берїть собї на-вїкп п не пускаїте до насъ вѡшпнхъ малѣванпнхъ панпчївъ, що вмїють дївѡчпмъ рѡзумомъ п сѣрцемъ, якъ пахѹщою квїточкою, що-дня мїняючи, забавлѡтнся! Нехѡї догппвѡють у васъ по городѡхъ тїї пѡскрїбки цивїлїзацїї, що, мѡвъ зъ домовїни уппрї, на свїжу кровь кїдають! И нехѡї лѣчче мп бѹдемо до вїку вїчнѣго въ лѡтанїї сїромѡзї ходїти, анїжъ людськїї слѣзп квартпм мїратп!

Се вамъ, городянамъ, цивїлїзованимъ людямъ, ѡдповїдъ наша на вашн зазївп до спїльностп зъ вѡмп, до науки, до практичпї мѹдростп, одъ котѡрої половїна зъ васъ у зѡлотї купѡетця, а половїна въ вонѹчїї грязї тѡне, одъ пекѣльної роботп чѹчверїе п зъ голоду гїне. А що мп словѣсностп вѡшої кнїжнїї не знѡємо, то скажїте самї: щѡ жъ бн сь тѡго за добрѡ булѡ, колїбъ мп, сто лїтъ назѡдъ, те жъ самѣ, що й ви, читѡли, и тогѡ самого смакѹ, що й ви, набїралнсь, та начптѡвшнсь и набрѡвшнсь тогѡ

ліха, якъ жаба грязі, почали ваши́мъ робо́мъ у своїхъ хутора́хъ и се́лахъ ходіти? Чи скажете, може, що то була па́косна, по́зичена словесность, котро́ї ви вже тепе́рь одчура́лись и вже намъ тепе́рь хоро́ші кни́жки друку́єте? Згада́йте жъ, бу́дьте ла-ска́ві, у котро́рій се вже разъ ви намъ такъ гово́рите, *ви*, пись-ме́нні, городя́нські лю́де, почавши съ то́го старода́внього віку, якъ ва́ши прапра́щури *смердо́мъ* на́шого брата записали? Аже́ жъ ви зна́єте по старосві́тськихъ кни́жкахъ, що Іезуїти и інші ка-те́лицькі по́пи, ще краще одъ васъ гово́рили про душе́вну освіту, и по се́лахъ босово́гі міссіі розспла́ли, мовъ би нові́хъ апо́сто-лівъ постано́вивши, и ба́гато зъ насъ до то́ї ома́ни поква́пилося и одъ про́стої віри мужі́чої ⁽¹⁾ одщени́лось.... Що́ жъ ви́йшло? Брехня́, та й го́ді!... Та чи одні́ жъ кателі́ки по города́хъ лю́дей и віршами, и вся́кою іншою словесно́стю обду́рювали? Історія́ обману до́вша, якъ-би́ її списа́ти, одъ історі́ї щіро́ї правди, — що, якъ-би́ перетрусі́ти всі кни́гарні, якъ-би́ хто взявъ у ру́ки тако́го ціпа, щобъ увесь то́й да́вній и неда́вній мо́глохъ пере-мо́лотити, то чи́стого, праведного зерна́ чи набра́лось би́ й съ ківшъ. Самі́ ви се до́бре зна́єте, а намъ изъ свої́ми кни́жками набива́етесь.... О, бо́дай васъ, цивиліза́торів! У васъ усé тіль-ко *сбыть и потребление* на умі! и якъ-би́ весь мпръ за́кнопівъ то́ргомъ, то вамъ би́ й ра́ю Бо́жого не тре́ба.

Отъ же въ хутора́хъ не дуже городя́намъ віри дойма́ють. Мо́же, ви й спра́вді поробі́лись уже́ святі́ми, надиві́вшись на свої старі́ гріхі́, та хто́ жъ намъ за васъ у пору́кн ста́не? *Зда́вся Ціа́нь та на свої діти....* чи не така́ бу́де пору́ка? Ва́ша правда́ — въ Бо́га на су́ді, а передъ очі́ма въ насъ — тілько ва́ша кривда́, почина́ючи съ то́го да́внього віку, якъ ва́ши пись-ме́нні, вельмо́жні, и бога́ті пре́дки прозва́ли и записали нашо́го брата *смердо́мъ*. Тимъ-то й не йме́мо ип вамъ віри, хочъ, мо́же, ви вже й присвяти́лися. Не ду́рно бо гово́рять: *Брехне́ю сві́тъ прійде́шь, та наза́дъ не ве́рнесся!*... Що́ жъ намъ ва́ша словесно́сть дру́кована, коли́ самі́ ви намъ пзневі́рились?... Що́ ви її собі вподо́бали, се намъ байду́же, бо ви й про Во́льтєра (або́ ва́ши ді́дй, все одно́) на пупъ крича́ли, що́ притьмо́мъ сві́тъ

(1) Chłopska wiara — такъ всі кателі́ки на Укра́їні визна́ли на́шу віру въ XVI, XVII и XVIII вікахъ.

послі тьми осіявъ миръ; а Вольтеръ самъ нанисавъ, що слугамъ и черні нічого ёму сказати: се бъ то ёго публіка — самі пані, самі просвіщенні. Ви такъ не говорите, якъ говоривъ и надрукувавъ великій учитель вашихъ прѣдківъ-городянъ. Ви вже не нахабою, якъ тоді водилося, а лагіднимъ словомъ, силкуєтесь прилучити насъ до гуманної (лучче бъ гуманної) громади. Ласкавенько насъ величаєте мужичками, и вже солодкимъ панськимъ голоскомъ гукаете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тьбя, любьзнай, завуть? Полю тьбь сидеть за чаркою на воскреснымъ днямъ съ сасьдамы: лучше на, вотъ, пачитай книшку, прасвьтись малышка, друкъ ты нашъ спрдьчнай!* И думаете, що въ васъ *есть* що сказати и слугамъ, и потомкамъ тихъ смёрдивъ старосвітськихъ, що Варягамъ панщину робили. Эге, мабуть, що *есть*, коли мужпчокъ и *друкъ спрдьчнай* махае тилько рукою одвертаючись! Коли жъ візьметця до книжки, то въ тій книзці не буде вашихъ химеръ солодкихъ: ту книжку написали люде, которі самі знали нужду й напастъ усяку, которі не мчались віхремъ зъ дзвонками черезъ убогі села, а своїми ногами заходили до людѣй у хату и на ниву та, приголубивши до себе дитѣй мужичихъ, робомъ свого Учителя благого, — говорили праведнимъ словомъ до людѣй, навчаючи ихъ душі спасати, а не кишеві грѣшми начиняти. Отту книжку читали наши прѣдки за тисячу роківъ до насъ, та й казали: *правда!* Ту книжку й ми читаетмо, та й говоримо: *правда, на-віки правда!*... А ви про свої книжки сто літъ назадъ кричали: *правда! ще краще одъ самої правди!* а теперъ про ті жъ самі книжки на весь миръ репетуете: *брехня! а отсе, що ми самі написали, отсе вже правда!* Такъ когô жъ ви думаете морочити? малу дитину, чи що? Мала дитина пійме вамъ віри, а мій, слава Бóгу, тисячу роківъ, якъ себе зазнаемо и, почавши одъ 'Олегівъ, которі до насъ на готове прийшли, надивились доволі на всякихъ ошуканцівъ.

Були видючі и сліпі,
 Були и штатські и воєнні,
 Були и панські и казенні,
 Були мряне и попі.

Оттакъ ми, добродію, одказуемо тимъ економістамъ вапнимъ столічнимъ, або й тимъ практикамъ-поетамъ, которі надъ міщанина, та надъ прасола, та надъ цвплизovanого куцака нічого й

кращого въ світі не знають. А ви, добродію, певно не пораете нашому брату, хуторянину, свій тихий холодокъ на ту грукотняву та спёку міняти, або съ простої світи въ тії дорогі одёжи вбіратися. На вашу *Оснóву* ми зъ доброю надією споглядаємо. Ми й самі вже такъ міркуємо: що нема н въ світі кращої одёжини, якъ наша проста світа. Якъ подумаешъ, черезъ якіні вчінки люде собі тії саётти та оксаміти добувають, то, дáleбі, вона въ нашій думці сьясє краще всякого дорогого камешю на тпхъ жупанахъ, або ширóкихъ панськихъ сукняхъ, — що ні одна жъ то гірка слёзіна на те шореткє ткаиння не покотїлася!... Дáleбі, здаётца вона намъ якоюсь ніби святою ризою; н въ одного́ Бóга тїлько краща одёжа, якъ роскїне вінъ її одъ краю до краю небесї, усю въ зóряхъ блискучихъ.

Нехай собі гуркотять н свїщуть чугунки, кому́ їхъ трéба. Колибъ намъ було трéба того́ дїва, то й ми бъ собі зробили, бо громада — великий чоловікъ н якъ схоче, то на все добре спроможетца. Щó жъ, коли не прийшовъ ище нашъ часъ про чугунки дбати? Ще, може, трéба пёрше дворї й хатї повимїтувати та тогдї й до більшого дїла братися. Атó — тутъ насъ смїттямъ н всякимъ гноємъ закидано, а намъ, забувши про свою бідолашню госпóду, слідомъ за чужоземцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі дїло розбїраємо, що, коли трéба на щось, щобъ одні люде, якъ отъ Ангелїне, попереду всіхъ ишли, то, мабуть, н те трéба, щобъ йнші, якъ отъ ми, українські хуторяне, позаду зоставался. Коли трéба, щобъ одні по городáхъ чучверили, якъ отъ наши бóрховці, то, мабуть, н те трéба, щобъ дрóгї по хуторáхъ н сєлахъ мїцїямъ, нелїченимъ здоровьямъ, наче дубї зелєні, твєрдо на своїй рїдній землі стояли. Зновъ же, коли трéба на світі такіхъ, щобъ усяку премудрость книжно розуміли, то, певно, трéба й те, щобъ чоловікъ читавъ тїлько одну книжку, великий Завїть великого всемирнєго Учїтеля, а Бóжний миръ розумівъ бїльшъ сєрцемъ, нїжъ головою. Бо й самї оттї цивилїзатори нехай би рóзумомъ своїмъ збагнули: що бъ то було, якъ-бї нашъ братъ оддався всєю душею ще іезуїтськїй науці (а Іезуїти пробували вчїти насъ н зъ голою шаблею)!... Цивилїзація, кажутъ, ведє чоловіка до всякого щастя.... А якъ же ні?... Щó тоді, панове? дє тоді візьмете людєй свїжихъ душею н мїцїихъ здоровьямъ, щобъ йншимъ рóбомъ зопсовану по всїй землі жизнь по-

п'равити?... Такъ покiньте жъ хочъ насъ, б'удьто ласкаві, по хуторахъ про запасъ: може, ми вашимъ правнукамъ згодимся. Пишіть собі тамъ и друкуйте що-хотя. Може, вонó й добре кому слухати васъ, тiлько не намъ. У насъ, панове, наука своја, тисячолiтня: вона навчила насъ бiльше слухати праведного Слова Божого, анижъ лукавоi панської мови. Колибъ ви такъ учили, якъ учивъ Христосъ, то ми бъ васъ послухали одразу, ато ви учите не Богови, а мамони служити; зоготому й долу розумною своєю головою клiнається, думуючи, що нiйшли ще дальшъ самоi Евангелiї.... »Просвiтились«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще и другихъ
Хочуть просвiтити;
Сбице правди показати
Слiшимъ, бачишь, дiтямъ....

Покiньте, кажете, свої прости хуторянські звичаї — будете багатi. А на що жъ намъ, панове, багатшими бути? Хиба въ насъ исти й пити нічого, або нема сорочкн, свiтiни й кожушини, або не тепло намъ у нашiй хатi, або нема просто-ру кругомъ хати, або нi за що намъ справити по своєму закону весiлля, чи родiнъ, чи христiнъ, чи чогó? На що жъ намъ те нависне багатство? Хиба на те, щобъ ожидовити? щобъ не така душа була въ насъ проста и милосiрдна? Або на те, щобъ, покидавши свою дешеву, тисячолiтню одeжу, рватиь усіма сiялами, щобъ на городянську пиху спромогтiся, на ту ледащiцю мóду, що на рiкъ по пять разъ перекрóює сiкню, наче малá дитина, гуляючи въ ляльки? Або, може, на те, щобъ занедбавши свої прости звичаї, вкинутись у той дурний комфортъ, у ту йдолюську рóскiшь, що нема їй нi мiри, нi вiсину, нi наспуту?... Дóбре намъ рáсте, спасiби вамъ! А по-нашому, такъ чоловікові за своєю простоу, домоткану свiту трéба обомá рукамп держáтися. Се ёго воля! Се ёго затiла одъ дiявольської покусi — мóди, котóра васъ, городянъ, до тяжкóй робóти або до лукавихъ вигадокъ и вiдумокъ день и нiчь поганяє. Тимъ-то борони́ Бóже, якъ-би вiяке въ насъ до книжокъ городянськихъ хапáлося, покiнувши своєю сди́ну книжку, та й поняю вашимъ книжкамъ вiри бiльшъ, нiжъ тiй спасiннiй, праведнiй книзцi! Було бъ, може, те, що всі зживили бъ и за грóши рiднихъ батькивъ попрода-

ли. Що тамъ десь, за моремъ, шматокъ Америки цивилизацію трошки на добрий ладъ будімъ-то справивъ, плучій попередъ усєго світу, то се ми знаємо и радуємось. Нехай тимъ людьмъ хорощимъ та богобоязливимъ и до конця служить фортуна у великому ділі. Тільки жъ намъ рано ще слідомъ за ними бігти, не впоправившись перше съ тимъ, псѣ чимъ вони добре впоралися. Якъ жє намъ, удавшись не по своєму розуму и не по своїй розумній волі, у цивилизацію, та тимъ тільки зробити зъ себе ні Бóгу свічку, ні чóрту кочерєжку, то лóчче намъ у своїй шорсткій корі ще рóківъ зъ сóтно пережити та тогді вже іі зъ себе злуцтити, якъ не стане въ насъ на Україні дє-якої погани, котóra у всяке добре діло мішаєтця и всяке добре діло псує и нівечить.

Такъ ми, добродію, про городянські науки и городянську словєсность собі міркуємо. Прощу вáшої лáски, надрукуйте сей листъ мій у своїй *Основі*. Нехай тії комфортабельні чоловіколюбці не дóже надъ нашою долею вболівáють. Не погáна доля нáша, хліборобська й чумацька, хваліти Бóга! Не промівяємо ми іі на городянську, ніби-то крáщу, и світи своєі чєсноі и неповінної не оддамó ні за які саєти и оксаміти. Коли жъ моє слóво припадє й гєть-то вамъ до смаку, то я не зарікаюсь до кóжної вáшої книжки свій листокъ доложіти и про все, щó ми, тутъ сідя, чýємо, абó читáємо, и якъ про щó собі потіху гóторимо, вислєбизувати. Ви свою *Основу* видаєтє про насъ, Українцівъ, то трєба іі знáти вамъ, якъ ми про щó думасмо. Мóже, добродію, и въ васъ у *Основі* бóдє щó не по-нашому, то вже — вибачáйте — не вмовчимо, а такъ-такі, якъ вонó здáстця намъ, такъ вамъ гарнєнько й виспівáємо. Хвалі жъ одъ насъ ніякої не ждїте, бо съ тóго вамъ корісти бóло бѣ не багáто.

Х у т о р я н і н ь .

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

... Ми собі такъ мизькуємо, добродію, що »Осно́ва« повинна бѣ
бути на рідній українській мові, та вже ви, ма́бутъ, се діло зна́е-
те лѹчче, ніжъ ми. Отъ же ми все-таки бѹдемо сподіва́тись, що,
чимъ-да́льшъ, »Осно́ва« вся бѹде въ на́шій лю́бій мові,

»Що ма́ти співа́ла,
Якъ ма́лого сповива́ла,
Зъ ма́лимъ розмовля́ла.«

Українська мо́ва годітця не для одні́хъ вірші́въ; на їй и тепе́рь
мо́жна говорити й писати *про все на́ше*, такъ-таки́, якъ и на
їнишихъ. Такъ собі дѹмаючи, пишѹ до ва́съ пер́ви вісті по-на́-
шому; мо́же, на ми́й лпстѣ обі́звѹтця зъ другі́хъ сторо́нь розум-
ніши лю́де и придатніше напи́шуть. Отта́къ, по-тро́ху, по-тро́ху,
та й дійдемъ до то́го, що про все писати́мемъ по-українськи. Бо
чи тожъ-таки́ не со́ромъ — лі́зти до сусі́да въ кпше́ню за сло́-
вомъ? хиба́ у на́съ сво́го нема́? Пора́, пора́ намъ додѹма́тьця до
власно́ї лі́терату́рної мові.

I.

Почина́ючи лі́сти зъ Полта́ви, першъ усе́го ска́жемо, що ми
не бѹдемъ дѹже ші́роко розмовля́ти: бѹде зъ насъ и то́го, що по-
дамó земляка́мъ звістку обѣ усякі́мъ грома́дські́м ді́лі, хоча́ бѣ
воно́ зда́лося їй непоказні́мъ, бо ко́жне грома́дське ді́ло — не самé
ті́льки ді́ло, абó случа́й, а разо́мъ и вели́ка істо́рична робо́та.
Ні́ якé ді́ло само́-зъ-собé не ро́дитця. Не збу́дѹешъ буди́нку, не

поставивши зпёршу сторчівъ; такъ-само и жодна розумна робота не буде міцна и крѣпка, якъ не матиме підъ собою сторчівъ,— да не зразу вона її виявитця. Одно коліно людѣй поставить сторчі для якого-небудь розумного діла; друге виведе, на тихъ сторчѣхъ, стіни; трейте, зновъ, постановить крѣшу, а четвёртому вже доведѣтця тамъ и жити. Такъ на всімъ Божімъ світі рѣблятця громадські діла, — тіи будівки розуму, добра и слави. Хто до сѣго ще не додумався, нехай же шільно вдівитця въ жизнь якъ не свого, то іншихъ народівъ.

Скажемо свою коротеньку річъ до шановної громади. Любі мої земляки! Не рѣмствуйте дуже на мене, коли, часомъ, чого не впадаете въ моїхъ лістахъ: бо ви добре знаєте, що се первий починъ писання вістѣй на нашій рідній мові. Чи способна вона для такихъ лістівъ — побачимо.

Почне́мъ нашъ вісті про Полтаву зъ того, що найближче лежить коло нашого и громадського сѣрця, въ чому найбільший вжитокъ для народу вбачаемо, що робить людѣй и розумними, и добрями, и правдивими, — се бъ то грамота и школи.

Зъ 1859 року на 1860, въ Полтавськихъ школахъ училось: *хлопцівъ* — въ гимназії — 371, въ кадѣтському корпусі — 371, въ духовній школі — 193, въ повітовій — 40, въ приходській — 42, въ школі чистописцівъ — 50, въ школі п. Таксиса — 28, въ німецькій — 28 и въ сврѣйській 19; *дівчатъ* — въ институті для панвочокъ — 208, въ приюті — 37, да въ частинхъ школахъ п. п. Лерцера, Кемпига, Дейнеки и Антипової — 176, а всіхъ хлопцівъ и дівчатъ 1537. Здавалося бъ, що для города, въ котрому живе людѣй 27,000, більше її не треба, — тільки жъ ні. Сіми школами нўжда народнѣй грамотности дуже не здовольнилася, бо тутъ учились діти самихъ богачівъ та панівъ, а неспроможнихъ людѣй. Звісне діло: въ одній школі — *итатъ*, у другій — *велика плата*. Всі вбачали, яка велика *треба* народнѣй грамотности у насъ передъ очима, всі зрозуміли, що наука и грамотность однаковісенько полѣзні и тимъ, котрі думаютъ бути колись сўдьями та сенорами, и тимъ, котрі весь вікъ звикують — хто надъ обручѣмъ, хто за чоботомъ, хто за плугомъ. День одо дня, часъ одъ часу, нўжда въ грамоті чўлася більше и більше. Спасїбі Бѣгу, найшлись добрі люде, що помогли народу въ біді, и 1860 рікъ на-віки-вічні зостаєтця памятнымъ для Полтави; бо

ще тільки недавно бліснувъ свѣтъ грамотності на нашихъ тѣмнихъ братівъ. П. Злигостовъ завівъ школу при городській тюрмі, и самъ чотірі рази у тиждень ходить учить тамъ дітѣй. Квітня 24-го одкрита у насъ недільна безплатна школа; въ неї, зъ першого разу, припшло учитьця 35 душъ; міжъ ними були и семплітки и сороколітні; теперъ въ сій школі учитьця трѣхи не 200 душъ. — Недавно педагогічна рада тсїі школи випустила до громади печатний листъ, котримъ запрошує всякого, хто захоче завітати у школу, або на раду, виказувати чи на речахъ, чи на папірі, свої уваги и думки про школу. Се діло дуже добре, бо нехай буде хочъ який розумний чоловікъ, а все-такі громада розумній відъ ёго; сама громада повинна робити, и найлучче зробити, своє громадське діло.

Ще зъ 1858 року стали у насъ думати, якъ би завести дівочу школу: думали про се тільки самі учителі, а громада, мовъ вельможна пані, сѣдила собі зложивши рѣки, а черезъ те и діло йшло дуже туго. Ми ужѣ трѣхи-трѣхи не сказали, що ще не досрлі ми до того, щобъ заводити дівочі школи, ажъ-ось—то сякъ, то такъ, а добра думка не загїбла безслідно, и 26 сѣрпня одкрили Дівоче Учїлище, у котримъ теперъ учитьця 203 дівчатъ; міжъ ними є и панночкі, и креначки, и купцівни, и мищанки, и козачки. За Полтавську дівочу гимназію доволі ужѣ говорили, а ми одъ себе скажемо тільки отъ-що: якъ наша шановна громада и далі буде чужими рукама жаръ загрибати, то гимназія, постоявши сімъ літъ, у которі ніхто зъ учителівъ не братиме плати за свою працю, на восьме літо бѣхне; бо тоді буде потрібно що року 15,000 карбованцівъ, — а де вони? Правда, Полтавська громада купцівъ (панська громада ще мовчить) положила давати одъ себе що року на гимназію 500 р., та и то, на раді у думі, одїнь багатий купецъ заговоривъ такъ: «наша громада не тільки повинна давати гроши на гимназію, а намъ и гимназія не потрібна: бо зъ неї вийде не польза, а такѣ безголівье, що и сказати не можна!» Що маєте робити! Е ще по світу люде и такі розумні, що кажуть: «по насъ, абї були дїні да кавунї,— ми и безъ грамотності проживемо;—а-жъ батькі наші жили?»— и такі підсліповаті, що не тільки самі не вірять въ пользу одъ науки, а ще и другихъ лають и бьють за те, що здохочуютьця учїтись.

Народня охота ясно показує, що потреба грамотності у насъ ще не вдовольнилась и новимп школами. Одному чоловіку въ Полтаві прийшла думка завести въ празники народні чтенія и розкази про те, що повинне знати усяке. Для народу се було бѣ дуже добре діло, коли бѣ вонó не зосталося тілько одною думкою. Ще бѣ краще, коли бѣ завести у насъ народній театръ и книгáрню, щобъ кожному неспроміжнѣму можна було брати книжки и читати безъ грошей. Въ Полтаві є дві книгáрні: Изопóльскою и Чижакá, а нѣ въ одній, да таки й нѣде, нема дешевихъ народніхъ книжокъ. На щó лүчче! у насъ и досі нема, на нашій мові, святого Евангелія! А придивітця-лишь до сільскихъ школярівъ, и заразъ побачите, щобъ то за велика була польза, колибъ тихъ школярівъ учили не на церковній, а на рідній українській мові, котрү дитина чула змáлечку и котрою вона промовила перве слово. Не одбивалась би дитина одъ родини, не лізла бѣ въ канцелярїсти, а зоставалася бѣ у рідній хаті, при своєй рїлі, — здалась би на добро и собі й людямъ, — та й до науки бралися бѣ охитніше; атó въ Полтавській губернії на 130 селянъ доводитця *одино* тільки письменній... Чи тожъ не соромъ?

О Л Е К С А Н Д Р Ъ П Е Р Е Х О Д О В Е Ц Ъ .

ЗЪ Г. ВОРЗНИ (ЧЕРНИГ. ГЪВ.)

(29 колбръ 1860.)

— — »Спасїбі, кажутъ, спасїбі за »Основу«, велике. А якъ якó спасїбі, то й за гроші, мовлявъ, не купшшъ. Нехай же вамъ Господь спорить... Коли уподобали моє *писанне*, то нехай воно вамъ буде на *вхїдчини*, коли не побрѣзгаєте и нашою крїхтою.

Щó жъ вамъ доброго сказати? Теперъ 29-те ноября, а у насъ гарно на дворі якъ у Бóга за дверми: зéлено, якъ на весні; ўтки хлюпóщутця, а гўси усé горчечуть и здіймаютьця, мовъ летить хочуть. Люде кажутъ—гнила зима́ буде: горенько жъ наше, якъ снїгъ не впаде! И торїшню зиму, у Пилипівку, ще пахали,—десь и теперъ такъ буде; усé то въ світі змінилось... и люде. Було, объ Микóлі уже й лаштўсєся на Московщїну зъ

України; було тільки її думки абі Сеймъ перемахнуть, щобъ лід не провалився підъ нами, теперъ—що ёго її робити? а тамъ ще, кажуть, грязюка....

Ось щіце що: казану річъ вамъ скажy, а не свою. Дівчина одна мені такъ одповідала: «У насъ є теперъ школа, а за старого понá була, да маю учениківъ. Пакидомъ берє старшина учить, плачуть и кудкудачугъ батько її мати, а треба 'ддати!... бачте, треба світочку шить, а ні-за-що спомогтися, и велють чисто водить. Иноді піпъ и самъ заходить по хатамъ, такъ ёму її говорять: «дайте чоботи дитині, да її берить.»

А у насъ, въ Борзни, и досі не видно недільної школи, бо нема одностайности, однодумства въ громаді.

ЗЪ-ПІДЪ ПІЖИНА (ЧЕРНИГ. ГЪВ.)

— — Ось-що розказала мнѣ одна перепечайка: «стали казати, що прислана така бумага, щобъ попі дітѣй учили грамоти, Боже, якъ порадили! оце *моя* (дочка десятилітня) усє сидить у вікна, усє гулькь та гулькь у вікно: да чомy ужє той піпъ не йде? И я рада, щобъ учили мою дитину. Я у одному селі була, а тамъ дівчина пятнадцяти годъ—якъ гукне свивать на криласі, дакъ и думаю: колибъ и мою взяли! такъ же причудєсно, якъ янгелі зъ неба. Да подумаєшь—якъ жє житло такє, що вийде заміжъ, та несчасне бyде, дакъ нехай учитель: хоч розумне бyде. *Вони* не багато у мене зробить.—Отъ, діждали, почали збирати дітѣй по селу: въ одинъ дєнь тридцять душъ. Зібрали молебна, да дакъ инше и не перехриститця-поснишас, да такъ и цілує Евангєліє, такъ и падають, якъ тії овечята до водонїлла.»

ПЪЗЪ ПОЛТАВЫ.

(6 декабрь 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣють истинное свое значеніє, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напращиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она не обязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно вывить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи ⁽¹⁾. Официально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіе и учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предположеніе объ этой гимназіи; я не назову ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣль, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ то же время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта гимназіи и обсуждения нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ.

(1) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получить наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. Соч.

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять officialную форму. Пока шла перепiska, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежные приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любителей, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа, П. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскаго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ, — въ пользу гимназіи уже составила наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 3 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшаться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обузаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи — трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло, — единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ; учредители избрали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовленія всего того, что называется первоначальнымъ обузаведеніемъ. Оставалось избрать пачальницу для будущей гимназіи и выборъ палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, г-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію съ 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались пріемные экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предупредительности, ободрительныхъ пріемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ поступить въ гимназію: къ дню открытія было уже 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной обстановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбѣжнаго шампанскаго, — съ тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая имѣетъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ, — шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и цестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитанницы открываемой гимназій. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствошіе были одушевлены и поздравляли другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Черезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназій. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, бесплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знающія только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 10 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желающія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Последовательность преподаванія распредѣлена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченность въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназій, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигиена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 10 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторые поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору (1).

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнью живетъ Полтавская гимназія, приобретающая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждающа общественное сознаніе въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятыя на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достойнѣйшій примѣръ подаетъ всѣмъ начальница. Счастливыѣ выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназіи; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитанницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаніемъ пользы общественной, и создается не на богатыхъ приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушной жертвѣ труженниковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соотвѣтствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставитъ ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: »кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.«

Средства гимназіи далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранныя до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

(1) Въ настоящее время составъ гимназіи слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; ученицы: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованьи: смотрительница гимназіи, 4 служанки и 2 сторожа. Соч.

ки. Но когда къ этимъ издержкамъ пужно будетъ присоедишить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и класснымъ дамамъ, — откуда явятся на это средства??

Пусть разрѣшитъ этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соддиненіе всѣхъ сословіи, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (1).

ЖИТЕЛЕЙ ПОЛТАВЫ.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о граматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году, въ Петербургѣ (2). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различныя толки. Одни говорили: *благо!* другіе же: *ні, но льститъ языки.* Хвалители съ хулителями диаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Грамматки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимымъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Грамматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушія къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

(1) Редакція «Основы» съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ «Основы» будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(2) Справедливость и желаніе полнѣе и безпристрастнѣе пзучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ «Основы». *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселеніе, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ уѣздныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выписывали изъ столицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разоплась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грама́тка* напечатана въ 5,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ вычетомъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ любитъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной любви къ предмету«, слышншь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ путь къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грама́тка*, напечатанная въ Петербургѣ и опубликованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдывали и считаемъ своею обязанностию довести до общаго свѣдѣнія слѣдующіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грама́тки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленію издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печати, вшиветки и переплетъ) (1) оказалось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. После этого онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили около 500 экземпляровъ *Грама́тки* по 20 к. сер. у комиссіонера г. Кулиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Что мы должны заключить изъ этого? То, что *Грама́тка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

(1) Видно, что г. Кулишъ занимался *Грама́ткой* съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ для *низшаго класса*. Самый переплетъ доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился о томъ, чтобъ деньги, добытая кровопотнымъ трудомъ, не пропадала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтуть.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покушаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Грамматки*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человекъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Грамматку* я не слыхать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Грамматкѣ* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Грамматки* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не рассчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

П. Горвицкій.

ИЗЪ АНАНЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщеніе,

Гдѣ просвѣщеніе — тамъ добро.

А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевского Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что для него, какъ для Пѣнца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потягиво и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудеть, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говоритъ:

Разъ добрымъ наліте сѣрце
Вікъ не прохолбне....

Михаилъ Левченко.

ИЗЪ ПОДОЛИ.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавна употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ быть и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышалъ, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Проживая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ «Основѣ» свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Лобко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦИИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописныя старинныя дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничокъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественнаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣетъ ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ бібліотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матеріаловъ въ подлинникъ или списокъ, такъ и на почтовую переписку. Доставленныя рукописи будутъ, по мнновеніи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ «Основы» и содѣйствовать ей задачъ сообщеніемъ сообразныхъ съ программою статей и свѣденій, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

П. П. Б-л-у-П-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Ярѣ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редакція находится въ невѣстности, какъ поступить съ статью: »Очерки« — и проч. Она можетъ быть напечатана въ »Основѣ«, только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редакція можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности. — Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ө. К-ст-н-у, во Владимірѣ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковѣ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецѣ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны »Основѣ«.

П-р-л-к-н-му, въ Таганрогѣ. Ваши стихи »К-б-нь Дн-пр-і« не могутъ быть напечатаны въ »Основѣ«. Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельно. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи—значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изустною и письменною словестностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненію украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, что до сихъ поръ было извѣстно только специалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстные мнѣ любители нашего роднаго слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости—держать корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во-время. Кроме того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомогательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себя, во первыхъ, слова, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и хрестоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ cadaго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни мало удовлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ поприщѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; П. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, П. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собираю народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также стараюсь схватить особенности лицъ и одждѣ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, надеясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности, — ежели мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, больше обширному, собранію*, — то цѣль моя достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію бѣльшей достовѣрности, и для облегченія любителямъ наводитъ справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чегó и когда онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Какъ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологій и самой исторіи! Иногда бездѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть специальное изданіе древностей, археологій, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнью, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не позволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошпбки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ лп, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаются въ »Основы«.

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самыи точный, вполне передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступитъ въ продажу съ *апрѣля мѣсяца* наступающаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяць. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравирова и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публлку отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, — *для тѣхъ лицъ, которыя подписались на »Основы«*, а для прочихъ — *5 р. ср. безъ пересылки* и *6 р. ср. съ пересылкою*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ »Основы«. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получать мей *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова*, въ *С. Петербургъ, на Васильевскомъ островѣ по 10 линіи, въ домъ Соловьева*; или на имя редактора »Основы«, *Василія Михайловича Блгозерскаго*, въ *С. Петербургъ, у Кружала рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго*.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редація намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и правовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ-сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь бѣльшую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волгъ широкаго, вѣками образовавшагося, моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать челоѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самаго бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулшомъ, восполнить одиъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а пзвѣстно, что никакая система не въ состоянн обнять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобъ приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознанн, для грамматики, фонетики, и т. д., редакция «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношенн, удареніяхъ, значенн словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительныя филологическія труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхождение, состояніе и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженіе, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденіе; и 4) при доставленн руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какого нарѣчія сочинитель держался при составленн своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какимъ соображеніемъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженія новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значеніемъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло создается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редакция уже имѣетъ ввиду священную исторію, ариметику и геометрію неалаж бы. получить географію, космографію, флзнку и проч.

соплеменникъ съ помощью многихъ писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстныя усилія людей, разрабатывающихъ родной языкъ съ главною цѣлью—послужить честно нашимъ *хліборобамъ*, нашей сиротствующей въ умственномъ уединеніи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь нѣкогда ей заняться. — *В. Б.*

Аби—лишь бы.
Або—или; развѣ.
Ажѣжъ—конечно, разумѣется.
Аделі, аделё, а дѣлі—затѣмъ; на-
конецъ.
Ажѣ—вѣдь.

Багатірь, —ъ—богатый, богачъ.
Багато, багачко—много.
Баділае, баділаа—ботва, бурьянъ,
большіе стебли грубыхъ травянистыхъ
растеній.

Байдуже—шпочемъ, все равно.
Байракъ—долина, порослая лѣ-
сомъ.
Балакати—говорить, разговаривать.
Барвінокъ (*vinca*)—любимое наро-
домъ растеніе, не теряющее зелени и
зимомъ.

Баритись—мѣшкать.
Баштанъ—бахча.
Бджола—пчела.
Безпапѣсний—безпечальный, бла-
женный.

Безсумний—беззаботный, веселый.
Бідолака, бідолаха—бѣднякъ.
Бігти—бѣжать.
Бодай—т. е. Богъ дай—пускай
Божевілпий—помѣшанный.
Боржій—скорый.
Борікати—бодать.
Боронити—препятствовать, запре-
щать; оборонять.
Борошно—мука.
Боязко—робко; страшно.
Благачий—умоляющій.
Бліскавка, вийця—молнія.

Блукати, —сь—волочиться, бродить.
Брама—большій ворота.
Братъ у-аругихъ—двоюродный
братъ.

Брехні—ложь.
Бублѣшниця, бублѣшниця—при-
готовляющая и продающая бублики.
Бубликъ—баранокъ, обварной кре-
дель.

Бубонці—бубенчики.
Будинокъ—зданіе; господскій домъ.
Будка—бричка.
Бузувірь—басурманъ, изувѣрь.
Бурлакувати—оставаться нежена-
тымъ.

Буча—шумная ссора.
Бучний—пышный, роскошный, шум-
ный.

Вадити—вредить, злоумышлять; кле-
ветать;—тошнить.

Важитись—отваживаться, рѣшаться.
Важко—тяжело.

Вапѣникъ—производитель извести.
Варта—стража.

Вартувати—сторожить.
Вбачаєтця—усматривается, видно.

Вбратись—одѣваться.
Вважати—обращать вниманіе.

Вважливо—внимательно.
Ввічливий—внимательный, преду-
предительный.

Вгавати—умолкать, утихать; пере-
ставать.

Вдача—характеръ; удача.
Влягати—одѣвать.

Велико—много.
Величѣпний—огромный, большущій.

Вередовати — капризничать, прихотничать.

Вёрхи — верхомъ.

Весілля — свадьба.

Вжахнутись — испугаться, встревожиться.

Виbachати — извинять.

Вигадак — выдумка, затѣя.

Вигодувати — выкармливать, выращивать.

Вигукнути — выкрикнуть.

Видь — лице; образъ.

Виэволитись — высвободиться.

Викохати — воспитать, вырастить.

Вимагати — помогать.

Вимовити — вымолвить, проговорить; проанесть; укорить; выговорить (при условіяхъ).

Винний — виновный, должникъ.

Випалѣти — стрѣлять; выжигать.

Виряжати — провожать, отправлять, сваряжать.

Вислєбизувати — высказать, высказать.

Виспівати — процѣть (отчетливо).

Витришковати — пучеглазый.

Вишукувати — изыскивать; отыскивать, находить.

Вишѣти, -ати — визжать.

Видмагати — отговариваться.

Вида — извѣщеніе, уведомленіе.

Видрадісно — отрадно.

Виконица — ставня.

Віно — приданое.

Віри повѣсти — повѣрить.

Вірши віршувати — слагать стихи.

Вітати — приглашать; привѣтствовать.

(Вічи) **очи, у вічи** — глаза, въ глаза.

Вишувати — предвѣщать.

Вквічати — убраться голову цвѣтами.

Вкляпати — наладить на одно, броситься на что-нибудь.

Вклікати — позвать.

Вкупі — вмѣстѣ.

Власне — точно, именно, будто.

Власкѣнитись — умиляться.

Вмичати — замѣчать.

Вмовляти — уговаривать.

Ворухнутись — шевельнуться.

Впийти — удержь, уговоръ.

Впиняти — удерживать, останавливать.

Впно (опечатка) **вм. вапно, вапна** — известь.

(Вподоба) **До вподоби** — по душѣ.

Вподобати — полюбить.

Впорати — покончить.

Впридоби — снабдить, устроить.

Вродливий — красивый.

Всплѣти — спать, досыпать.

Втекти — уйти.

Втома — усталость, истома.

Втручати — вѣшнать.

Вхідчии, вхідии — обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.

Вхитий — желающий, охотникъ.

Вхопити — схватить.

Вхопитись — ухватиться.

Вчипок — дѣло, поступокъ.

Вчути — дослышать.

Въ-останце — въ послѣдній разъ.

Габѣ — парча.

Гадати — думать, раздумывать, замышлять.

Гадюка-чка — змѣя, змѣйка.

(Гѣтця) **гѣтись** — жѣткать.

Гай — роца.

Гайдамака — самозваный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.

Ганити — порицать, порочить.

Ганчірка — тряпка.

Ганьба — безчестіе.

Гараздъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.

Гарбузъ — тыква.

Гарно — хорошо, красиво.

Геть! — прочь.

Гинуть — погибать.

Гіллястий — вѣтвистый.

Глѣчикъ — жувишка.

Гнипати — гнесты.

Годинка — часочекъ; хорошая погода.

Годити — угождать.

Годі! — полно! довольно!

Годно — достойно; слѣдуетъ.

Голосно — громко.

Гоминъ — говоръ, шумъ.

Гончаръ, -ь — горшечникъ.

Горище — чердакъ.

Господа — домъ, дворъ.

Господарство — хозяйство.

(Гостина) **у-гостину** — въ гости.

Горобецъ — воробей.

Горобина — рябина; грабина.

Грайворонъ, гайворонъ — грачь.

Гракъ — грачь.

Гримпути — вскрикнуть на кого, забранить.

Громада — общество; мірская сходка.

Громадський — общественный, мірской.

Грубка — печка.

Грукнути, грюкнути — стукнуть, хлопнуть (дверьм), загремѣть.
Грукотий — стукъ.
Гукати — громко звать, восклицать.
Гукъ — звукъ густой, сильный.
Гурки, гурокъ, угірокъ — огурцы, огурецъ.
Густий — гудѣть.
Гущовина, гущій — глушь (лѣсная).
Гучливий — гудящій, жужжащій.

Далебі, ділибі — ей-Богу.
Даний — заговорное (волшебн.) питье.
Дарѣме — напрасно.
Дарма! — ничего!
Дармо, дарма — напрасно, даромъ.
Дбати — заботиться, приобрѣтати.
Двжити — двигаться, дрожать, рѣять.
Дѣ — гдѣ.
Деренчатъ — дребезжать.
Десь — гдѣ-то, вѣроятно.
Дзвінъ — колоколъ.
Дзвінкій — звонкій.
Дзвінній — громкій, какъ колоколъ.
Дзвонами см. Дзвінъ
Дивитись — смотрѣть.
Дивовати — дивиться.
Дитина — дитя, ребенокъ
Дівча, дівчата — дѣвушка, дѣвцы.
Дівчина — дѣвушка.
Дідуганъ — глубокій старикъ.
Дідько — чортъ.
Дісне — именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.
Добачати — увидѣть, досмотрѣться.
Добрити — олобровать, хвалитъ,
Добродій — господинъ, сударь; благодѣтель.
Добромъ — совершенно.
Довідатись — узнать, развѣдать.
До віку — до смерти, навѣкъ.
Доводити — доказывать, выставлять, убѣждать.
До гана — опороченіе, обида.
Доглядъ — надсмотръ, попеченіе.
Догодити — угодитъ.
Докупити — въ одно мѣсто, вмѣстѣ.
Долівка — полъ (земляной), долъ.
Долігати — дошмать, беспокоить, тяготѣть.
Долоня — ладонь.
Домовина — гробъ.
Допрікъ — упрекъ, укоръ.
Дорікати — упрекать, укорять.
Дорожита — дороговизна.
До-сподоби — по вкусу, по праву, по сердцу.
Доступити — получить; подойти; достигнуть.
Доторкнутись — дотронуться.

Дочувати — слышать; ошущать (запахъ).
Драгліти — дрожать, нависнуть (о тучахъ).
Дрібенько — мелко; часто, скоро (ужешнитъ).
Дробнй — домашній птица.
Друквати — печатать (типографъ).
Дукачъ — металлическое украшеніе, привѣщенное къ монисту, чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.
Дурити — обманывать.
Дурний — глупый, дуракъ; сумасшедшій.
Дурно — напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едвѣбъ — шолковая матерія.
Единячка — единственная дочь.
Жаба — лягушка.
Жадати — сильно желать, жажда.
Жадібка — желаніе, жажда.
Жадний — пикакой.
Жадоба — желаніе, жажда.
Жалощі — сѣтованіе; собогѣзованіе.
Жалувати — жалѣть; ласкать.
Жаль — горестъ, сожалѣніе, сокрушеніе.

Жаріна — раскаленный уголекъ.
Жартъ — шутка.
Жахане, жахання — ужасъ, тревога.
Жахнутись — ахнуть, ужаснуться.
Живий — оживленный, живой, молодцоватый.
Жданки — ожиданія.
Женігати — гнать; бѣжать сильно.
Жпвсіломъ — насильно.
Житній — ржаной.
Жмєня — горсть.
Жовіръ — солдатъ (польскій).
Жодний — ни одинъ, пикакой.
Жопки — жепщины; жены.
Жорєнь — жерновъ.
Жупай — нафтаиъ особаго покроя.
Журба — тоска, гореванье.
Журити — печалитъ.
Журливо — тоскливо, печально, задумчиво.

Забавка — забава, игра; игрушка.
Забажати — пожелать сильно.
Забарити — задержати, замѣдлитъ.
Забити — убить; ушибитъ.
Заборожати — запрещати.
Завважати — замѣчать.
Завволити — захотѣть, изъявить желаніе.
Заверпуться — воротиться.
Завестись — пачать ссору, заспорить.

Завідати — навістити.
Завістити — извѣстити, объявити.
Завітати — навітаться; пригласить.
Завсіди }
Завсюди } всегда.
Загадѣтись — задуматься.
Загинути — погибнуть.
Загомонити — заговорить.
Загорода — скотный дворъ.
Загостювати — загоститься.
Загубити — потерять.
Загуртъ — вмѣстѣ, вообще.
Задлятись — замедлить, промѣшкать.
Заживати — употреблять.
Зажурити — опечалить.
Задалегидь — задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съдалека.
Зазнатись — познакомиться, спознаться.
Займати — трогать, задѣвать.
Заказати — запретить.
Закаблуки — подборы каблуки.
Заквітати — заголосить.
Закохатись — влюбиться, пристраститься.
Закрапити — закапать.
Залётчикъ — сватающійся, искатель.
Залицятись — ухаживать, волочить-ся.
Залишити — оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
Заміяти — промѣнять.
Заміти — лишиться чувствъ.
Заможний — богатый, зажиточный.
Замутитця — взволноваться.
Занедбати — пренебречь, забыть, запустить.
Занедужать — заболѣть, занемочь.
Заненадати — хворать.
Занехати — пренебречь, запустить.
Запалити — зажечь.
Запеклий — закоренѣлый, закоснѣлый.
Запитати — спросить.
Заплющити — зажмурить (глаза).
Запобігти — въ пору спохватиться, предупредить.
Запоминти — (Клим.) забыть.
Запрядати — пряхей зарабатывать хлѣбъ.
Запсувати — испортить.
Заразъ — тотчасъ.
Зарані — съ позаранку, съ раняго утра.
Зарватись — броситься необдуманно.
Заручена — обрученная.
Заручини — обрученіе.
Засмілений — загорѣлый, обожженный.

Засоромигись — застыдился, потупиться.
Застувати — заслонять свѣтъ собой, (застыть).
Засягти — достичь, захватить.
Зато́го — скоро уже.
Затруситись — задрожать.
Загула — защита, убѣжище.
Зачепити — зацѣпить, завязать, задѣть.
Зачипитись — затвориться.
Зачипати — затрогивать.
Західъ — сборы, приготовленія.
Заховати — спрятать.
Зацвіріювати — зачиркать.
Збавляти — лишать, уменьшать; губить.
Збагнути — уразумѣть, понять.
Збачити — извинить.
Збитий — избитый.
Збіжка, збоже — движимое имущество: зерновой хлѣбъ, домашняя рухлядь и др.
Збіліти — поблѣднѣть.
Збороняти — мѣшать, препятствовать.
Збути, -сь — лишиться, потерять.
Зважтись — отважиться, рѣшиться.
Звертати — поворачивать; сворачивать.
Звестись — подняться, встать (съ мѣста).
Звикнути — привыкнуть.
Звичайенько (уменьш.) — прилично, мило.
Звітки — откуда.
Зволитись — захотѣть, согласиться.
Згадувати — вспоминать.
(Згарний) Незгарний — неспособный.
Зглянутись — умилюстивиться.
Згордувати — пренебречь.
Згорнути — сложать, прижать.
Згукнуть — вскрикнуть, воскликнуть.
Здивоватись — изумиться, удивиться.
(Здійметця) здіійнатись, знятись — подняться, взлетѣть.
(Здолавъ) здолати, здолати — быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
Здоровий — большущій; здоровоый.
Здорово — крѣико, много; здорово.
Землянинъ — постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
Зирнути — зиркнути — взглянуть.
Зіллина — былинка.
Зілля — растенія.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
 Зітхнути — вздохнуть.
 Злишиёго — слышкомъ.
 Злодій — воръ.
 Злущити—соскоблить, счистить.
 Змагатиcь — спорить, мѣряться,
 не смалчивать.
 Змалювати — нарисовать красками.
 Змарніти — переѣматься къ худ-
 шему (о наружности), исхудать.
 Зміркуватиcь — столкаться.
 Знатниця — знахарка.
 Зневага — неуваженіе, униженіе.
 Зневажати — унижать, лишать ува-
 женія.
 Знемадька — внезапно, печально.
 Зозуля, аузуля — кукушка.
 Зорі — звѣзды (небесныя).
 Зостріти — встрѣтить.
 Зотривати — обождать, повременить.
 Зрадити — измѣнить.
 Зрадити — обрадоваться.
 Зробити — сдѣлать.
 Зрушити — тронуть, взволновать.
 Зупинятись — останавливаться.
 Зуспіти — встрѣтить, завидѣть.
 Зъ-боку — со стороны, съскока.
 Зъ-гори — сверху, поверхъ,
 Зъорати — вспахать.

Изновъ — снова.

Иногда — иногда.

(Иимѣтца), пѣтись—браться, итти.
 (Иимся) пѣтись — стремиться,
 желать, браться.

Имовірний — довѣрчивый; достой-
 ный вѣры.

Кадука — нечистая сила.

Кать—палацъ, учитель.

Кайдани—кандалы; цѣпи.

Каченя—утѣнокъ.

Кватірочка—офточка въ окнѣ.

Кванитись—дѣститься, завлскать—
 ся, бросаться на что.

Квіліти—стонать, жаловаться. голо-
 сить; пищать.

Кволий—слабѣе.

Кий—палка.

Кильки—сколько, пѣсколько.

Кіспики—узенькія ленточки, въ нѣ-
 которыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже
 сурочки, по большей части красныя—
 влетаются дѣвушками въ косы.

Клѣпя — рига.

Ковалокъ—кусокъ.

Коваль—кузнецъ.

Кожушанка—крытый женскій ту-
 лупчикъ.

Кѣтись—совершаться (о дурномъ).

Колы—когда; если.

Колы-бъ—если-бъ, когда-бы.

Колышійи—бышійи нѣкогда.

Колотити—мутить.

Кѣмни—труба.

Кѣмрѣецъ—воротничекъ.

Кѣнания—издыханіе.

Кѣнче — необходимо, непременно;
 окончательно.

Кѣпа—30 копѣекъ асс.; въ исчисленіи
 другихъ предметовъ—60.

Кѣпця—кошпа.

Кѣрѣць—ковшъ.

Кѣрність—польза, выгода, приобрѣ-
 теніе.

Кѣрміга—ярмо, иго.

Кѣротѣсенька — коротенькая; низ-
 каго роста (о женщ.).

Кѣрїтись—покоряться.

Кѣрїти—манить; кѣрїть — под-
 мываетъ (безлично).

Кѣрїкъ—ковшъ.

Кѣстірь—токарь.

Кѣшлатїи — косматый, всклоко-
 ченный, растрѣпанный.

Кѣштъ—издвженіе; издержки; сто-
 имость.

Кѣшавїи—костлявый.

Кравецъ—портной.

Крѣлечка, крѣла—королева; крас-
 ная дѣвица.

Крѣмарка — купчиха, торгующая
 краснымъ товаромъ.

Крѣпїстїи—съ крапивками, пест-
 рый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).

Крѣпїти—рѣзать.

Крѣще—лучше.

Крѣйдїи—мѣловой.

Крѣмезїи—крѣпкій, неуступчивый.

Крїида—неправда.

Крїиця—колодезь безъ сруба.

Крїи човпна—водный ключъ.

Крїити—сохранять, прятать.

Крїитись—скрывать, скрываться.

Крѣкъ—шагъ.

Кругловїидїи—круглолицый.

Кульбака—сѣдло.

Купа—бугоръ, куча.

Курява—дорожная пыль.

Кутѣкъ—уголокъ.

Кущати (Клнм. и на Подолїи)—про-
 бовать.

Кушїиръ—скорякъ, мѣшовщикъ.

Кущатлѣ—видъ, образъ, способъ;
 изображеніе, украшеніе.

Лагодити—чинить, почиать.

Лагодитись — собираться (въ до-
 рогу).

Ладїиця—патронташъ.

Ладѣтъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.

Ладїати—прикладывать, готовить.

.Ладъ—порядокъ, образъ, способъ, ладъ, согласіе.

.Ланъ—большая нива.

.Ласо—лакомо; ласоци—лакомства.

.Левада—земля около усадьбы, окопная ровомъ, въ родѣ конопляника.

.Лѣдві—едва.

.Лѣжень—лежебокъ, лёга.

.Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.

.Лемішь — плужникъ, рѣзакъ въ плугъ.

.Лѣстний—лѣстивый.

.Лѣхъ—погребъ.

.Либонъ — пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.

.Листъ—письмо.

.Лихій—плохой; злой.

.Лмшити—оставить.

.Ліхтаръ—подсвѣчникъ; ліхтаря — фонарь.

.Лічба—счесть.

.Лічозіръ—звѣздочеть.

.Локшина, локша—лапша.

.Лощити—блестѣть, лосниться.

.Лукá—поёмный лугъ.

.Луснути—треснуть; скоропостижно умереть.

.Лучáтись—случаться.

.Любівий—любимый.

.Люблєний—любимый.

.Лягáти—ложиться.

.Лякáти—пугать.

Мáбѣти, мабу́ти—видно, вѣроятно, можетъ-быть, должно быть.

Майдáнь—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.

Мана́—призракъ, обольщеніе, обманъ.

Манѣтця—тянеть.

Манове́ць—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.

Ману́тись—хотѣть.

Марá—привидѣніе, страшлище.

Мáючи звѣчай—соблюдая приличіе.

Мерѣжани́—вышитый ажурно, расписанный въ кѣтки.

Мѣрний—помершій.

Метѣликъ—жотылекъ.

Меткій—живой, подвижной, ловкій.

Метчій—скорѣй.

Міркипу́ть—воркочутъ, болтаютъ себя подъ носъ, сказать невнятно.

Мислѣвецъ—гордецъ; охотникъ.

Мислѣвий—самоувѣренный, высокомерный; выдумщикъ, затѣйникъ.

Міттю—вдругъ, скоро.

Мізерний—жалкій.

Міркува́ти—судить, обсуждать, расчитывать, рассуждать.

Місто—гѣродь.

Місто—словно, точно.

Місто-бъ—будто-бы.

Місце—мѣсто.

Міцнѣнко—крѣпкочко.

Міцний—крѣпкій, сильный.

Мова—рѣчь, языкъ.

Мовля́въ; мовля́ла—молъ, сказывалъ, сказывала.

Мовъ—точно, будто.

Могі́ла—курганъ.

Молода́—невъста.

Молоді́—женихъ и невя́ста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.

Морлова́ти—мучить.

Моторній—ловкій, видный, обходительный.

Мру́кати—мурлыкать.

Мудро—замысловато.

Музыка—музикантъ.

Мурова́ти—строить каменное зданіе.

Мурий—пестро-сѣрый, переливчатый.

Набли́жуватись — приближаться, подходить.

Навѣшки (нарѣчіе)—высотой.

Навѣсть—(Клини.) навѣтъ; клевета.

Навѣдати—навѣстить.

Навѣсний—сухазобродный.

Навѣть—даже.

Навкруги—вокругъ.

На-впе́рѣйми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.

На-вспра́жне, жик—серьезно.

Нага́дувати—напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.

Нагана́—осужденіе, пострашеніе.

Нагало—внезапно.

Надво́ри—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.

Надійсь—чай, вѣроятно.

Надія—надежда.

Надто—слишкомъ; особенно.

Нажитъця, тись — насладиться жизнью; долго прожить.

На-зау́міру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.

Наздогна́ти—догнать, настичь.

Назира́ти — ухаживать, присматривать.

Назирце́мъ—въ наглядку.

Назімо́къ—годовалый бычокъ.

Найжитъ—напаятой работникъ.

Накле́п—обвиненіе; клевета.

Налякáтись—напугаться.

Намалюва́ти—парисовать.

Намену́ти—намекнуть.

Намену́тись—стать говорить, открыть ротъ.

Намісто—монисто; ожерелье.

Напакува́ти—наложить, набить, навьючить.
Напе́вно—навѣрняка.
Наприклада́ (Клим.)—напримѣръ.
Напутити́—наставить.
Парекóваннй, названнй,—паречесый.
Пасити́—насыщеніе, удовлетвореніе.
Паси́на—сѣмлячки, сѣмена.
Пасу́нути—надвинуть.
Патови́—натискъ.
Патра́вка— полка въ ружьѣ.
Па-умі́ръ— до смерти, въ конецъ, краіне.
Наха́ба—напасть.
На-чеку́—на сторожѣ.
Наче́—будто.
На-швидку́—на-скоро.
Небѣзчикъ—покойникъ.
Неборáкъ—бѣдлага.
Негаву́чий—неустанный, неутомимый.
Нега́дки—нипочемъ, безразлично, равнодушно.
Нега́йно—немедленно.
Нега́рно—пеладно.
Него́да—непогода.
Него́дникъ—педостойный.
Недба́лий—беззаботный, вестарательный, равнодушный.
Недба́ло—пѣхотя.
Недѣ́льный—воскресный.
Недору́дъ—неурожай.
Недугу́вати—хворать.
Недужнй—больной.
Незвѣ́чайнй—незвѣжливый, непристойный.
Нездви́женнй—непоколебимый.
Нездужа́ти—быть больнымъ.
Незна́рошис—нехотя, ненарочно.
Нема́ } ить.
Непáче—какъ будто, точно вотъ.
Необору́й—неодолимый.
Неодмо́внй—неотказывающійся, неотговаривающійся.
Ненапо́лоханнй—пезапуганный.
Непѣ́внй—сомнительный, опасный.
Непобѣ́дко—твердо, пезыблемо.
Непомѣ́лешнй—безошибочный.
Непорóкъ—дурные слухи о комъ.
Непутя́щнй—несоисовательный, безпутный.
Перухóмо, **непорухóмо**—неподвижно.
Неситство (Клим.)—непасытность.
Нескажй́—точно, будто-бы.
Несоодѣ́ваннй—неожиданный.
Нестáтки—недостатокъ, бѣдность.
Нехáй—нусть,
Нехáй-но—пусть-ка.

Нечутно́—неслышно.
Нинáче—см. Непáче.
Нйшкомъ—потихоньку, тайно.
Нйби
Нйби-то } будто бы.
Нй въ-свѣтѣ—никогда.
Нйжъ—нежели.
Нйколи—некогда.
Нйколи-никогда.
Нйчѣмнй—ничтожный.
Нйяково́—целовко, неприятно.
Нудитисъ—скучать, мучиться.
Обвѣ́ститисъ—повѣстисъ.
Обдурю́вати—обманывать.
Обй́ма—объятія.
Обйру́чки—въ охапку, съ силой.
Обйвнйца́—объщаніе.
Обйцáнка—объщаніе, обътъ.
Обйцáти—объщать.
Обличче́—лицо, образъ.
Обмрку́ватисъ—осмотрѣтисъ, разсудитъ.
Обоцѣ́лно—взаимно.
Образй́тисъ—обидѣтисъ, разсердиться.
Обсвѣ́дитисъ—ознакомитисъ, освоятисъ.
Обспáтисъ (слѣзами)—облѣтисъ; осыпáтисъ.
Обудй́тисъ—проснутисъ.
Обхопй́ти—обхватитъ.
Огряднй—полный, объемистый.
Одвѣ́дати—посѣтитъ.
Оджа́лувати—пожертвовать.
Оджартóвати—отшучиватисъ.
Одб́рати—получитъ.
Одка́зати—отвѣчать.
Одка́зь—отвѣтъ.
Одкóли—съ какихъ поръ.
Одмагáтисъ—отговариватисъ.
Одмй́нитисъ—перемѣнитисъ; одмй́нило—перемѣнилось; одмй́ннти—перемѣнитъ.
Одмо́вити—отвѣчать, отказать.
Одрáзу—сразу.
Одружй́тисъ—вступить въ супружество.
Óдсторонь—въ сторонѣ, къ сторонѣ.
Одтй́нати—отсѣкать.
Одужа́ти—выздорóвѣтъ.
Одягнй́тисъ—одѣтисъ.
Одягнй́—разряженный, разодѣтый.
Одцу́ратисъ—отрѣчься.
Одшукáти—найти.
Озырнй́тисъ—оглянутисъ.
Окса́мйтъ—бархатъ.
Олй́нникъ—производитель постнаго масла.
Ома́на—обольщеніе, обманъ.

Опалъ—запальчивость.
Опівднѣ—въ полдень.
Опізнитись—опоздать.
Опоживляти—придавать новымъ силамъ, оживлять.
Опоблистити—полный, широкий.
Опоряджати—устроить.
Освіта—просвѣщеніе.
Остити—наскучать, оностылять.
Ось—вогъ.
Отгожати—отлучаться.
Оттої—вопъ тамъ.
Отрѣтъ—тростникъ, камышь.
Очіпокъ—головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очутитись—очнуться.
(Очү) очи, въ очү—глаза, въ глазахъ (двойственное число).
Ошуканецъ—обманщикъ.
Ошукатись (Клим.)—обмануться; быть обманутымъ.
Палити—жечь, стрелять.
Палкий—пылкій, вспыльчивый.
Палубчастий візь—крытый возъ.
Панна—барышня.
Паніматка—мать (почтительно), госпожа; попадѣль.
Папірня—писчебумажная фабрика.
Паробокъ—парень.
Пасіка—пчельникъ.
Патриця—монашескій посохъ.
Піхощі—благоуханіе, аромать.
Піша—пастбище; подвожный и зинкій кормъ скота.
Пашнѣ—зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
Певенъ—надѣженъ, увѣренъ.
Певно—вѣрно, навѣрно.
Пекельний—адскій.
Пекло—адъ.
Перво—прежде.
Переглѣжувати—переглядывать, осматривать.
Перегодомъ—спустя нѣсколько времени.
Перейматись—недоставать, хватать, прерываться.
Переймомъ—съ перерывами.
Переказати—передать на словахъ.
Перелічити—сосчитать, исчислить.
Перелякати—испугаться, перепугаться.
Перемагати—осливать, превозмогать.
Перескокомъ—скачками, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.

Перетривати—перенести, вынести, вытерпѣть.
Перехопити—прервать, перебить рѣчь, подхватить.
Перечүти—прослышать, заслышать.
Перше—прежде.
Пикатий—широкоплечій, толсторожій.
Пиліпъ—Филиппъ.
Пильно—пристально.
Питання—вопросъ.
Питима—родимая, кормилица.
Пиха—гордость, чванство.
Підвестись—встать, привстать, приподняться.
Підпалъ—затапливаніе, поджогъ.
Підданка—крѣпостная крестьянка.
Піддашше—крыша надъ крыльцомъ.
Підживитись—подкрѣпить силы.
Пійма—весенній разливъ рѣкъ.
Піклуватий—заботливый, попечительный.
Письменный—грамотный.
Письмо—грамота, грамотность, писаніе.
Письмо—святе—священное писаніе.
Піахта—женскій парадъ, шерстяной, пестрый, кафтаный, соответствующій юбка.
Плохий—смирный.
По (дівчати)—за (дѣвушками).
Побачити—увидѣть.
Побідашъ (Клим.)—бѣдовикъ, бѣднякъ.
Побіденний—горемычный.
Побиванне—забота, печаль.
Поблагати—попросить, умолять (совершен. видъ).
Побожно—благочестиво.
Побратись—вступить въ супружество; отправиться въ путь, въ опредѣленное мѣсто.
Побужати—будить.
Повага—вѣсъ, уваженіе.
Поважний—почтенный; важный.
Повернутись—воротиться.
Повинувачений—обвиненный.
Повинно—должно.
Повідати (Клим.)—сказывать.
Повіть—навѣкъ.
Повістка—повѣсть, рассказъ.
Повіть—увѣдъ.
Повкупі—совмѣстно, кучею.
Поводитись—вести себя, держаться.
Погадати—подумать, позаботиться.
Поганський (Клим.)—языческій; мнотвѣрный.
Погань—мерзость, дряль.

Поглузовати — посягаться, поглу-
миться; задѣваться. (соверш. видъ).

Погодитись — согласиться, усло-
виться, сойтись.

Погоржати (Клим.) — пренебрегать.

Погубити — растерять.

Подивовати — подивиться.

Подивити — удивиться (исодобри-
тельно).

Подія — поступокъ; продѣлка; порча
(о кола.)

Подоба, подобний — красота, кра-
сивый; хорошій.

Подобно (Клим.) — кажется; какъ-
видно.

Подяка — благодарность.

Подякувати — поблагодарить.

Пожадатись — пожелаться.

Пожалкувати — пожалѣть кого; по-
жаловаться на кого.

Пожартувати — пошутить.

Пожитѣний (Клим.) — выгодный.

Пожитокъ — польза.

По-завтрѣму — послѣ-завтра, на
третій день.

Позавчѣра — третьяго-дня.

Позачинювати — позатворять.

Позгадувати — припомнить (о мн.).

Позирати — посматривать.

Позичити — занять, одолжиться.

Покартати — побранить.

Показати — положить; рѣшить.

Покохати — полюбить.

Покращати — похорошѣть.

Покѣса — искушеніе.

Покѣта — эпителия; покаяніе.

Покѣтне вікно — окно близъ обра-
знаго угла.

Полагодити — подчинить; исправить.

Полиця, — шапелокъ, принадлежность
пруга; полка въ хатѣ.

Пологи — низменные степныя мѣста.

Полохатись — пугаться, полошиться.

Полумисокъ — неглубокая миска;
блюдо.

Поміркувати — поразсудить, похло-
потать.

Помірно — умѣренно.

Помовкнути — умокнутъ (о мно-
гихъ).

Помоститись — постлаться.

Помста (Кл.) — мщеніе.

Попевірятись — нести на себѣ все-
общее презрѣніе.

Попочі — въ потьмахъ, безъ свѣта.

Попурий — угрюмый, мрачный.

Поняти — взять.

Попереду — впереди, напередъ, спер-
ва.

Понилънувати — постоять за что,
поберечь что хорошенько.

Понитати — спросить.

Попіклуватись — похлопотать, по-
болѣть.

Попіль — пепель.

Попліч — рядомъ, плечо съ плечо-
мъ.

Пополошитись — струхнуть, рас-
теряться.

Поражати (Клим.) — совѣтовать.

Порáда — совѣтъ, утѣшеніе.

Порáдниця — совѣтчица.

Порáза — рана.

Поратись — убирать, готовить, стря-
пать.

Порікувати — роптать.

Порохъ — пыль.

Порошипка — пылинка.

Посваритись — посориться; погро-
зить.

Поспѣти — успѣть (о многихъ).

Поспитати — спросить.

Поспѣльство (Клим.) — простой на-
родъ.

Постать — видъ, фигура.

Постерегатись (Клим.) — беречься,
думать о будущемъ.

Постерегти — заприѣтитъ, во-вре-
мя догадаться.

Постолі — кожаныя лапти.

Пѣсторонь — поодавь.

Посумовати — потосковать.

Пѣтайно — тайно.

На-потáлу (потáла) — добыча, ис-
требленіе.

Потамъ, — (опечатка) тамъ.

Потáнуги — растаять.

Потілиця — затылокъ.

Потичка (Кл.) — стычка, сраженіе.

Потороча — разбитная; встрѣпанная.

Потрава — кушавье.

Потрѣвка — соусъ.

Потрѣвати — погодить, повременить.

По-троху — понемногу.

Потурати — поблажать, мирволить;
спускать кому.

Пѣчасти — отчасти.

Почѣти — услышать.

Похіпливий — прыкій; охочій.

Похитати — покачать.

Поховати — похоронить; припри-
тать.

Походити — имѣть сходство; проис-
ходить.

Пошивки — наволочки.

Пошкандибать — поковылять, за-
костылять (о старческой походкѣ).

Пошастализо — посчастливилось.

Правити — требовать; отправлять
(богослуженіе); толковать свое.

Правдити — оправдываться, сбы-
ваться.

Іражній—напрасный, пустой.
Пригода—несчастье; печальное событие.
Пригадати—припомнить.
Пригорні́тися—приласкаться, прижаться, прильнуть.
Придивля́тися—присматриваться.
Придо́ба—удобство.
Призба, прісьпа—забавка.
Приладий—подпало.
Прихати—прихотничать.
Припа́дати—приходиться (къ чему).
Припні́тися—прістановитися.
Приплюшовати очи — жмурить глаза.
Приручіти—поручить.
Присербитися—поддѣлаться, подлизаться.
Присилувати—принудить.
Присікатися — привязаться, лѣзти кому въ глаза.
Притічина—препятствие, задержка.
Притулитися—приклониться, приласкаться, прижаться.
Прихильний—предашный.
Прізра—подозрѣніе.
Пробу! — междометіе, выражающее опасность, неудержимость и т. п.
Провідити—вести.
Прозорій—прозрачный.
Прокі́нутися—пробудиться.
Промант́ачитися—промотаться.
Променістий—лучезарный.
Промінь—лучь.
Промовити—сказать, заговорить.
Просвітчастий—прозрачный.
Просто—прямо.
Прохати—просить.
Прочане—богомольцы; путешественники.
Прочі́дрити — промотать, спустить.
Прочу́ти—провѣдать, прослышать.
Прудкій—быстрый, прыткий.
Псувати—портить.
Птахъ—большая птица.
Птаство—птицы.
Пу́ща—лѣсная чаща.
Ра́да—совѣтъ; вѣче; помощь.
Радити—совѣтовать.
Радити—радоваться.
Разокъ—борозда; слѣд, черта.
Разъ-у-разъ, разъ нó разъ—безпрестанно, то и дѣло.
Рано—рано; утро.
Ранокъ—утро.
Ра́та (Кл.)—рента.
Ря́ти—совѣтовать.
Репетова́ти—кричать.
Реченець (Клим.)—срокъ.

Робачо́къ—червячок
Розважити—развлечь, развеселить, утѣшить.
Розмова—бесѣда, разговоръ.
Ряба́лка—рыбакъ.
Римарь, лимарь—шорникъ.
Річи, рѣчи—рѣчи; вещи; дѣла.
Розмовитися—разговориться.
Розславити—разнести, рассказать.
Розстелений—разосланный.
Ро́ки, рікъ—годы, годъ.
Роспорóшити — распусить; распусить.
Роспитувати—распрашивать.
Руба́ги—рубить, сѣчь, колоть.
Руйновіти—разрушать.
Руїни—развалины.
Рундо́чокъ—крылечко со ступеньками.
Рута—растение (ruta graveolens).
Ручниця,—шниця—ружье.
Рясний—густой, обильный плодами (о деревѣ), сильный.
Рятоватися—спасаться.

Сае́тъ—атласъ.
Самота—уединеніе.
Самотний—одинокій.
Самісінький—самый (превосходная степень при уменьшительной формѣ).
Сварка—ссора.
Світа—мужская и женская одежда, родъ полукафтаня.
Свідокъ—свидѣтель.
Світання—разсвѣтъ.
Світлиця—свѣтлица, комната безъ кухонной печи.
Світло—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
Своеумка—самогурка.
Свято—праздникъ.
Се—это; теперь, вотъ.
Селідьба—усадьба.
Сивній—сѣдой; сивенькій—сѣденькій.
Ситити медь—варить медь.
Сіножа́ти—сѣнокосъ.
Скарати—наказать; казнить.
Ски́ба—ломоть.
Скі́нути (очима)—обозрѣть.
Ски́патися—вскипать (гнѣвомъ).
Скло—стекло.
Скоштува́ти — попробовать, отведать.
Скрéсти — треснуть (о весеннемъ льдѣ), тронуться.
Скри́пя—сундукъ.
Скрі́зь—вездѣ, повсюду.
Слабі́жати—ослабѣвать.
Сла́вити—толковать, рассказывать.
Сливні—почти.

Слухливо—послушно.
 Слушний—надлежащий, полный.
 Слушно (Клим.) — прилично, слы-
 дуеть.
 Смѣливый—смѣлый.
 Смиття—сорь.
 Смутный—грустный, печальный.
 Смѣтокъ—грусть, печаль, горе.
 Смѣтовати } грустить, горевать.
 Смѣтовати }
 Смиданя—завтракъ.
 Сницарь—колесникъ, каретникъ.
 Сотниківна—дочь сотника.
 Сѳящій—солнечный.
 Спадокъ—наслѣдство.
 Спахнути—вспыхнуть.
 Списати—срисовать.
 Списъ—лошье.
 Спитати—спросить.
 Спільность—общевіе.
 Сповнѣчокъ—пеленки.
 Сподівання—надежда, ожиданіе.
 Споживокъ—употребленіе (въ пи-
 шу).
 Спогомъ—вмѣсть, съ-обща.
 Спочувати—заслышать (неоконч.
 влѣ), раздѣлять сердцемъ, пережи-
 вать.
 Справдитись—исполниться.
 Справді — въ заправду, въ самогъ
 дѣль.
 Справувати (Кл.) — дѣлать, испол-
 нять.
 Спрáжній—серьезный, нешуточный.
 Ставати—становиться, происходить,
 совершаться.
 Ставний—статный, стройный.
 Стáроста—сватъ.
 Стáтокъ (Клим.) — твердое положе-
 ніе въ свѣтъ; скоть (преимущественно
 лошади).
 Стѣжечка—тропинка.
 Стѣжка—застѣжка.
 Стерегтись—беречься, остерегать-
 ся.
 Стидкий — безстыжий, постыдный.
 Стáнный—путешественникъ, стран-
 никъ.
 Стáва — приготовленное, варенное
 или жареное, кушанье.
 Страхатись—пугаться.
 Стрѣбати—скакать, прыгать.
 (Стрѣла) Стрѣнути—встрѣтить.
 Стрѣха — павѣсь соломенной крыши.
 Стрѣчка—лента, влетающая въ вся-
 щую косу и распущенная съ косы.
 Струмѣчокъ—струя, ручеекъ.
 Стяга—полоса.
 Суворá—торжественный тонъ, вну-
 шенія, суровая рѣчь.
 Сукні—платье (женское).

Сумно—уныло; страшно.
 Сумовання—уныніе, тоска.
 Сумовати—тосковать, унывать.
 Сумъ—уныніе, тоска, страхъ.
 Супиці—земляника лѣсная.
 Суперѣчки—побранки, перебранки.
 Суржикъ — смѣшанный зерновой
 хлѣбъ, когда къ засыву новаго хлѣба
 поднимется прошлогодишній.
 Схамеѣтись—опаматоваться.
 Схизитись—наклониться.
 Схизчивий—сговорчивый.
 Схпнути—сохпнуть.
 Счервонити—покраспѣть.
 Счипитись—прозойти, сдѣлаться.
 Сѣти—сѣть.

Та-ба — поди же! по увы!
 Такъ сáмо, такъ сáме—такъ точно.
 Тѣсла — плотникъ.
 (Тѣжня) Тѣжень — недѣля.
 Тивѣтя — случится (безлично).
 Тивъ — плетень, заборъ.
 Тинятись — слоняться.
 Тивути — рѣзать; пить; пѣть.
 Товариство — товарищество, об-
 щество.
 Товаръ — скоть; товаръ.
 Точитись — едва тауаться (о раз-
 говорѣ).
 Трѣба — надо.
 Тривáльный — прочный (Кл.).
 Тривати — ожидать, терпѣть.
 Тримати — держать.
 Трипотати — трепетать.
 Трѣхи — цемного; трѣшки — не-
 множокъ.
 Трунокъ — питье, напитокъ.
 Турбовати — беспокоить.
 Тутѣшний — здѣшний.
 Тхпнути —дохпнуть.
 Тютюнь — табакъ (курительный).
 Тѣмтити — разумѣть; помпять.

Убийникъ — убійца.
 Убранце — платье.
 Убратись — одѣться.
 Угледити — увидѣть.
 У-гору — вверхъ.
 Удатний — способный, даровитый.
 У-двійзі, двійга — въ-двоемъ,
 двое.
 Уживати — имѣть въ употребленіи.
 Удливий—докучливый, несиосный,
 неотвязный, мучительный.
 Укривжати (Кл.) — обижать, обма-
 цывать.
 У-купі — вмѣсть.
 Упатливый — внимательный.
 Унесвати — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
 Ура́женный — раздраженный.
 (Усе́ма) увесь, весь — весь; при
 полной формѣ, еще существующей у
 насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
 Уста́ти — встать.
 Утішка — удовольствіе, увеселеніе;
 шутка.
 Уто́ма — усталость, утомленіе.
 У-тропи́ — по слѣду, по слѣдамъ.
 У-трико́нъ — тройкой.
 Учи́нѣти — сдѣлать; заквасить
 (тѣсто).
 Ущипли́вый — колѣитъ.

Фі́ля — волна́.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
 Хапкі́й — живой, быстрый; жад-
 ный, vorоватый.
 Хапу́га — стяжатель, грабитель,
 взяточникъ.
 Хвиле́вати — бѣжать волнами.
 струться.
 Хвили́почка — минутка, мгновеніе.
 Хви́ля — волна; минута.
 Хибá — развѣ.
 Хибкі́й — гибкій, тонкій, ловкій.
 Хилі́ти — клонить
 Химе́ра — мечта; вздоръ.
 Химе́рно — фантастически, странно;
 неосновательно.
 Хистъ — способность, дарованіе,
 умъ, расторопность, находчивость.
 Хита́ти — качать.
 Хліборобъ — земледѣлецъ.
 Хма́ра — туча, облако.
 Хмизъ — сухоподстой.
 Хму́рий — сумрачный.
 Хова́ти — прятать; хоронить.
 Хо́да — походка; походъ.
 Холодо́къ — тѣнь.
 Хорба́къ (Клим.) — презрительный,
 худородный.
 Хорі́ти — болѣть, быть больнымъ.
 Хрущъ — жукъ (весенній, летающій
 преимущественно около деревьевъ).
 Хті́ти (Клим. и въ Подольскомъ на-
 рѣчій) — хотѣть.
 Худба́ — имущество, добръ; скоть.
 Хуртовина — вьюга.
 Ху́сти — бѣлье.
 Ху́стка — платокъ.
 Ху́тко — скоро; хутенько, хут-
 чій — скорѣй.

Цу́коръ, су́куръ — сахаръ.
 Цви́ченій (Клим.) — воспитанный;
 проученный, битый (несчастный слѣдъ
 езуитскаго воспитанія).

Цвяхъ — гвоздь.
 Це́беръ — кадка.
 Це́гельникъ — кирпичникъ.
 Ци́кавий — любопытный; слишкомъ:
 быстрый, нескромный.
 Ци́пувати — опѣивать.
 Ци́покъ — палка.
 Ча́сомъ — иногда.
 Частова́ти — угощать.
 Ча́сь — время; часть.
 Чва́ли́вий — самовольный, чван-
 ный.
 Че́лядь — сельская молодежь въ сход-
 кахъ для увеселеній; прислуга. Для от-
 личія, въ одной пѣснѣ челядь въ пер-
 вомъ значеніи названа білою.
 (Тени́) черне́ць — монахъ, чернецъ.
 Чери́цтво — монашество.
 Чепу́рий — щеголеватый, мзаш-
 ный.
 Черво́ний — красный.
 Черви́къ — башмакъ.
 Череда́ — стадо изъ смѣшаннаго
 скота.
 Чересло́ — бороздникъ (принадлеж-
 ность плуга).
 Чи́ — ли (вопрос. частица, ставимая
 вперед).
 Чи́ здужа — здорова-ли.
 Чий — чей.
 Чима́лий — довольно большой.
 Чима́ло — не мало, довольно.
 Чини́ти — дѣлать.
 Чоло́ — лобъ, чело.
 Чорни́ця — монахня.
 Чохла — широкіе концы рукавовъ
 въ сорочкѣ.
 Чудо́ — странно, смѣшно, удиви-
 тельно, чудно.
 Чудо́вий — чудотворный.
 Чудо́вий — чудесный, превосходный.
 Чу́мний — сознательный, чуткій.
 Чу́тка — слухъ.
 Чу́ти — слышать; чувствовать.
 Чу́тверіти — изживаться, пропадать,
 сбиваться въ комки.

Ша́мкі́й — ловкій, поворотливый.
 Ша́пувати — уважать; угощать.
 Ша́нува́тись — сохранять свое до-
 стоинство, чувствовать дары Божьи,
 знать честь.
 Шаповáль — шапочникъ (производи-
 тель шерстяныхъ шапокъ).
 Шата́нський (Клим.) — сатанинскій.
 Шва́чка, шва́ля — портниха.
 Шве́ць — сапожникъ.
 Шви́дко — скоро.
 Ше́вський — сапожническій, сапож-
 ный.

Шибеница—висѣлица.
Шкапа—кляча.
Шкодѣти—вредѣти.
Шкуратѣпий—кожаный.
Шляхъ—дорога.
Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
Шмаровати (Клим.)—мазать; бить.
Шматокъ—кусокъ.
Шпилѣчокъ—возвышенность надъ долиной или равниной.
Шпиль—вершина.
Шукати—искать.
Шулика—коршунъ.
Шурхнутъ—зашелестѣть.

Щасница—счастливецъ.
Щастить—посылать счастье, давать счастье.

Щирый—искренній, вѣрный.
Щиро—усердно; вѣрно.
Щирость—преданность, вѣрность; искренность.
Щось—что-то; чуть-чуть, немного, нѣсколько.

Юпчина—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.

Юрма—толпа.

Якого—сколько! какъ много!

Ясиб—ясная погода.

Ясокиръ—осокоръ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>На стран.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>	
1	13	снизу	спрѹ	спіру
9	10—11	сверху	улюбленá.	улюблена.
10	19	—	своего дочкою.	своею дочкою.
11	1	снизу	потáнувъ спігъ изъ	потáну въ спігъ, изъ
12	17	—	плескае....	плéскае....
12	14	—	пологіи	пологи
12	8	—	закáзано!	завъязано!
13	6	сверху	вѣчи	вѣчи
14	13	—	дѣ	да
14	14	—	иѣ	ей
15	13	—	швѣдку	швѣдку
15	16	—	мисливцівъ	мисливцівъ
15	18	снизу	стоючіи	стоючи
15	18	—	вѣчи	вѣчи
16	14	сверху	побáчишь	побáчишь
16	14	снизу	саме	самѣ
17	9	сверху	бучнѣ	бўчне
18	6	—	говѣркий?	говѣркий.
18	9—10	—	десяти	дѣсять
20	4	—	не мовъ	немовъ
20	9	—	мѣвчишь	мѣвчишь
20	13	—	опенѣлася	опинѣлася
21	6	—	дзвѣнами!	дзвѣнами!
22	13—14	—	людѣмъ	людямъ
22	6	снизу	вѣжѣ!...	вже!..
23	6	сверху	потамъ	тамъ
23	16	—	мѣне.	менѣ.
24	14	—	наброило	набрѣило
27	2	—	Сегодні	Сегодни
27	7	—	тоді	тоди
27	18	снизу	Катрѣ	Катря
27	17	—	Его	Его
27	17	—	улицею	ўлицею
28	2	сверху	годі	годи
28	19	снизу	ворітьми	ворітьми
29	17	сверху	якомѹ	якому
29	19	—	господарство	господарство.
29	17	снизу	прійме	прійме
33	7	сверху	просто́ро	прѣоро
36	7	—	визна́лась	визналась
36	24	—	Голубѣ	Голубе
36	2	снизу	гуля́иис	гуляиис
37	14	—	слѣзьми	слѣзьми
38	7	сверху	було	були
38	16	снизу	«тамъ такі білі хмари	«таки білі хмари

39	26 —	у трійзі	у трійзі
39	28 —	шіе	шіе
40	7 —	За що	За що
40	12 —	кажү	кажү.»
40	8 сверху	обіймае	обіймае
41	1 снизу	журюся...	журюся... И почина
			впять такé саме и впять.
			Звісно вже, якъ дівчата
			любощі переказують....
42	8 сверху	тоді	тоді
44	7 —	світове	світове
46	4 снизу	тяжк-	тяжко
47	8 сверху	впійомъ	вапномъ
47	6 —	Иваненка: якъ	Иваненка... Якъ
47	21 —	а продасть	а продажъ
48	18 —	На шо	Нашо
48	21 —	у хату, увійшла	у хату увійшла
48	29 —	не слухала... усé	не слухала... Усé
50	15 —	Вже якъ мині и зане-	Вже якъ мині и за
		вістку	невістку
51	3 снизу	думай	думай
54	6 —	нешаслива!	нешаслива!
55	1 —	дослухається, яка	дослухається — яка;
		хто, журитця,	хто журитця,
56	8 сверху	холодовата	холодовата
56	10 снизу	Перехопила	Перехопила
57	5 —	дармо, було, озива-	дармо було озивати-
		тися	ся
59	13 —	говорю	говорю
58	17 —	схаменись	схаменись
63	13 —	іде	іде
63	8 —	мае	мае
63	10 сверху	озивається	озивається
63	13 снизу	сивіе;	сивіе;
74	1 —	підхожу горобу	підхожу відъ горобу
80	7 —	усіхъ	усіхъ
82	3 —	менé мовляла.	менé мовляла
107	7 —	жонкі	жонки

Въ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ, на стран. 2, строка 1 снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вмѣсто словъ: и желала бы напечатано нелажа бы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ
КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМИРА И
ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулишъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка, въ переводѣ Н. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. П. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большхъ тома. Сиб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. М. 1842 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 тома. Сиб. 1842 г. Ц. 7 руб., съ пер. 9 р.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Пресвященнаго Георгія Конисскаго. М. 1846 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранные чрезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 г. М. 1847 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859 г. Ц. 25 коп., съ пер. 50 коп.

Дневныя Записки Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. М. 1859 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Архивъ Югозападной Россіи. Томъ I—II. К. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Гадячскаго Полковника Григорія Грабянки. К. 1853 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуэль Веллчко. 3 большхъ тома. К. 1848—1853 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Памятники, изданные временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 4 большхъ тома со множествомъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Кіевъ. 1846—1859 г. Ц. 12 р., съ пер. 16 руб.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. 3 томъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Жизнь Князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынн. 2 большхъ тома. К. 1849 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіанахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Каяловича. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Записки Преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Римскою Церковью. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Чинъ Православнаго Литовскаго братства. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 коп.

Справа братства церковнаго виленскаго предъ судомъ трибунальнымъ. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго. Перев. съ польскаго. М. 1847 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тою поры, какъ она Литвою завладѣла и до смерти Богдана Хмельницкаго. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 г. Перев. съ польскаго Н. Янковскаго. М. 1857 г. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ. Января 5 дня, 1861 года.

Цензоръ Ст. Лебедевъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München